МАКСИМ СЕМЕЛЯК

МУЗЫКА ДЛЯ МУЖИКА

SHNUR.TV
ВК: ЛЕНИНГРАД.РФ

ИСТОРИЯ ГРУППЫ

«ЛЕНИНГРАД»

АМФОРА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Группа «Ленинград» сделала с российским поп-музыкальным пространством то же, что Французская революция со старой Европой — быстро, грубо, бесповоротно и головокружительно. Первая книга о «Ленинграде» и его лидере Сергее Шнурове, написанная ведущим музыкальным обозревателем журнала «Афиша» (2001–2007), свидетелем и соучастником описываемых событий, — не биография группы в общепринятом смысле, скорее, по авторскому определению, «подарочный набор воспоминаний с претензией на некий коллективный автопортрет».

- Максим Семеляк
  - Вместо пролога
  - Действующие лица
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая: мужик для музыки
  - Вместо эпилога

Максим Семеляк
МУЗЫКА ДЛЯ МУЖИКА

Посвящается Юле

Данный релиз подготовлен специально для официального фан-сайта группы Ленинград — Шнур.ТВ

Вместо пролога

«Наша матушка Расия всему свету гала-ва!» — запел вдруг диким голосом Кирюха, поперхнулся и умолк. Степное эхо подхватило его голос, понесло, и казалось, по степи на тяжелых колесах покатилась сама глупость.

Антон Чехов

Летними вечерами — часов в шесть-семь-восемь, — когда средняя скорость человека превышает автомобильную, а в воздухе виснет стеклянная офисная усталость, Тверская улица становится особенно неинтересной. Глазу есть по чему скользить, но не на чем задержаться. Кругом все столь же ярко, сколь и нелюбопытно, исправно, но неудивительно. Побирушки со стажем привычно требуют свое, покинутые машины готовятся к принудительной эвакуации, малочисленные сектанты распевают нудные евангельские рок-н-роллы, понурым мавзолеем высится отель «Ритц-Карлтон», и кажется, что сама жизнь застыла в бессмысленном оцепенении. Застыла не без удовольствия.

Как раз таким летним вечером — часов в шесть-семь-восемь — на Тверскую выскочил невысокий бородатый человек в голубой рубашке. Он выбрался из машины, в которой больше не было никакого смысла, и пошел вверх по улице, по направлению к Пушкинской площади. В руке у человека был жбанчик «редбулла», а за шиворотом торчали два крупных флага Российской Федерации — такие могли бы висеть на домах в государственный праздник. Налетевший ветер делал их похожими на крылья, а их обладателя — на, соответственно, ангела. Человек покрикивал что-то про нанотехнологии и смеялся.

Хмельной пустяк неуловимым образом всколыхнул улицу. Машины зашевелились в своем неповоротливом потоке. Прохожие задвигались резче, завертели головами. Рассеянное внимание Тверской сошлось на точке всеобщего интереса, и эта точка быстрым шагом двигалась в мою сторону, пока не достигла арки Большого Гнездниковского переулка, где я и пожал человеку с крыльями свободную от «редбулла» руку.

Ходить по Тверской с пьяным да еще и окрыленным Сергеем Шнуровым было непросто, и я предложил ему укрыться от

уличных почитателей в «Пушкине». Сев за стол, Шнуров первым делом потребовал стакан «Амаретто». «Амаретто» не оказалось. Пришлось ему взять какой-то равновеликой по мерзости клюквенной настойки (была у Шнурова эта страсть к диким напиткам, типа Asti Cinzano). Крылья по-прежнему торчали у него за спиной. В помещении они смотрелись неважно, пожухло, он это немедленно почувствовал и тут же затеял новую игру. Он попросил у официанта вазу и, вытащив наконец из-за спины свои штандарты, пояснил: «Цветочки поставить». Его послушали. Официант притащил огромную вазу, начал расставлять в ней то, что Шнуров нарек цветами. Происходящее стало очень похоже на финальную часть антониониевского «Фотоувеличения». (Я, надо сказать, уже как-то попадал в пространство этого фильма в связи с «Ленинградом» — несколько лет назад утащил с концерта черенок разбитого стратокастера.) После обеда Шнур настоял, чтобы я взял один из цветков домой. Я пробовал отмахнуться, но спорить с ним в таком состоянии, как правило, не имеет смысла.

Пробираясь между столиками с этим дурацким крылом-цветком, я думал о боевом искусстве наглядности, которым этот человек, будучи ангелом и пугалом в одном лице, овладел в совершенстве. Шнур всегда работал только с самыми очевидными и нескрываемыми вещами, будь то мат, алкоголь или вот знамя. Он умел создавать такие условия, при которых из ругательства получалась песня, из карточки для метро — медиатор, из флага — крыло, из телефонного зуммера — мелодия на миллион долларов, а из чужой музыки — собственная. Я бы не сказал, что он брал то, что плохо лежит. Наоборот. Секрет как раз и заключался в отсутствии секрета — Шнуров брал только то, что лежит очень и очень хорошо. Лишь то, на что имеет право каждый. Ну, как на флаг. Или на алкоголь. Или на мат. Шнуров, в сущности, ничего не изобрел. Но он дал всем этим простым и подручным вещам свою фамилию, обозначил биологическое родство и стал в некотором роде хозяином положения.

Дома я вытащил из кармана пухлую флэшку, обтянутую толстым слоем голубой резины, — Шнуров сунул мне новый альбом «Ленинграда». Спустя несколько месяцев он будет снабжен веселой растленной картинкой, разойдется под названием «Аврора» и станет своеобразным символом возрождения группы в ее первозданной прыти и дичи. Я начал слушать. Первой песней шла «Музыка для мужика».

На следующее утро я позвонил Шнурову и сказал, что «Музыка для мужика» — неплохое название для альбома (тогда он еще никак не назывался). Шнуров особого энтузиазма не выказал — он вообще редко вдохновлялся сторонними

наблюдениями на собственный счет. Я подумал: «Тогда я забираю название себе».

Повертев флэшку в руках, я обнаружил, что на ней тоже изображен ангел. Он был улыбчивый, расписной и мордастый.

Действующие лица

Сергей Шнуров — лидер группы «Ленинград»

Игорь Вдовин — экс-вокалист группы «Ленинград»

Всеволод «Севыч» Антонов — перкуссионист группы «Ленинград»

Александр «Сашко» Привалов — экс-трубач группы «Ленинград»

Митя Борисов — ресторатор

Илья Бортнюк — промоутер, глава компании «Светлая музыка»

Андрей «Андромедыч» Антоненко — музыкант, аранжировщик

Алина Крупнова — продюсер

Стас Барецкий — поэт

Иван Дыховичный — кинорежиссер

Леонид Федоров — музыкант, лидер группы «АукцЫон»

Иван Лебедев — монтажер

Борис Гребенщиков — музыкант, лидер группы «Аквариум»

Алексей Зимин — журналист, главный редактор журнала «Афиша-Мир»

Дмитрий Ицкович — ресторатор, издатель

Егор Летов — музыкант, лидер группы «Гражданская оборона»

Роман Парыгин — трубач группы «Ленинград»

Митя Мельников — экс-барабанщик группы «Ленинград»

Юрий Сапрыкин — журналист, главный редактор журнала «Афиша»

Борис Хлебников — кинорежиссер Мартин Жак — музыкант, лидер группы The Tiger Lillies

Александр «Пузо» Попов — музыкант группы «Ленинград»

Михаил Ефремов — актер

Глеб Владиславлев — менеджер среднего звена

Алексей Казаков — журналист

Земфира Рамазанова — певица

Олег Гитаркин — музыкант, лидер группы Messerchups

Дмитрий «Демыч» Беляев — церковный сторож

Дмитрий Ткачев — журналист

Михаил Трофименков — журналист

Константин Мурзенко — актер, сценарист, кинорежиссер

Лида Федорова — промоутер

Ира Седова — арт-менеджер клуба «Китайский летчик»

Василий Уткин — спортивный обозреватель, телеведущий

Анна Черниговская — издатель

Андрей Карагодин — журналист, главный редактор журнала Gala

Гарик Осипов — музыкант, писатель, переводчик

Борис Симонов — хозяин музыкального магазина «Трансильвания»

Денис «Веич» Вейко — роуд-менеджер группы «Ленинград»

Дуня Смирнова — сценарист, режиссер, ведущая телепрограммы «Школа злословия»

Оксана Бычкова — кинорежиссер

Сергей «Ободо» Бакалов — фотограф

Евгений Лаврентьев — кинорежиссер

Алексей «Микшер» Калинин — барабанщик, перкуссионист группы «Ленинград»

Артемий Троицкий — журналист

Денис Рубин — первый директор группы «Ленинград»

Илья Ценципер — генеральный директор ЗАО «Афиша индастриз»

Дмитрий Ольшанский — журналист, главный редактор журнала «Русская жизнь»

Константин «Лимон» Лимонов — гитарист группы «Ленинград»

Паша Павлик — дизайнер

Денис «Кощей» Купцов — барабанщик группы «Ленинград»

Роман Грузов — журналист, художник, участник группы «Речники»

Ольга Сальникова — журналист

Роман «Ромеро» Фокин — экс-саксофонист группы «Ленинград»

Михаил Рябчиков — арт-директор клуба «Проект ОГИ»

Николай Охотин — сотрудник клуба «Проект ОГИ»

Станислав Ф. Ростоцкий — кинокритик

Светлана «Колибаба» Шестерикова — певица

Андрей Васильев — журналист, главный редактор газеты «КоммерсантЪ»

Ник Рок-н-ролл — музыкант

Анна Маграчева — подруга группы

Андраш Фэкете — фотограф

Вера Рейнхат — жена Севыча

Маша Федоренко — музыкант

Сергей Стишов — владелец трэвел-агентства в Гоа

Григорий Зонтов — саксофонист группы «Ленинград»

Марфа Хромова-Борисова — корректор

Андрей Денисов — журналист

Андрей «Дед» Кураев — бас-гитарист группы «Ленинград»

Илья «Пианист» Рогачевский — клавишник группы «Ленинград»

Дмитрий Степанов — издатель журнала «Афиша»

Матильда Мозговая — журналист

Глава первая

В тот день Ник Кейв потребовал себе героин в гримерку Дома культуры имени Горбунова, его тогдашний гитарист Бликса Баргельд изобразил подобие чечетки на крыше чужого «мерседеса», припаркованного у клуба «Четыре комнаты», а я впервые услышал о существовании группы «Ленинград».

Я полулежал на заднем сиденье рывками движущихся «жигулей», отхлебывал из бутылки и вполуха слушал то, что нес рыжий повеса, похожий на подсолнух, который неделю простоял на прокуренной кухне. Подсолнух сидел впереди, его звали Митя Борисов, и он проталкивал мысли насчет новой команды по имени «Ленинград». Говорил, что они из Питера; что они играют шумно, пьяно, матерно и весело; что их в группе очень много; что песни в ней пишет некий Шнуров, а поет их какой-то Вдовин. С его слов выходило, что уже осенью «Ленинград» превзойдет всех и вся. Борисов старательно избегал слова «блатняк», взамен оперируя скользким термином «городской шансон». Ехали мы на концерт Ника Кейва.

Я подсолнуху не слишком верил, хотя и знал его неплохо — Борисов с середины девяностых вел дела импровизированной продюсерской конторы под названием «Ы», которая в основном занималась организацией московских концертов группы «АукцЫон». Летом 96 года Борисов устроил под эгидой французского посольства довольно шумное празднование Дня взятия Бастилии в бассейне «Чайка». Я там работал охранником — так и познакомились.

Карьера секьюрити как-то не задалась, и я решил переквалифицироваться в музыкальные критики. Провернуть это было довольно несложно, поскольку уровень здешней музыкальной журналистики в те годы был даже плачевнее, чем состояние собственно музыки. Уже спустя год Борисов нахваливал мне питерскую же группу «Маркшейдер Кунст», которая пела про то, что деньги это придуманный способ обмана. То была неплохая, но довольно ограниченная своим увеселительным тоном музыка — босяцкий подгон в сочетании с афробитом. Там был грув, но не было драйва, и в результате выходила вполне резервационная история для каких-то неведомых «своих».

Я подумал, что «Ленинград» скорее всего станет очередной аберрацией «Ы» — та же резервация, только не про раста, а про искомый городской шансон. Меж тем резерваций тогда решительно не хотелось. Хотелось, напротив, какого-нибудь

массового помешательства. Я поездил тем летом с группой «Мумий Тролль» по Приморью, и мне ужасно понравились все эти автобусы, раскачиваемые обезумевшими девчонками, принципиально стадионные концерты и прочие атрибуты, наделяющие самую пустоголовую рок-музыку хоть каким-нибудь смыслом. Тема крупномасштабного успеха тогда вообще витала в воздухе. Даже издательство Ad Marginem переключилось с французских интеллектуалов на русских бредмейкеров — уже пошли в тираж Сорокин и Баян Ширянов, но еще хватало ума не печатать Проханова. Эра «Ома» с его переводной журналистикой и краденными картинками Терри Ричардсона благополучно завершилась, более оригинальный «Птюч» тоже притих, эпоха журнала «Афиша» еще не наступила, поэтому почитывали в основном «Русский телеграф» и русский Интернет. В Сети наиболее забавным чтивом были сардонические трактаты математика Михаила Вербицкого, главного мыслителя тогдашнего рунета.

Опоздавшая молодежь слушала easy listening в различных его проявлениях — как раз вышел первый альбом Air, который придал коллекционной, в сущности, истории легитимную актуальность. Принудительная легкость и сладкая безосновательность этой музыки неплохо сочетались с подозрительно крепким статусом рубля и затишьем в Чечне. Для более въедливых эстетов, неформалов и просто сумасшедших исключительной важностью обладала радиопередача «Трансильвания беспокоит». Ее автор, божественный запорожский шиз Гарик Осипов был, наверное, самой недооцененной фигурой второй половины местных девяностых — именно он заморочил всем голову на предмет Аркадия Северного, Кости Беляева, Владимира Шандрикова и Александра Шеваловского, гениально увязав неухоженных блатарей с шустрой итальянской эстрадой, кромешным помп-роком, австрийским дарк-вейвом и саундтреком к кинокартине «Vampyros Lesbos». Вся же дозволенная и абсолютно неинтересная рок-альтернатива тогда так или иначе группировалась вокруг конторы FEELEE. Они на законных основаниях распространяли пластинки Mute и еще живого тогда World Serpent distribution, а на должность главной русской рок-группы прочили Tequillajazzz, группу неплохую, но смертельно скучную.

Хотя вопрос тогда вообще нужно было ставить не так. Не «кого назначить главной русской рок-группой?», а скорее «кому эти русские рок-группы вообще нужны?». В самом деле, в англо-, франко- и даже германоязычном мире творилось столько всего интересного в плане музыки (от построка до того же лаунжа), что

только умалишенный мог всерьез заинтересоваться записями какой-нибудь группы «Deadушки».

Мы ехали и ехали на этих «жигулях», длинный летний день 98 года никак не мог кончиться, каждую минуту было что-то сказано, каждый час происходило нечто. Но мне все-таки запомнилась именно история про «Ленинград». Непристойности вообще врезаются в память сильней — вполне по правилам древнеримской риторики.

Месяц спустя Борисов позвонил мне и попросил тем или иным образом воспеть коллектив. Я обрадовался предложению, поскольку мне совершенно нечем было заполнить полосу журнала Show, который мы тогда творили вместе с Зиминым, Ростоцким и Казаковым под руководством Осколкова-Ценципера И. В. Продвижением проекта занимался удивительный человек Дмитрий Ханкин (кстати, именно ему принадлежал «мерседес», на котором плясал Бликса Баргельд). Тот факт, что ни одной песни «Ленинграда» я не слышал, меня не слишком смущал. С восторженных борисовских слов я за десять, что ли, минут сочинил первый в истории текст о группе. Вот он:

«„Ленинград“ — представители независимой клубной сцены города Питера — готовят к выпуску дебютный альбом. Попытки раскрутки подобных коллективов (например, „Маркшейдер Кунст“) до сих пор успеха не имели. У „Ленинграда“ есть шансы стать исключением из правил. На сегодняшний день группа покончила с мастерингом 24 песен для диска „Пуля“. Снимаются два клипа. Группе помогает лидер „АукцЫона“ Леонид Федоров (иногда он выступает на концертах „Ленинграда“: играет на гитаре и поет песню „Таня“). Недавно „Ленинград“ прекратил сотрудничество с „Шок рекордз“ и теперь работает с продюсерской группой „Ы“. „Ленинград“, образованный десятком профессиональных музыкантов в 1997 году, играет ретро-шансон-фолк-панк, лихую плясовую музыку с матерком — нечто среднее между Томом Уэйтсом, группой Pogues и Аркадием Северным».

Этот идиотское, а впрочем, вполне провидческое сочинение было проиллюстрировано даже не фотографией собственно исполнителей ретро-шансон-фолк-панка, а почему-то черно-белым изображением Исакиевского, кажется, собора. Не думаю, впрочем, что эта публикация сильно поспособствовала продвижению группы «Ленинград», поскольку буквально через неделю-другую после комической презентации в ресторане «Театро» производство журнала Show было резко приостановлено в связи с обрушившимся дефолтом. Руководство издания истерически засобиралось в Прагу (это было популярное поветрие среди тех, кто успел хоть что-нибудь заработать). Мы с Зиминым

ничего заработать не успели, поэтому в дни кризиса часами сидели на лавочках в районе метро «Маяковская», пили пиво, слушали группу «Адаптация» и от нечего делать следили за передвижениями видного метафизика Александра Дугина, который жил в соседнем дворе. Дугин катался на «опеле» и грыз чипсы с солью.

Денег на новые пластинки у меня не было, и от нечего делать я стал слушать разнообразный отечественный скарб, который скопился у меня за последний год. В конце концов руки дошли до пилотной пластинки группы «Ленинград». Она, в общем, подтвердила мои опасения насчет резервации, производя впечатление чего-то одновременно и забродившего, и выдохшегося. Определенная ферментация чувствовалась, но ее категорически не хватало. «Пуля», разумеется, была довольно тонкой работой, в некотором смысле даже эталоном блатного декаданса. Однако червоточины преобладали над спелостью, что в этом жанре равносильно гибели.

От группы «Ленинград» вообще и от «Пули» в частности воротили нос те, кто посчитал ее неумолимым блатняком. Моя проблема с «Пулей» заключалась в обратном. Пластинка, несмотря на весь свой мат и понт, буквально сочилась тем, что впоследствии получит гадкое название «шансон с человеческим лицом». Стилизованная ушлость шансона, присущая ей, никак не вязалась с моими тогдашними пристрастиями, продиктованными, разумеется, Гариком Осиповым (Северный, Шеваловский etc).

Вообще, любые стилизации на тему советского дворового прошлого были совершенно не ко времени. Назревали натовские бомбардировки Сербии, через каких-то полгода председатель правительства Примаков прямо в воздухе развернет самолет, летящий в Америку, и тогда уже нешуточно запахнет настоящей войной — вплоть до записи в добровольцы. «Русский телеграф» закрыли — он так и остался последней газетой мечты, то есть такой, где платили непомерные деньги за художества в форме передовиц. Мой приятель по прозвищу Штаубе, выходец с философского факультета МГУ, в те дни писал мне так: «Это, несомненно, Конец девяностых, обрекающий нас с Вами, драгоценный друг, на последующее воспроизведение способа жизни, известного как „диссидентский“ разумеется, в пародийном варианте. Шестидесятые, девяностые, иные оттепели недолговечны и обманчивы. Вот и опять… Ждет нас экономика мобилизационного типа, приоритет, разумеется, „оборонка“. Сотрудничество с сомнительными режимами по всему миру. Милитаризация госидеологии. Серый цвет, пятиэтажки, „заказы“ к празднику. Больше ничего. „Наш президент“ еще на две недели.

Ну, на год. Мумия до 2000. Загранпаспорт я делать не буду из предубеждения против очередей и бюрократических процедур. Ужас, ужас…»

Вот такие были у ровесников настроения.

На этом фоне «Ленинград» с его ретро-аффектацией казался нелепым курьезом из дореформенного прошлого, поделом канувшим в Лету вместе с горе-панегириком из дурацкого журнала Show.

Под самый занавес 98 года все тот же Митя Борисов позвал меня на открытие клуба с роковым названием «ОГИ» и одновременно на запоздалую презентацию альбома «Пуля» — эти события решили совместить как вполне родственные. Был отвратительный рыхлый заснеженный вечер. Я зашел в странное шумливое помещение, увидел стаю ошалевших питомцев РГГУ, догадался, что коммуналки бывшими не бывают. Я стоял и злобно думал: «Похоже, я теперь всю жизнь буду писать отчеты об открытии каких-то сквотов в газеты, которую никто не читает, под музыку, которую никто не слушает». Митя повел меня знакомиться с каким-то непоследним человеком из группы «Ленинград». Человека звали Сергей. Мне понравилось, как он смотрит: в этом взгляде сквозила вороватая гордость. Но все-таки этого было недостаточно, чтобы оставаться на концерт. Мы попрощались со Шнуровым, и я не думал, что когда-нибудь увижу его снова.

Митя Борисов

Леня Федоров сказал мне, что появились охуенные ребята — живые, настоящие, с дудками. Он поинтересовался, не хотим ли мы нашей продюсерской группой «Ы» им помогать. Леня для нас был такой авторитет, что мы, даже не послушав, сразу рванули в Питер на студию «ЛСД», и там Леня нам первый раз поставил сырой материал. Я был в диком восторге. Немедленно в ближайшем кабаке познакомились с парнями и договорились их продюсировать. Это был 98 год. Делать мы в смысле музыкального продюсирования ничего не умели. Ну, мы делали какие-то концерты — «АукцЫон» в Горбушке, «Мумий Тролль» в Лужниках, Летов еще. Вели себя предельно наивно. Зато отлично повеселились. Те летние питерские загулы с пьянками, с драками были одними из лучших в моей жизни. Люди в «Ленинграде» тогда все были свежие, неиспорченные. Они совпадали с моим тогдашним драйвом. Вроде и работали тогда много — все чего-то делали, а с другой стороны, пили, дрались и хулиганили. Сейчас такого трудно достичь.

Вдовин не пил, он на студии в основном тусовался. В кабак

если заглядывал, то ненадолго. А мы продолжали бухать.

Алексей Зимин

Про группу «Ленинград» я узнал летом 98 года. В мире катастрофически дешевела нефть, страна стояла на пороге экономического коллапса, а мы делали первый номер журнала Show. Я был литературным редактором, Семеляк — музыкальным обозревателем. Предполагалось, что это будет русский Rolling Stone и Bilboard одновременно. Поскольку никакого шоу-бизнеса вокруг не наблюдалось, писать нам в этом журнале было особенно не о чем. Семеляк готовил полосу про «метаморфозы панка на рок-сцене» или как-то так. На полосе этой была колонка новостей, в газетах такие называют «стаканами». Новостей, понятное дело, никаких не было, поэтому пришлось писать про какую-то группу «Ленинград».

Илья Бортнюк

Тиньков предложил мне сделать компанию — просто так, по-моему, сказал. Я, естественно, согласился, хотя про этот бизнес тогда вообще ничего не понимал.

Основным проектом были «Кирпичи», потом «Нож для фрау Мюллер». И тут кто-то мне сказал, что есть такая группа «Ленинград». Я пошел на концерт в «Грибоедов», и, конечно, мне очень понравилось. Народу было немного, даже неполный зал. Я им сразу предложил записаться. На следующий же день ко мне пришел Вдовин. Шнурова я тогда не позиционировал как лидера коллектива. Но на переговорах больше говорил Шнуров, и видно было, что он здесь решает.

Анна Черниговская

Все немного завидовали Бортнюку, который сумел развести Тинькова на лейбл, и совершенно не понимали, зачем он так носится с группой «Ленинград». Ее в городе, по-моему, вообще никто не воспринимал до тех пор, пока она не вернулась в Петербург на плечах московской славы.

Та же история была в свое время и с «Кино», и с «Зоопарком», я подозреваю, что и с «Аквариумом».

Олег Гитаркин

К 97 году «Два самолета» уже давно подсдулись. Они делали что-то, но скорее по инерции. «Ленинград» заняли пустующую нишу.

Нужен был очередной питерский миф. Не было тогда главной группы в городе, а они появились и резко сказали: «Мы главные,

всё».

Сергей Шнуров

По идее, «Ленинград» замышлялся этакой атомной бомбой, летящей из Петербурга в Москву. И все тогда чувствовали эту живость. Все понимали, что репетировать не нужно. Это вообще было одно из условий существования «Ленинграда»: одна репетиция, и все, вперед, играть.

Анна Черниговская

В конце 96 года я работала в компании «Триарий», которая издавала бэк-каталог «Аквариума», какие-то совсем древние пластинки. Боря не хотел над этим работать, поэтому мы привлекли Дюшу в качестве дизайнера. В 96-м в Петербурге никаких компьютеров не было, никто не знал, как это делается. Зато у нас был небольшой бюджет, и нам нужно было найти какого-нибудь верстальщика, который под Дюшиным руководством будет все делать. Наши приятели с радиостанции «Модерн» сказали, что у них имеется такой приходящий дизайнер, которому определенно нужны какие-то маленькие деньги. Но у него нет компьютера. Поэтому если у нас есть какая-то точка, они его с радостью к нам приведут. А у нас был друг, который занимался спекуляцией компьютерами, так что это мы как раз могли организовать. И к нам с Дюшей пришел скромный аккуратный парень. Он производил впечатление человека, который впервые слышит о существовании рок-музыки вообще и группы «Аквариум» в частности. Типа — надо верстать, ну и надо. Довольно долго договаривался про деньги. И он сидел сутками с Дюшей над этими каталогами. Злобный компьютерный спекулянт им даже чая не наливал, они ходили есть в ближайшую пирожковую. Дюша мне как-то сказал: представляешь, этот парень какую-то группу собрал, на концерты меня звал, вопросы какие-то аккуратные задает. Это как раз было перед первым концертом группы «Ленинград». Я не помню, ходил ли на него Дюша, но помню, что мы были возмущены — как можно называть группу этим заскорузлым, омерзительным словом, от которого все только что с такой радостью отказались? Весь материал, который впоследствии составил альбом «Пуля», казался нам ужасным кабаком. Эффект был как от фильма «Брат» — зачем вы выпускаете джинна из бутылки?

Сереже нужно было в шесть вечера обязательно уйти; он был очень прилежный дизайнер, и мы думали: вот какие странные люди теперь занимаются рок-музыкой. Работают дизайнерами, возвращаются домой к определенному часу, не пьют, кстати,

ничего — никакой темы алкоголя не было даже близко.

Дизайн они так и не закончили. Компьютер сгорел, и вся эта история благополучно завершилась.

Сергей Шнуров

Тогда компьютеры были как НЛО. Я уже умел с ними общаться, а он еще нет. Денег у меня было мало, и Дюша кормил меня в столовке.

Анна Черниговская

Сережа один из самых трогательных людей, которых я знаю. Не могу сказать, что он был чем-то обязан Дюше. Но когда Дюша умер, он сразу же позвонил и предложил сделать концерт. Где-нибудь в «Спартаке», хотя бы на тысячу человек, чтобы деньги собрать. И сам организовал этот концерт. Люди, гораздо более близкие Дюше, не выступали с такими инициативами.

Дмитрий «Демыч» Беляев

Мы познакомились со Шнуровым на подготовительных курсах в строительный институт. Совместно прогуливали эти самые курсы и поигрывали музычку. Репетировали на чердаке. Песни писал Саша Ирзак — что-то в стиле русского рока, но только очень романтичное. Серега играл на соло-гитаре. Поступили в институт, через полгода все дружно оттуда вылетели. И Серега решил пойти в реставрационный лицей. Ну и я за ним. Но поскольку Серега-то человек всесторонне талантливый, то ему вступительный рисунок нарисовать было просто. А за меня рисовал наш товарищ Коля Талалакин, боксер и музыкант. Поступили, короче. Начали поигрывать в каком-то лицейском коллективе что-то вроде панка. От армии никаких легальных откосов у нас не было, поэтому пришлось уйти в подполье. Но благо годы были такие, что сильно никого не дергали, можно было относительно спокойно жить.

Закончили училище, но опять-таки годы были такие, что реставрировать было особо нечего — в лучшем случае нужно было открывать какой-нибудь мебельный бизнес. Вместо этого мы с Серегой подрабатывали сторожами в детском саду — Шнурову нужно было кормить семью. Открылся Религиозно-философский институт, и я Серегу туда завлек. Группы «Ленинград» еще и близко не было, но Серега постоянно ходил с гитарой, что-то пробовал изобрести, песенки какие-то, стишки. Работал кузнецом — знакомые пригласили, научиться можно было быстро, а платили хорошо. Так Серега занялся художественной ковкой, которая плавно перетекла в занятия дизайном.

Сергей Шнуров

Я работал кузнецом в тот бурный период, когда братва крушила друг друга направо и налево. Заказы пёрли просто отлично. Потом, когда крушить стало некого, работы резко поубавилось. И я решил сменить вид деятельности.

Дмитрий «Демыч» Беляев

В восемнадцать лет он был очень похож на Гоголя. У него были длинные волосы, и он носил казаки. Ничего особо вызывающего. Когда мы познакомились, Серега практически не пил. И не курил. Но потом мы как-то одновременно пристрастились ходить в бар «Лабиринт» на Литейном. Это был такой пивняк советского типа, смрадное место с кучей народа. Потом уже сами стали отоваривать семейные талоны на алкоголь. Ну а поскольку мы все курили, то и он начал. Вообще, он с восемнадцати лет стремился себя как-то выразить — при помощи музыки, стишков. Впрочем, кредитную карту с миллионом долларов ему тоже одно время хотелось.

Денис Рубин

У меня есть такой приятель, Саша Ирзак, музыкант, который сейчас нигде не играет. Лет в четырнадцать я с ним познакомился, он играл свои песни и как-то позвал меня на точку. С ним играли саксофонист и басист. После репетиции пошли пить кофе. Мы с Ирзаком долго философствовали, говорили о музыке, а эти двое сидели — ну просто чистые гопники: кирзовые сапоги, олимпийки какие-то. Они мрачно пили кофе, ничего не говоря. Лет через десять я сопоставил факты и понял, что тем басистом был Шнуров.

Игорь Вдовин

До «Ленинграда» был ряд проектов. Я учился в то время на первом курсе училища Мусоргского, мы уже были знакомы с Сергеем, у него была группа «Ухо Ван Гога». Меня со Шнуровым познакомил такой человек Максим Сергеев, он, по-моему, сейчас актер. Мне очень нравилось, что они тогда делали. Чем-то напоминало Siouxsie & The Banshees. Это был год, наверное, девяносто первый, очень впирало. Пела девушка, у нее был такой якобы классический голос. А я в то время зависал совершенно дико на авангарде, на ребятах типа Айвза, Штокхаузена. Такое было время, когда хотелось поумничать в музыке. И появился человек Артем Алексеев — поэт, художник, он сейчас живет в Дании, замечательные стишки писал. Я позвал приятеля по

училищу Андрея Антоненко, он был аккордеонист и еще очень неплохо играл на рояле. С Антоненко мы познакомились буквально в день поступления. Там еще был совсем мелкий Рома Парыгин.

Роман Парыгин

Мы с Вдовиным мыли в Мусоргском училище окна и развлекали девок с вокального отделения. И он мне сказал, что у него есть группа, и произнес слово «блатняк», а мне тогда было лет пятнадцать, я как-то с трудом представлял, о чем речь. Ну и соскочил.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Вдовин меня заметил благодаря тому, что я играл на фортепиано проигрыш из «Light My Fire». Он же такой достаточно сложный в гармоническом плане. Вот с такой характеристикой я и пришел в «Ухо Ван Гога» — чувак играет проигрыш из The Doors.

Игорь Вдовин

Антоненко был немногословный юноша, но он тоже знал, кто такой Шенберг, и, в отличие от всех остальных студентов, производил впечатление человека в принципе думающего. И я позвал его в наш проект, чтоб он играл сначала на аккордеоне, а потом пересел за рояль. Мы очень мило играли всякие диссонансы, а Артем читал стихи. Даже сыграли какой-то концерт на фестивале бардовской песни в театре. В то время это было очень круто. Потом я ушел в армию. Антоненко тоже.

А Шнуров решил вообще бросить музыку. Он поступил в Философско-религиозный институт. Еще он делал копии картин и на это жил. А мне после армии очень хотелось играть. У меня в то время появился синтезатор с несложным секвенсором, можно было программировать нехитрые штуки. Так начался второй этап группы «Ухо Ван Гога» — мы захуячивали песни на синтезаторе и даже делали некие шоу.

Сергей Шнуров

«Ухо Ван Гога» — это великая группа. Я придумал ее вместе со своим другом Демычем. Он в ней танцевал.

Она выступала под фанеру. Я придумал фишку, что мы первые независимые музыканты, которые поют под фонограмму.

Алексей «Микшер» Калинин

Никого из «Ленинграда» я не видел раньше. Серега был из

какой-то тусовки, которая была мне неизвестна.

Дмитрий «Демыч» Беляев

Городу нас маленький, и Шнуров какое-то время репетировал на одной точке с «Телевизором». И Борзыкин однажды пригласил его поиграть с ними. Но Серега не повелся.

Илья Бортнюк

В старой тамтамовской тусовке Шнурова не было. Но это и неудивительно, потому что он все-таки помладше того же, например, Гитаркина. Там каким-то боком был Вдовин. Я, кстати, был в «Арт-клинике» на концерте «Ухо Ван Гога», даже помню, разговаривал со Шнуровым. Так себе группа была, прямо скажем.

Алексей «Микшер» Калинин

Я жил в сквоте, у меня была 150-метровая комната, где я устраивал сальса-дискотеки. «Маркшейдер Кунст» просто уехали на год в Москву, потому что здесь было не заработать. Тут было нечем платить людям, и поезд 0.35 даже получил название «Черная стрела». На этом поезде в пятницу вечером ехало команд по десять из Питера. «Дай пистолет», Tequillajazzz, Леня Федоров, Волков со своим контрабасом — все ехали на заработки. В Питере ничего интересного после «ТаМтАма» не было — я помню только «Грибоедов», «Молоко» и «Спартак», который накрылся достаточно быстро. Были разные ужасные рокерские клубы, где протекала своя нелепая рок-жизнь. Я однажды заезжал в один такой клуб барабаны забрать — говнище полное. Здесь только панковский мир и выживал, потому что играли не за деньги. Профессиональному музыканту пришлось затянуть ремень.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Мы учились вместе со Вдовиным, он на платном, по классу гитары. Как-то один раз дернул меня на репетицию группы «Ухо Ван Гога» — поехали, поиграем. Я взял свой огромный аккордеон, который по весу не слишком отличается от контрабаса. И потащился на «Техноложку» к Сереге, он тогда жил у родителей. Прихожу, там сидят два парня и рубят на гитарах какую-то музыку, достаточно сложную гармонически. Я беру аккордеон, расставляю пальцы пошире ну и начинаю поливать. Даже записывали что-то.

«Ухо Ван Гога» — это такая достаточно изысканная мелодекламация, чистый экспрессионизм на самом деле. Очень свободные были формы, экспериментировали как хотели. Через неделю Вдовин говорит: все, у нас концерт. После одной

репетиции. Я даже не стал брать аккордеон, думаю, буду играть на пианино. Первый концерт был на фестивале бардовской песни в театре «Эксперимент». Программа наша состояла из четырех, может, пяти песен. Одеты мы были в лосины. Между ног запихивали полиэтиленовые мешки — для увеличения хозяйства. Придумал это, кстати, Серега. Помню, была песня под названием «Спадала улица», медленная. В общем, серьезный проект.

Потом Вдовину его тогдашняя девушка купила синтезатор Ensonic. Мы сидели, программировали все песни, потом сливали на кассету и под нее выступали. Четыре человека с микрофонами, типа экспрессивный Beastie Boys. Это продолжалось около полутора лет, пока Артем не свалил в Данию.

Параллельно с этим Сереге в руки попала кассета с Аркадием Северным, и он начал строить свои планы. Была осень 97 года, был последний концерт группы «Ухо Ван Гога», в «Грибоедове». А потом он мне позвонил и сказал: все, группы «Ухо Ван Гога» больше нет, есть группа «Ленинград». Приезжай на репетицию. К тому времени было уже понятно, что играть надо обязательно. Волшебство было во всем. Репетиции были на улице Марата — там репетировала группа «Наташа», которая играла новую волну. «Наташа» была группа с именем. Тут же возник Ромеро.

Сергей Шнуров

Потом я сел дома, были такие перфокарты, которые моя мама таскала домой с работы. Мама работала в НИИ, а с бумагой было хуево. И начал выдумывать название, и выбрал «Ленинград».

У «Уха Ван Гога» должен был быть через четыре дня концерт в «Арт-клинике». Я пришел и сказал, что все, у нас другая группа, по-другому называется и все вообще по-другому. Так появилась группа «Ленинград». Я обрисовал концепцию группы Артему и сказал, что через пару лет это будет номер один в России. Он офигел. А мы сидели голодные, оборванные, пьяные, и никаких шансов вообще не было. Мы были на такой стадии жизни, когда вообще ничего не понимали.

Дмитрий «Демыч» Беляев

Всегда было очень интересно, как он чувствовал гитару. Еще до того, как появились всякие стишки и песенки. Берет гитару, начинает извлекать из нее звуки, и возникает ощущение, что они сами собой откуда-то идут. Еще не было ни «Уха Ван Гога», ни «Ленинграда», а уже было ясно, кто перед тобой. К тому же острота ума и слога — это было всегда ему присуще. И жлобом он никогда не был.

Александр «Пузо» Попов

«Ленинград», в общем-то, создал я. Потому что когда гитар нет, откуда возьмется группа? А я в свое время купил пару гитар, а еще одну снял со стены, папашину. На ней «Пулю» и писали. Мой папа вообще-то не очень обрадовался перспективе, что на его гитаре будет кто-то играть. Но когда мы зашли ко мне с Вдовиным и Шнуровым, он показал пальцем на Серегу и сказал — этот пусть играет.

Сергей Шнуров

Это все Пузо. Если б он не нашел той репетиционной точки, я был бы бандосом и скорее всего умер бы в те же годы.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Насколько я понимаю, это была единственная антитеза всей культурной ситуации. Играть простую псевдоблатную лирику, которая при этом идеально отражает современную ситуацию. Тогда же никто так не делал. Все играли какую-нибудь новую волну.

Серега серьезно работал над этим. У него был список возможных названий: «СССР», «Север», «Ленинград» — до фига всего. Я думаю, что именно под влиянием Северного он окончательно решил вопрос стилистики.

Алексей «Микшер» Калинин

Серега огромное количество музыки всегда слушал, он жил тогда на Васильевском острове, у него вся квартира была завалена компактами. Я знаю точно, что Серега занимается неким маркетингом в этой области. Его песни очень часто являются ответами на чью-то недоделанную песню. У него всегда шла полемика между тем или иным коллективом — он говорит о тех же вещах, но по-другому.

Дмитрий «Демыч» Беляев

«Ухо Ван Гога» появилась в то время, когда нам стала открываться какая-то неизвестная доселе литература, и музыка, и художники, и всякий авангард. Все в то время старались экспериментировать. В определенный момент на всю эту гипертрофированную возвышенность и нарочитую искусственность началась аллергия. «Ленинград» был реакцией на эксперименты середины девяностых, возвращением к простоте.

Игорь Вдовин

Все это было, конечно, полнейшим безумием, и я не очень

понимаю, как произошел переход от него на уровень «Ленинграда». Как-то позвонил Серега и сказал, что придумал песню. Я к нему пришел, мы сидели на кухне. У него было две гитары. Я не помню, какая была первая песня — то ли про Лелю и про партбилет, то ли «Стою я как-то на проспекте Невском». Какая-то из двух. А мы в то время очень любили Северного, Тома Уэйтса.

И стало понятно, что можно неплохо покуражиться. Подтянули Антоненко с его аккордеоном. Я позвал ребят из Мусоргского, Рома стал играть на саксофоне. Мы долго не могли найти барабанщика. Первый концерт, кажется, был в «Арт-клинике», было такое место у Миллера. В то время распевать подобные песни были не то что немодно, это был признак отчаянного лоховства.

Александр «Пузо» Попов

Я учился в ЛИСИ на архитектурном факультете, у меня был однокурсник по имени Андрей Фокеев. Он любил Deep Purple, Led Zeppelin и был волосатый. Он перед институтом учился в школе с Серегой. А я до института дружил с Игорем Вдовиным. В какой-то момент мы сошлись вчетвером на Измайловском проспекте в какой-то путяге. Там была какая-то репетиционная точка, по-моему, там Серега что-то играл. Так и познакомился Вдовин со Шнуровым. Потом Фокеев как-то отделился. Я пытался играть на гитаре какие-то блатные мотивы, а Серега со Вдовиным начали что-то вместе музицировать. У нас был еще приятель Артем Алексеев, который сейчас в Дании живет. В результате образовалась группа по имени «Ухо Ван Гога», где Артем писал тексты про авиаконструктора вашей души. Появился Андромедыч, который учился вместе с Игорем в Мусоре.

Потом Вдовин откуда-то добыл синтезатор по имени Ensonic TC-12. Музицирование было несколько ебанутое. Но через какое-то время Серега вдруг сочинил штук пять совершенно иных песен, всякие «Лели», «Айседоры», и мы начали их репетировать. Репетировали в куче разных мест, на Пушкинской, где-то в подвале группы по имени «Наташа», почему-то мы у них на точке репетировали. Я в тот момент жил с девушкой по имени Александра, жил на Черной речке, в двухэтажном домике, и у меня был собственный подвал, я снимал это дело, ну и я купил пару пультов микшерских, школьные приятели помогли мне их спаять. Купил три гитары — а я тогда рисовал вывески, как и все архитекторы, чтобы каких-то денег заработать. Ну мы и писали. Эти пленки в принципе есть, если поискать, на бобинах. Помню, была песня «мыться-купаться и в жопу ебаться». Пели и Серега, и

Вдовин. Потом мы какое-то время репетировали на «Техноложке», я там договорился в конторе с какими-то местными сторожами. На самом деле мы не столько репетировали, сколько играли в бильярд.

13 января 1997 года случился первый концерт под маркой «Ленинград». Собственно, это день рождения группы. Игорь на гитаре, Андромедыч в каких-то лосинах на аккордеоне, Серега на басу, я играл на гитаре и местами ручки крутил на пульте. Первый концерт был в клубе «Арт-клиника», причем вместе с «Ленинградом» был Трахтенберг, который тогда только начинал, пел какие-то частушки. Потом я уехал учиться на полгода в Италию.

Приезжаю обратно, а «Ленинград» уже пиздец какая крутая группа. Собирает аж целый клуб по имени «Грибоедов»!

Сергей Шнуров

«Грибоедов» — это первый нано-рок-клуб. Еще Путина не было, а «нано» уже присутствовало. Реальное точечное место, где кипела по-настоящему творческая жизнь, внутренняя, подпольная. Там происходили удивительные вещи. Печатался журнал «Памперс». Не было этой темы, как сейчас у нас, в смысле «пойдем-побухаем». В «Грибоедове» можно было даже трезвым находиться. Это была победа клубного движения над алкоголизмом и рок-н-роллом.

Паша Павлик

Светку, шнуровскую жену, я знал очень давно — мы познакомились на почве группы «Пепси», которой она тогда занималась. Потом она с ними рассталась — сказала мне, что появились отличные новые мальчики, самая модная группа на свете. Я их услышал первый раз в Питере в «Молоке», ну и втянулся. Шнурова на концертах тогда вообще не было видно — я по крайней мере его среди музыкантов не различал. А узнал я его через рассказики. Они мне опять-таки через Светку попали — был такой в Питере журнал «Памперс», он туда писал всякие статейки, и я его больше понял через литературную деятельность.

Денис Рубин

В «Грибоедове» был смешной литературный вечер Шнурова. Он тогда сделал две книжки маленькие. Шнур читал стихи, а Ромеро стучал на ложках.

Сергей Шнуров

Тема очень простая. Я играл на басу. Вернее, не играл на

басу. Я придумал «Ленинград», собрал какое-то количество людей. Стали играть. Планировалось, что петь буду я. Мы нашли басиста. И тут выяснилось, что современные басисты, вся наша школа петербургского и российского баса, не могут играть элементарные джазовые риффы или простые туц-туц-тутututу-туц-туц. Тогда же вся наша питерская приандеграундная сцена делала жесткий хардкор. Басисты, короче, перевелись, и мне пришлось взять в руки бас. А в те времена я не умел одновременно играть на басу и петь. Потому что, по идее, я играл всегда на гитаре.

Алексей «Микшер» Калинин

Я к тому времени вообще ничего не делал, «Нож для фрау Мюллер» развалился, с Гитаркиным невозможно было реанимировать проект, играть мне в принципе хотелось, но было элементарно негде. В местной музыке была пересменка — «TaMtAm» к тому времени уже закончился. Мой знакомый Дракула сказал, что он-де играет блатную музыку в группе под названием «Ленинград». Ко мне в гости, я жил тогда на Фонтанке, пришли Вдовин и Шнуров, показали песни какие-то. Я обрадовался. А потом мне сказали: слушай, у нас появился человек, который играет на большом барабане, ты не мог бы на чем-нибудь другом играть, не на установке? А мне было реально все равно. К тому времени я уже немножко играл блатную музыку, только это был нью-орлеанский стиль, стомповый, старых времен, еще до свинга. И первый концерт я сыграл на бонгах, что само по себе стебалово. Мы репетировали на Пушкинской, я зашел в подъезд к знакомой, гляжу, прямо у ее двери на подоконнике стоит стиральная доска. Я купил для нее звучок, Пузо помог мне его прикрутить. Ну и я стал играть на этой доске. Потом я подумал, что хорошо бы, конечно, рога на нее надеть, чтобы она помощнее выглядела. И Пузо откуда-то привез мне коровьи рога. Она до сих пор жива, эта доска. Я перманентно на ней что-то делаю. На студии у Дэнса.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

С музыкантами у нас было все нормально за исключением барабанщика.

До прихода Микшера барабанщики в группе «Ленинград» менялись раз в месяц. Помню, был такой персонаж Андрей по прозвищу Маззи. Усатый, в кожаной куртке, настоящий гопник из Купчино. На репетиции он неизменно приводил друзей и пол-литра водки, которую они минут за сорок и приговаривали. Коронный его номер был, когда он выходил и играл на ложках в

песне «Дороги на Москву». Вообще, много было смешных музыкантов. Был такой Джон, он играл на паркете, то есть на ксилофоне. На концертах для подзвучки ксилофона он брал два микрофона, микрофонов всегда не хватало — ну, молодая группа, кто тебе даст микрофоны? Для вокала максимум. Сначала приходил Микшер, отбирал у него, потом дудки, в результате он играл без подзвучки, и слышно его было только в перерывах между песнями.

Сергей Шнуров

Микшер сказал, что играть на барабанах не хочет, он хотел на всяких бонгах, трещотках. А вообще с нами периодически играли реально великие барабанщики. Например, Петя Трощенков с нами играл на втором или на третьем концерте. Передник, великий барабанщик, но алкаш, тоже участвовал.

Александр «Пузо» Попов

Я брал с собой в Москву на гастроли пятьдесят или сто долларов, тогда это были вполне себе деньги. Из всей группы деньги при себе имели только я и Серега, поскольку мы, помимо «Ленинграда», еще и работали. Он на радио «Модерн» неплохо зарабатывал. Привезенные деньги мы пропивали, то, что получали за концерт, пропивали тоже и возвращались в Питер уже абсолютно пустые. То есть концерты были скорее в минус. Вот такая была материальная составляющая.

Митя Борисов

Надо отдать должное Шнурову, они нас все-таки выбрали. Не то чтобы за ними все бегали, но могли бы с кем-то еще в принципе поговорить. Им как раз понравилось, что мы такие же ублюдки, как и они. Ну и потом Ленька сказал, что с нами можно работать. А мы тогда работали вообще без бизнес-планов, без всего. Идея заработать у нас с Ицковичем была, но примерно такая же, как на «АукцЫоне», то есть очень странная. Ну так, на уровне «клево было б заработать». Вообще, надо признаться, что у группы по имени «Ы» было немного шансов раскрутиться до главной продюсерской конторы.

Алексей «Микшер» Калинин

Во-первых, это не было серьезно. О чем говорить, если за день до концерта тебе звонят и предлагают сыграть на каком-нибудь другом инструменте? Не было никакого репетиционного пафоса, разговоров о музыке и прочей белиберды. Всем все было по барабану, но в каких-то приятных пределах. Во-вторых, в группе

было очень много людей. А тогда не было больших коллективов. «АукцЫон» считался группой из ряда вон за счет своей численности. И на репетициях было абсолютно понятно, зачем столько народу. Потом не было никакого разрыва задницы на тему опоздания на репетиции, неприхода и так далее. Концерты были достаточно удачные, всем было все равно, но было весело. И можно было прямо на ходу что-то придумывать интересное и играть. Мне очень импонировало такое отношение к музыке. Люди не занимались отдрачиванием инструментальных партий, а просто делали то, что получалось в данный момент. Этого ни у кого здесь не было. Все учились играть, у всех были какие-то претензии. Группы собирали для того, чтобы научиться играть какую-то крутую музыку. А собственно поиграть музыку, поджемить собирались только джазмены. Еще такое отношение к музыке было у цыган. А в «Ленинграде» не учились играть, а просто исполняли то, что есть, то, что получается, никто не планировал осваивать какие-то новые музыкальные ходы. Если было плохое настроение, значит, можно было сыграть плохой концерт. Это очень большая разница, ее мало кто понимает. Таких распиздяйских групп в городе практически не было. Разве что «Внезапный сыч». Такой музыки здесь никто не играл из нормальных людей. Некоторые мои знакомые, прослышав, что я стал играть в группе «Ленинград», говорили фу. Никто не замечал, что это такой эстетский выверт, все думали, что это чистый гоп-стоп и блатата.

Денис Рубин

Изначально это был шуточный проект для своих. Альбом «Пуля» записывался не вполне серьезно. Никого не волновало качество, всем нравился такой псевдоблатняк, до которого никто здесь раньше не додумывался. Ну и от мата все были в восторге.

Игорь Вдовин

Песня «Леля», скорее всего, появилась как шутка. И так же шуточно был собран состав из далеко не виртуозных музыкантов. Ребятки играли откровенно плохо. Но нас от такого, наоборот, перло. Это было настолько в пику всему, что происходит вокруг, что мне даже понравилось. И стали появляться песни очень быстро. И неожиданно получилось так, что на наши концерты — в «Грибоедов», «Арт-клинику», в основном эти два клуба, ну «Фиш-фабрик» еще — стали приходить люди, которых я вообще никак не ожидал увидеть, какие-то мои товарищи, завзятые модники. Хотя очень многие воротили нос. Помню, в «Грибоедове» я познакомился с девушкой. Она спрашивает: это вы тогда в

тельняшке пели? А я тогда выступал в тельняшке, чтобы подчеркнуть блатную тему (тогда в сторону Готье никто не думал, наоборот, все это казалось признаком совсем уже глухого Купчино). Я говорю: ну да. Она: ну все понятно. И свалила.

Всеволод «Севыч» Андреев

Серый мне все тряс альбомом «Пуля», звал на концерты. На третий концерт я пошел. На сцене было огромное количество людей, Вдовин был в тельняшке, я еще подумал, что это полнейший пиздок иванович.

Алексей «Микшер» Калинин

Группа производила странное впечатление, потому что в ней не было четко определенного лидера. Для людей со стороны им был Вдовин. И все равно отношения внутри были очень легкими.

Сергей Шнуров

Дудки как-то сами набрались. Появился Дракула, у него был друг Ромеро. Все произошло само собой. Вот и барабанщик появился ниоткуда. Потом появился Соколов — трубач, игравший три ноты, и то с трудом. Когда стали комплектовать духовую секцию, оказалось, что явно чего-то не хватает — нужно хотя бы три инструмента. Причем дудки странные — туба, альт-саксофон и труба. Последние два играют в одном регистре.

В первых опусах было так — куплет, припев, потом некая мелодическая линия. Сыграть ее на аккордеоне было нереально, потому что его не слышно в клубе. А дудки пробивают зал даже без микрофонов. С микрофонами вообще была проблема. Например, в клубе «Молоко» было на весь клуб два микрофона, и оба были перемотаны изолентой.

Александр «Сашко» Привалов

Я познакомился с тубистом Дракулой в училище. Служил в армии, а трубач, который был командиром отделения, он играл в группе. Чего-то я думаю, блин, я тоже хочу вписаться в какую-нибудь группу, и я говорю: давай, вписывай меня в свою группу. Он отвечает: нам второй трубач не нужен, нам нужен клавишник. Я покупаю себе клавиши. Нас было человек пять на сцене и человек пять в зале — всегда.

И как-то мне говорит знакомая: пошли в «Молоко», там сегодня будет «Ленинград». Ну, думаю, пошли сходим, деньги есть, стипендию получил. Приходим. Народу немерено, просто толпы. Смотрю, выходят на сцену музыканты: Вдовин, который у нас в училище на гитаре учился, Ромеро с училища, Антоненыч,

Джон, ударник, Олег Соколов, трубач, все оттуда. А играют фигню какую-то, но бодренько. Я Дракуле говорю: давай, слушай, вписывай меня в группу, а то я что-то на этих клавишах совсем погибаю, на концерты не ходит никто. Он говорит: ну, вот мы планируем расширяться, я тебе позвоню. Звонит уже весной: слушай, мы сейчас пишем для диско-сборника песню, нам нужен клавишник, ты будешь? Я говорю: конечно, буду. А сам на клавишах вообще никак. Ну, с другой стороны, думаю, если очень быстро играть, то, может, и прокатит. Потом опять звонит Дракула, говорит: мы боремся с героинщиками в группе, берем новую трубу и новый тромбон, и, типа, приходи на репетицию в «Грибыч». Пришел, ну и сразу песню «Танцы танцевать» давай учить. Это было воскресенье, а в следующую пятницу уже концерт на Петропавловке. Ну и понеслось.

Сергей Шнуров

Как ты становишься духовиком? Допустим, мама отдает тебя в музыкальную школу на духовые инструменты. Ты идешь в Мусоргу. В Мусоргу у тебя уже сидит профессор-пьяница. Потом ты как-то пристраиваешься ко всей этой ситуации. Попадаешь в военный оркестр. Военный оркестр это что такое? Это половина синяков. Синяки все квасят. Ты еще смотришь, не пьешь. Дудишь в свою дуду. Поездки на похороны: там уж железно все квасят. Как бы там, музыканты — вот вам бутылочку. Мороз сорок градусов, первая бутылка, вторая, вроде согрелся. И к губам не прилипает, а там же водку заливают, чтоб не мерз инструмент. И так ты потихонечку: один жмур, второй жмур. Потом парад. По морозу тоже как бы не очень ходить трезвому хочется. И все, в 25 лет — конченый алкоголик. Вот такая у нас духовая музыка. Такая у нас традиция.

Денис Рубин

Первый большой концерт был накануне московского тура, они играли в клубе «Форт» на дне рождения «Сайгона». Это был их первый концерт, когда присутствовало больше 2000 человек. Сыграли две песни, жутко не строя, криво, косо.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Однажды на концерте в «Спартаке» Вдовин хотел порвать на себе майку, но не смог. Он забыл, что она у него синтетическая.

Роман Парыгин

Когда я пошел на первый концерт «Ленинграда» в «Фиш-фабрик», там, конечно, весело все было, но я ж все-таки музыкант.

Хотелось как-то и услышать что-то. А с музыкой у них было как-то не очень. Хотя пел Вдовин охуенно.

Оксана Бычкова

В «Спартаке» была вечеринка «Сердце Порт FM», выступал «Ленинград», потом все плавно перешло в after-party.

С «Ленинградом» тогда был индийский старец по имени Витторио, ему было лет восемьдесят, наверное. Они с ним познакомились на каком-то концерте в Москве, ну и он за ними увязался. Он их обучал азам тантрического секса, а всем проходящим девушкам обещал пятичасовой оргазм. В те времена еще пел Вдовин, а Шнуров был совсем мальчик, худой-худой, в рубашечке с подсолнухами.

Алексей «Микшер» Калинин

Тогда практически нечего было жрать, на концертах мы ничего не зарабатывали. Я со своим приятелем флейтистом из консерватории зарабатывал тем, что играл на гитаре в электричках. При этом уже вовсю был «Ленинград». Репетиции были редкие, вообще у меня складывалось такое впечатление, что группа как бы была и одновременно ее не было. Деньгами даже и не пахло.

Игорь Вдовин

Пузо поначалу обеспечивал массу на концертах — он не играл, но стоял в зале, набухивался и дико орал. Нам было очень комфортно, когда перед сценой находился такой человек, как Пузо. Это было еще на «Ухе Ван Гога». На «Ленинград» уже до фига ходило светской публики, поскольку у меня много всяких друзей-художников, ну я их подтягивал. Потом Пузо уехал в Италию на стажировку. А когда вернулся, захотел играть на гитаре. Но поскольку он, мягко говоря, не вполне гитарист, то Андромедыч притащил ему большой армейский барабан. Так Пузо стал полноправным участником коллектива. Кстати, в то время уже была группа с большим барабаном, называлась «Револьвер», панки из Петрозаводска.

Мы давали достаточно много концертов, но как-то без фанатизма. Репетировали раз в неделю, по воскресеньям. Сначала в подвале, потом на Пушкинской, 10, потом в «Грибоедове». Все это было исключительно в свое удовольствие. Однажды мы сыграли на разогреве у группы «НОМ», а в какой-то момент дали достаточно сильный концерт в «Спартаке» — там уже был полный зал. Потом мы придумали позвать старших товарищей — был Айайай, была Пивоварова, «Препинаки», «Два самолета» — чтобы

они спели по нашей песне. Достаточно дерзкая была акция. Пивоварова пела песню «Я такая крутая баба», вряд ли эта запись сохранилась. Вообще, люди велись как дети на этот кураж, на возможность поругаться со сцены.

Дмитрий «Демыч» Беляев

Питерские музыканты со стажем поначалу принимали «Ленинград» очень радушно — но только до тех пор, пока он не начал казаться им конкурентом.

Игорь Вдовин

«Леля» была на тот момент наиболее сыгранной песней, и когда Бортнюк предложил записаться, мы с нее и начали. Бортнюк послушал и сказал: не, ребят, так не пойдет. Ну кто из нашего поколения знает, что такое партбилет? И мы с ним долго пререкались. Бортнюк побаивался вкладывать деньги не пойми во что. Он вообще старался быть модником, а то, что мы тогда делали в «Ленинграде», было не совсем его эстетикой.

Илья Бортнюк

Писали «Лелю» в студии Ясина Тропилло. Так себе записали. А потом я предложил им поработать — объяснил, что компания небольшая, ничего кроме энтузиазма у меня, в общем, нет, бюджеты теоретические. Тиньков давал денег, но немного. К тому же он рассчитывал, что через какое-то время это само должно приносить деньги, в чем у меня совершенно не было уверенности.

Контракт у меня с «Ленинградом» был как у Тони Уилсона в «Круглосуточных тусовщиках» — артист может все, а компания не может ничего. Основное требование — если деньги потрачены, они должны вернуться. Остальное вообще не учитывалось. В какой-то момент Шнуров поднял вопрос о записи альбома. Возмущался: «Группа уже столько времени существует, целых полгода, а записи до сих пор нет!» (Им, кстати, поступали предложения еще до «Шок-рекордс», от московской компании «СНС».) В Москве их вообще никто не знал. Да и в Питере на самом деле тоже. В «Грибоедове» было от силы человек пятьдесят на концерте. Поэтому я решил познакомить их с Леней Федоровым. Я планировал писать их на студии, где всегда работал «АукцЫон». Там был звукорежиссер по имени Леша Ананьев. Он отличный звукач, но мне-то казалось, что обязательно должен присутствовать саунд-продюсер, и никого из группы я в этой роли не видел. Поэтому я повел Леню на концерт в клуб «Молоко», ему очень понравилось, стали работать. Сначала они сделали демо-запись, чуть ли не на точке. Она, кстати, совсем

неплохо звучала. Вполне внятно. А когда начали писать альбом, мне уже не очень это нравилось. Я эту запись представлял себе несколько по-другому. Мне казалось, что тот драйв, который присутствовал на концертах, и даже в той, первой записи демо, на «Пуле» уже не прослеживался. Начались какие-то трения, ну такие, нормальные, в рабочем режиме. Я потихоньку начал ставить эти записи в Москве. Практически ни у кого они не вызывали ни малейших эмоций, кроме Ольги Сальниковой. Она сразу прониклась и стала мне помогать. Она и еще Артем Троицкий — вот два человека, которые прочувствовали группу «Ленинград».

Ольга Сальникова

В 97 году в Питере был шевчуковский фестиваль «Наполним небо добротой» — там Бортнюк мне впервые поставил «Ленинград». Меня совершенно покорила песня про Витебский вокзал. Это звучало как гиперстеб над шансоном, с одной стороны; а с другой — все было совершенно феерически глубоко.

Вернувшись в Москву, я сразу побежала к Козыреву, он тогда еще сидел на «Максимуме». Миша послушал и сказал, что начинает опасаться за мой вкус. В результате «Ленинград» с ремиксом на песню «Новый год» мы выпустили сами в качестве приложения к газете «Живой звук». Когда открылось «Наше Радио», это была единственная песня «Ленинграда», которую Козырев допустил в эфир. Я всем переписывала это демо, было ощущение, что это нужно срочно выпускать и пристраивать. Я же сделала первое интервью со Вдовиным и Шнуровым для того же «Живого звука». Была какая-то очень темная кухня в коммуналке, и они дико волновались — вроде как приехала известная журналистка из Москвы. В конце концов фонограмма дошла до Кузнецова с «Галы-рекордз», и на этом мое участие в судьбе группы заканчивается.

Артемий Троицкий

Я этого не помню совершенно. Видимо, это все-таки не произвело на меня такого сильного впечатления, чтобы отложиться в моей до предела замусоренной и дырявой памяти. Я потом послушал пластинку «Пуля», которую выпустили «ОГИ», в музыкальном отношении это совершенно не моя чашка чая, впрочем, я давно уже смирился с тем, что почти никакие русские группы мне не нравятся, и я давно уже переключил себя на такое реле, чтобы внимать исключительно «мессиджу». «Мессидж» «Ленинграда» был мне симпатичен, и я стал ставить их в своих передачах.

Илья Бортнюк

Андрей Бухарин, например, совершенно не проникся. Сказал, что похоже на «Ноль». Собственно, вообще все говорили, что похоже на «Ноль». Никто никакого зерна в этом не видел. Я, честно говоря, не очень уже понимал, чего с этой записью делать. Мне хотелось превратить «Шок-рекордз» в саблейбл какой-нибудь крупной компании, вел переговоры с «Полиграмом», с «Гала-рекордз». А потом Леня Федоров сказал, что у него есть какие-то заинтересованные друзья в Москве.

Сергей Шнуров

Мы не очень похожи на группу «Ноль». «Ноль» — это арт-рок, а мы всегда были блатняк. У нас разные корни. Эстетика одна и та же, но растения мы разные. Они какой-то фикус, а мы алоэ. Хотя группа «Ноль» мне очень нравилась. Я в школе ходил на концерт в цирке. Было охуенно, выступали «Зоопарк» и «Ноль» два дня. И они менялись местами. Но на второй день «Зоопарк» уже не вышел. И я тогда понял, что «Зоопарк» все-таки круче. Вообще не выйти и не играть — это, наверное, самый пиздец. Так я подумал.

Александр «Пузо» Попов

Первую кассету мы записали на бабки компании «Экстра», это Олег Скрибо такой, он шмотки какие-то шьет. Но кассеты надо было как-то распространять — я ходил в «Экстру» и когда заставал там Скрибо, то брал их бесплатно. Когда его не было, я их покупал. Вечерами мы встречались с Серегой. Я говорил: вот, был в «Экстре», купил две. А Серега отвечал: я тоже там был, купил три. То-то Скрибо радовался, что кассеты понемногу расходятся!

Потом приехали откуда-то из Москвы двое чуваков — один рыжий, другой кучерявый. Мы с ними пошли в баню, выпили водки и прямо в бане подписали контракт. Потом они пошли к Тинькову, пытались выкупить у него старый контракт. Были какие-то конфликты на этой почве, в итоге они его выкупили, но тут случился кризняк. И пиздок.

Илья Бортнюк

Ицкович и Борисов вели себя странно — типа продай контракт, и все. У нас запись еще в разгаре, да я, собственно, и не хотел продавать. Но, видимо, они нашли какие-то способы воздействия на группу, пообещали им что-то. Потому что вскоре после этого мне позвонил Вдовин и заявил: «Илья, мы хотим

разорвать контракт». Он мне толком ничего не объяснял, я думаю, ему просто сказали: позвони Бортнюку и отмени контракт. Я позвонил Шнурову. Он более внятно все понимал. Сказал: ну что тут такого, всегда же контракты разрывают. Шнурову было пофиг по большому счету. Ему главное, чтобы был альбом; видимо, картина, которую ему нарисовали Ицкович с Борисовым, ему показалась симпатичнее. Я начал его опять уговаривать, он в какой-то момент стал сомневаться и сказал: мол, я уже даже толком и не знаю, но, с другой стороны, если я сейчас пойду на попятный, я буду выглядеть не очень хорошо. Так как деньги, вложенные в альбом, были не мои, а Тинькова, то мне пришлось не то чтобы прибегнуть к его помощи, а просто ввести его в курс дела. В итоге Митя встречался с Тиньковым, и Тиньков потребовал у него отступного в десять тысяч долларов.

Ицкович, конечно, умел убеждать людей, чисто психологически. А они не очень понимали. Причем они же искренне не хотели меня кидать. После этой истории я как-то отошел от них, ну так, делал иногда им какие-то небольшие концерты. На самом деле если б не кризис, то заработать на «Ленинграде» можно было бы уже тогда.

Алексей Зимин

Номер Show с текстиком про «Ленинград» стал первым и последним в истории этого журнала. Случился август 98-го. В качестве выходного пособия нам с Семеляком выдали по двести рублей. Их хватило на четыре, что ли, кружки разливного пива.

Дмитрий Ицкович

Раскрутка «Ленинграда» была встроена в одну точку в первый «Проект ОГИ» на Патриарших. Это было сразу после дефолта, зимой 98 года. Там все время крутился «Ленинград». Вообще все время. Собственно, вот и весь промоушн. Мы схалтурили, история провисла года на два по отдаче — и тогда они ушли на «Галу».

Собственно, это была Митина обязанность — ими заниматься, — которую он попросту просрал. В додефолтное время было понятно, как отбиваться, чего делать — на кассетах, на ротациях. Цены были примерно сегодняшние, при тираже тысяч в тридцать-сорок на кассетах вполне можно было отбиться. А с Бортнюком был обычный конфликт, во многом он заключался в том, что они сильно выбились за бюджет. Дорогой проект получался, для дебютного альбома так совсем дорогой. Они очень долго писали в студии (такой богатой музыки у них с тех пор никогда и не было), и это была типичная разводка со стороны Бортнюка — он не хотел платить за запись. Проект буксовал,

потому что стартово он его неправильно посчитал. Надо было перепродать.

Митя Борисов

Миша Борисов, мой двоюродный брат, дал денег на издание первого диска. Он был строитель, один из самых крупных в Москве. И он был поклонником «Чайфа», «Машины времени» и Гребенщикова. Я ему дал «Ленинград», ну и, честно говоря, он не дико обрадовался. Но я с ним забился, что они станут звездами. Он дал деньги на диск и на первоначальные расходы — тысяч двадцать пять. Обложку нарисовал Каталкин — бесплатно, ну или за пять долларов. Какую-то сумму выделили на клип. А потом «Ленинград» разогревали «АукцЫон» в Горбушке. Вдовин вдруг не поехал, возник определенный пиздец, и Шнур вышел сам. Это было что-то разваливающееся, и публика очень плохо приняла. А потом вышел Леня и спел со Шнуром «Таню», и это был пиздец. Зал просто встал на уши. Это вообще надо было снимать.

А потом начался кризис и все наебнулось. Мишка не мог больше финансировать. Серега очень корректно себя повел, хотя у него могли быть к нам претензии. Мы же по большому счету ничего не сделали для группы — выпустили диск, но продюсерских усилий как таковых не было. Мы раскачали только московскую тусовку — я ходил, впаривал всем эти кассеты. А со Шнуром мы просто договорились, что какое-то количество концертов он играет бесплатно. И действительно, он несколько раз в «ОГИ» выступал совсем за так, когда у него уже был совершенно звездный статус. Мы остались друзьями. Потом мы в какой-то момент поссорились, потом помирились.

Дмитрий Ицкович

«Пуля» — это типично Ленькина история. На записи была масса приглашенных музыкантов, кто-то, помню, на виолончели играл. По организации записи это было ближе всего к большим «аукцыоновским» пластинкам, когда, собственно, в студии и происходит творчество, приходят музыканты со своими партиями, все это вместе как-то сшивается, бесконечное количество вариантов. Ленька — гений, он увидел там кучу вещей, вытащил и аранжировки, и музыку, которая там как бы в подложке существовала. Не будь этого альбома, и Верки Сердючки бы не было. Шнур — он же дизайнер, он не музыкант. И у него воля дизайнерская. Он человек дизайна даже не графического, а такого организационного. В этом плане у него выдающиеся мозги и темперамент. Он придумывает что-то, потом тиражирует и делает это блестяще. Он же тогда еще работал дизайнером на

радио «Модерн». Меня ужасно вставила одна его идея — он придумал вместо рекламных буклетов продвигать рекламу на дискетах. Расчет был простой: бумагу все выбрасывают, а это-то точно в компьютер вставят, прочитают, и по тиражу это дешевле, чем бумага. Но воля к музыке — это не его. А у Леньки воля к музыке бесконечная, и весь альбом про это. Были сугубо дизайнерские штуки — цапнуть здесь, цапнуть там, блатняк сделать мейнстримом и наполнить его какими-то ходами, а Леня соткал из них настоящую полноценную музыку. Которая Шнуру по большому счету не слишком нужна. Он выйдет пьяный на сцену, ляпнет пару фраз, и все будут довольны, потому что он это действительно умеет. А Вдовин все-таки был серьезный певец, в отличие от Шнура.

Леонид Федоров

Писали долго достаточно, 25 песен было записано, сделали вполне кайфовую пластинку, порядок сделали клевый, а огишники испугались, начали выкидывать песни с матюгами. Я, помню, сказал Ицковичу: «А что ты ссышь-то? Тебе ж самому нравится. Через год вообще будет суперуспех». Ну, так и вышло в результате… Испугались на самом деле. Потому что с матюгами, а это тогда вообще криминал был.

Дмитрий Ицкович

Федоров был доволен, ему нравилось работать с этой музыкой. Хотя однажды он мне сказал, что «Пуля» — это наебка. Это действительно наебка. И Леня это понимал.

Митя Борисов

Мы принесли сидиар на «Наше Радио», попросили поддержки. Козырев меня сразу же отправил к программному директору, не помню, как его звали. Тот послушал и сказал, что ничего не выйдет — не только из-за мата, а вообще из-за низких художественных достоинств коллектива.

А Ленька специально их делал такими грязными по звуку. В общем, «Наше Радио» повели себя как мудаки — если б они тогда взяли «Пулю» и «Таню» вместе со всей этой грязью, они б взорвали страну. Для нас с Ицковичем это был сильный удар, мы вообще-то здорово на них рассчитывали.

Дмитрий Ольшанский

Тогдашний «Ленинград» не имел, конечно, ничего общего с нынешним. Это было рафинированное ретро для интеллигентов, продолжение «АукцЫона» другими средствами. Шнурова как

лидера никто не обсуждал, в разговорах упоминался скорее солист Вдовин. Мне, конечно, понравилось: сильнейшее впечатление, помню, на меня произвела песня «Айседора», где уклончиво-тонко и в то же время очень точно сказано было о смерти. И не просто понравилось: на первые несколько месяцев раскрутки группы в Москве я, по стечению обстоятельств, стал кем-то вроде их неформального пресс-атташе. Написал что-то вроде пресс-релиза, рассовывая его журналистам, но главное, поставил у себя мешок кассет с выдержками из альбома «Пуля» и стал раздавать их всем любопытствующим и просто гостям. Учитывая то, что мой дом об ту пору неуклонно превращался в клуб «ОГИ», таких оказалось неожиданно много. В конце 1998-го «Ленинград» в первый раз приехал в Москву. Они дали в «ОГИ» импровизированную пресс-конференцию, на которой выглядели почти как панки образца 1977 года — хмурые-неразговорчивые-сердитые.

Михаил Рябчиков

Первая презентация была в «ОГИ» на Патриарших, весьма условная. Вдовина там вообще не было, а Шнур и Пузо выступали с хамскими заявлениями о том, как они всех вскорости порвут, — Липницкий, помнится, очень возмущался. Я помню выступление в «Вермеле», но как-то впечатления оно не произвело. Вдовин и Вдовин. По-настоящему все началось после концерта с «АукцЫоном» в Горбушке.

Александр «Пузо» Попов

С «Айседорой» вообще интересная история. Насколько я знаю, Серега ее нигде не украл. Но у меня один из приятелей по институту поставил эту песню еще в те годы своей маме, а она сказала: «Да я знаю ее, она народная».

Сергей Шнуров

До появления Федорова это был чисто постмодернистский проект. Я мог стилизовать под любой стиль, много этим занимался. На любую заданную тему мог написать песню.

Дмитрий Ицкович

Ранние концерты ничего специального собой не представляли, строго говоря. Ну, Игорь поет, Шнур на басу сзади, но рулит при этом — выходит вперед. Довольно обычное шоу, ничего сверхъестественного, играют и играют.

Денис Рубин

Был концерт в «Грибоедове», они объявили через какой-то журнал, что группа «Ленинград» играет с Аллой Пугачевой. Это был 98 год, только локальная популярность, при этом реально много народу на это купилось, Пузо переоделся в Аллу Пугачеву, было спето две или три песни, в том числе «Миллион алых роз», и все как-то очень реально играли в эту игру, в какой-то момент у всех было ощущение, что с нами Пугачева. Пузо кричал Вдовину: «Люблю только тебя и Паулса!» В ответ Шнур просил: «Алла, не еби мозг, давай уже пой!» А «Алла» в парике набок разгуливал по залу с бутылкой водки и орал: «Давай, „Ленинград“, давай, „Ленинград“!» Серега тоже был в платье и еще в каске.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

«Грибоедов» тогда был битком. Дэн играл на мандолине. Пузо был совершенно пьяный, он вообще про этот концерт ничего не помнит. Он орал что-то вроде: «Эту песню для меня написал Раймонд Паулс, мы с ним ебались когда-то!»

После акции с Пугачевой состоялся совместный концерт «Ленинграда» и Prodigy в том же «Грибоедове». Наш друг Демыч играл в этой постановке роль Флинта — у него был ирокез, на спине было написано «хуй», он матерился по-английски.

Сергей Шнуров

Я сам нарисовал Демычу эти татуировки шариковой ручкой. Помню, мы сидели накануне с ним и со Светиком, мы тогда с ней только познакомились. Сидели на лавке, жрали курицу, и у меня была шариковая ручка. Я написал ему готикой «ХУЙ ВАМ» на спине, а на груди нарисовал грибы, растущие в разные стороны, и подписал тоже готикой «ЛСД». ЛСД я, кстати, никогда не пробовал, но у нас, слава богу, было в группе кому этим заняться.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Время было чудовищно веселое. Заниматься можно было чем угодно — философией, мистикой, — а бухать при этом настойку овса. Когда ничего нету, понимаешь, что можно все.

Сергей Шнуров

Восемь рублей настойка овса стоила. Когда мы ее пили, Светик называла нас конями.

Денис Рубин

Райдер на раннем этапе всегда исчислялся спиртным и повышался, соответственно, от бутылки водки до ящика. В «Грибоедове» вообще играли бесплатно, поскольку это друзья, в

«Фишке» играли за символические деньги, поскольку тоже друзья. В «Спартаке» мы уже зарабатывали нормально — то есть гарантии не было, но был процент от входа, что-то около восьмидесяти. А в основном райдер был такой: поставьте бухла, и все будет хорошо — не более того.

Сергей Шнуров

Мы с Федоровым, когда писали альбом, обсуждали такую перспективу: позвать всех наших питерских друзей, каждый споет по песне, и будет настоящая группа «Ленинград». И будет состав человек двадцать. Но потом как-то не получилось. Из-за распиздяйства, наверное.

Александр «Пузо» Попов

У «АукцЫона» была практически домашняя студия, «ЛСД фильм», очень хорошая. Там работал классный звукач, Алексей Ананьев. Он отличался тем, что если все люди говорят на выдохе, то он говорил на вдохе. Как персонаж Венедикта Ерофеева.

Игорь Вдовин

Моя любимая песня «Ленинграда» — это «У тебя глаза как огонь, жгут они меня изнутри, над Невой закат весь в крови». Ее так и не записали. И сама песня «Пуля» мне нравится. Я бы даже ее спел когда-нибудь.

Олег Гитаркин

У «Ленинграда» очень хорошее название. Когда мне Вдовин впервые сказал, что группа называется «Ленинград», я как-то сразу зауважал этот тонкий математический расчет. Это слово обладает какой-то дикой энергией. Сам Ленин обладает энергией, а уж Ленинград вдвойне, тут и стиль, и всё. Например, Messerchups не мог бы называться «Ленинград». Это нелогично.

Сергей Шнуров

Собственно говоря, гордиться Питеру нечем. Ничего не происходит в Петербурге, все тухло, противно. Но осталось знамя, продырявленное в боях, и каждый раз, выпив, его поднимают у последнего убитого знаменосца — и вперед. Раньше, я помню, был взрыв всего, можно было каждый день ходить в клубы; там были какие-то невероятные люди, все жили, дышали, «Арт-клиника», Пушкинская, 10, все кипело. Было интересно. А сейчас нет событий. Собственно, и богемы нет. Старая богема стала немобильной. С середины девяностых время вообще встало: вот вечеринка и одни и те же физиономии. Нет новых взрывных

чуваков. Мне кажется, что петербургская традиция — все, до свидания. Нового Ленинградского рок-клуба явно не будет.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Первоначальная идея «Ленинграда» заключалась в том, чтобы народу на сцене было больше, чем в зале. Всё.

Игорь Вдовин

Был день рождения какого-то очень уважаемого человека на крыше гостиницы «Европейская», а этот человек где-то случайно услышал песню «Пуля». Мы тогда были вообще никем. Нас позвали сыграть. Там была весьма серьезная публика, которая очень напрягалась, когда я пел «Камон эврибади, двигай жопой, суки, бляди». Ну, то есть не пел — орал. Зато саму «Пулю» мы там сыграли, наверное, раз пятнадцать. Пытались заказывать песни «Ноля», на что я отвечал, что чужих песен не играем.

Денис Рубин

В свой первый приезд в Москву они жили у Ицковича в Калашном, все, кроме Сереги, который благоразумно останавливался у Паши Павлика. Они за два дня съели весь запас еды на неделю, Ромеро бегал в минус тридцать в одной майке по Москве, отнимая у каких-то кавказцев туши для шавермы. В какой-то момент на них упал потолок.

Митя Борисов

Ицкович и Пузо как-то устроили дуэль на животах — разбегались и сталкивались. Кто победил, не помню.

Игорь Вдовин

Однажды пригласили поиграть в ресторан, мы играли облегченным составом, типа unplugged. После какой-то песни мне передают записку. Я разворачиваю, заранее предвкушая нежный женский почерк с указанием места свидания. А там написано: «Хватит играть, мудаки!»

Митя Борисов

«Ленинград» — история на пятьдесят процентов про музыку, а на пятьдесят процентов — просто про драйв человеческий. Как и «ОГИ» был историей не про кафе и не про еду, а про живую жизнь. Мы с Ицковичем раздали записи «Ленинграда» не модным продюсерам и журналистам, а просто всем своим — художникам, поэтам, филологам. Мат тогда еще эпатировал — все, конечно, говорили, что, типа, «талантливо», но все равно морщились.

«Ленинград» поставил точку в легализации мата.

Николай Охотин

Людям нашего круга это было совершенно не в тему — натуральный блатняк, но все считали своим долгом сказать, что это круто и что это наше. Все же было завязано друг на друге — «ОГИ», Леня Федоров и так далее. Сработал чисто социальный фактор единения. Музыка вообще ни при чем. Важно, что это, типа, все свои.

Лида Федорова

Огишники группу выкупили, а потом ее просрали. Купили группу и говорят мне: надо делать ей концерты, Лида, давай-ка ты будешь делать концерты. Сами-то не хотели вляпываться. Ну, я пошла в один клуб, в другой. В итоге первый концерт я им сделала в «Бедных людях», потом в «Вермеле», потом еще где-то. В «Бедных людях» было человек двадцать, наверное. И, разумеется, все хозяева после концертов мне вставили: да ты что, как можно, что за группа, что за мат-перемат? Ну, естественно, до Ицковича все это дело дошло.

Денис Рубин

Бортнюк, собственно, не был директором «Ленинграда», он занимался тиньковским издательством «Шок-рекордз». Борисов познакомился с ними, а потом мне предложил представлять их интересы в Москве и Питере. Года полтора я этим занимался.

В какой-то момент у Вдовина некстати началась клаустрофобия. Он отказывался ездить в поездах. Потом начались проблемы из-за Светы, которая сначала была вдовинской девушкой и стала переходить к Шнурову. В результате всего этого в первый тур, когда была Горбушка, Вдовин не поехал. Во второй тур он все-таки добрался до Москвы. Шнур пел вынужденно — половину песен он, половину пел Федоров. После этого Шнур стал учиться понемногу вокалу у бабушки Дракулы, если не ошибаюсь. Вдовин еще несколько раз спел в Питере, потом поехал в Москву (они его просто в охапку взяли и привезли на вокзал), а потом уже всё.

Лида Федорова

Со Вдовиным, конечно, клево было. У него все эти песни звучали не блатняком, как у Шнура, там был артистизм и утонченность. А Шнуров тогда вообще петь не умел. И Леня пел вместе с ним. Причем Леня пропел песни, приходит в гримерку, а там уже такой «АукцЫон» возмущенный — типа, Леня, чего ты тут

устраиваешь?! У «АукцЫона» концерт, а ты глотку дерешь с другой группой.

Леонид Федоров

Со Вдовиным питерские концерты были офигенные. Но он, по-моему, уже тогда не хотел зависать на одном проекте. К тому же у них к тому времени началась эта пьяная гульба. Они ж на самом деле были хорошие тихие мальчики изначально, а потом принялись сильно бухать, а он не по этой части. А Вдовин реально драйвово пел, у него интонация была, он-то настоящий музыкант был. На «Пуле» это, кстати, слышно. По сути, они вдвоем там играли и качали — Вдовин и Шнур. Там играть-то больше никто не умел. Ну, может, еще этот парень, Микшер.

Лида Федорова

Вдовин вышел из поезда, стоит на перроне. Говорит, чего-то не хочу я ехать, боюсь я этих поездов. А Шнур ему: ну и пошел тогда на хуй. А Вдовин ему: ну и сам пошел! Приехали без Вдовина. На первый большой концерт.

Сергей Шнуров

Ни у какого поезда Вдовин не стоял. К поезду он просто не приехал.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Представляешь, что такое концерт в Горбунова для молодой группы? И вдруг вокалист отказывается ехать. Либо он действительно болел, либо он не верил во всю эту историю и хотел отойти от дел — в общем, кидает. «Ленинград», естественно, в ахуе. Решили, что группе пиздец. Единственным человеком, который держался неумолимо и твердо, был Серега. Он тогда уже жил со Светиком. Первый раз в жизни ему пришлось играть на басу и петь. Леня подыгрывал ему на гитаре, концерт был очень хорошим.

Вдовин еще выступал с нами впоследствии, но после концерта в Горбушке все уже стало понятно. У Шнура была хорошая фраза на этот счет: «Я хотел, чтоб он рычал эти песни, как тигр, а он их мяукал, как котенок».

Сергей Шнуров

Это чушь, будто бы Вдовин ушел из-за герыча. У него, наоборот, началась мания на тему здорового образа жизни. Он бросил пить, курить, ел какие-то оздоровительные колеса, он уже находился в таком состоянии, что чуть не калории был готов

считать.

Александр «Пузо» Попов

Я пытался увезти Игоря с собой, но он как-то… переотдыхал. Причем он вообще не торчал и не пил особо. Просто очень много тусовался и ложился в девять утра, а просыпался в шесть вечера — так продолжалось примерно полгода. Ну, он психанул и не поехал. Пел Серега, две-три песни пел я, во всех песнях помогал нам Леня и играл на гитаре вместо Игоря, потому что все песни он знал.

Михаил Рябчиков

В силу того, что группа «Ленинград» — музыканты не очень обязательные, я поехал в Питер, чтобы забрать группу и привезти ее на концерт в Горбушку: чтоб все было железно, билеты, всех посадить на поезд, всех привезти. Я купил всем билеты, встречаемся в десять часов вечера на Московском вокзале, все на месте, Вдовин с девушкой, Серега, все входят в поезд. Вдруг обнаруживается, что Вдовина нет. Вышел из поезда чуть не на ходу. Поехали без него. У ребят не было денег, а им ужасно хотелось выпить. Я запретил — все-таки важный концерт завтра. Потом я уснул, а у меня была полка боковая в плацкарте, и слышу сквозь сон какое-то движение. Короче, развели они проводницу. Эти ребята, особенно Ромеро, кого хочешь могли развести на алкоголь, это они умели. Приехали в Москву, общее собрание в Калашном, что делать — непонятно. И тут Серега говорит: ну а, типа, чего, буду я сам петь. Все: ну как ты будешь петь? Какой ты певец? Ну, а потом, понятно, что делать нечего, Леня говорит: я буду ему помогать. Так Серега в первый раз вышел на большую площадку. И я тогда впервые почувствовал, что вот здесь что-то другое началось. При всем уважении к Игорю, его мягкость не слишком вязалась с песнями «Ленинграда». А потом был концерт в «Бункере», и стало как-то очень естественно, что Серега поет свое и со своим напором, и теперь будет вот так. Все стало понятно и правильно.

Алина Крупнова

В первый раз я увидела их двадцать какого-то декабря 98 года в Горбушке. Вдовин не приехал, Шнуров первый раз на сцене, Леня Федоров подпевает, всем не понравилось. В частности, сидевший рядом со мной Михаил Козырев очень ругался. Я ему потом это вспоминала много раз. Но мне было отлично. Я пошла специально на «Ленинград», потому что «АукцЫон»-то я видела в жизни неоднократно. А на «Ленинград» меня привел Женя

Федоров из Tequillajazzz. Он с ними ехал как раз в поезде и сказал мне утром, что идти-то мы идем, но будет там, похоже, непонятно что. Он метался, пытался выманить Игоря из квартиры, купить ему билет на самолет, но переговоры с игоревской мамой, которая отказывалась его будить, ничем не кончились, и в результате получилось то, что получилось. Это был, конечно, не совсем концерт — что-то среднее между дискотекой и застольем, но мне было отлично. Мне все тогда говорили: ну вот, ты не видела Вдовина, но мне было и так хорошо. Естественно, после этого я побежала смотреть Вдовина. Через какие-то пару месяцев они приехали в клуб «Свалка». Вдовин, конечно, прямо красавец. Сразу стало понятно, почему все ребята так переживали, что Алина не посмотрела на настоящий «Ленинград». Это было уже не дуракаваляние на сто процентов, это был настоящий театр. Игорь был жеманный, очаровательный. Он вообще замечательный артист, то, что его больше нет на сцене в этом качестве, печально. И что бы потом ни говорили — вот он там недодумал, здесь недосочинил, — все это неважно. Если человек такой артист, то пусть он будет хоть полным идиотом.

Дмитрий Ицкович

Мы вместе бухали, дружили, и никто ни от кого ничего не скрывал. Все понимали, что есть проблема — Вдовин запросто может не поехать на концерт, потому что он болен. У Игоря была клаустрофобия на почве определенного образа жизни. Он же довольно утонченный человек, настоящая изломанная творческая личность. А Шнур не хотел петь.

Я даже посоветовался с психиатром Юрой Фрейдиным. Он сказал: «Не касайся категорически, потому что, как только ты начнешь этим заниматься, он начнет паразитировать — свойство его темперамента и болезни заключается в том, что он должен сам с этим справляться. Этим нельзя заниматься, будет только хуже». И тогда я начал уговаривать Шнура, чтоб он тоже пел. Искали ему педагога. И он научился. Но история про то, что Вдовин петь рано или поздно перестанет, была известна. Никакой неожиданности не было. Все было открыто и по-честному.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Игорян вообще ранимый человек, ну и весь такой романтик. Шнур же не зря до сих пор не поет старые песни, которые Игорян пел просто шикарно. У Шнурова так не получится, и он это отлично знает.

Олег Гитаркин

Это я надоумил Шнура выгнать Вдовина из группы. Мы как-то шли вместе в «Грибоедов», и Шнур стал жаловаться, что вот, опять Вдовин не поехал в Москву и пришлось петь ему и чуть ли не кому-то из «АукцЫона». Я говорю: а что ты паришься, выгоняйте его, ты сочиняешь тексты, ты должен быть лидером. В принципе, не то чтобы он прямо прислушался к моему совету, но так все и произошло. Вдовину я тоже много раз говорил: зачем тебе «Ленинград», ты ж электронный композитор. Если для Вдовина это было хобби, то Шнур все-таки туда душу вкладывал. Глупо быть электронным композитором, а по выходным петь какие-то блатные песни псевдо-хриплым голосом. Мне не нравятся люди, которые говорят, что «Ленинград» был раньше круче, что первый альбом со Вдовиным — это что-то невероятное. Если послушать эту пластинку, то она достаточно гадко записана, в ней есть какой-то попс своеобразный, но все равно это фигня. Со Шнуром все интереснее стало. Как-то естественнее, что ли. Мне не все пластинки со Шнуром нравятся, но вдовинская пластинка мне не нравится вообще, особенно его манера петь. Впрочем, сам Вдовин теперь говорит, что в группе «Ленинград» пел не он, а муж Анастасии Волочковой, которого по странному стечению обстоятельств тоже зовут Игорь Вдовин.

Сергей Шнуров

Дело не в том, как там Вдовин поет. Дело в том, что это вообще первый записанный альбом. Там же вообще никто не понимал, чего делать. Но так получилось, что песни хорошие. И все заключалось в том, чтобы прийти, быстренько записаться и разбежаться по своим работам. Какого-то концептуального решения не было, все писали, как писалось. Ребячество. Альбом фальшивый, я согласен. Тогда он был для меня сомнителен, ну и сейчас. Пара песен нравится. Самая любимая — инструментал. Ну и «Танцы танцевать» программная вещь. Собственно, с нее и начался другой «Ленинград». Я говорил Мите Борисову: Вот вещь, на нее надо снимать клип и это долбить. Но тогда всем нравились песни как бы смешные.

Митя Борисов

Сняли клип, к сожалению, чудовищный, и песню неправильно выбрали. Мы мудаки, снимать надо было на «Таню», я не помню, с чего мы выбрали именно «Я так люблю тебя».

Константин «Лимон» Лимонов

Я ходил на «Ленинград», мы даже играли вместе, но мне они не нравились. Я, помню, встретил Бортнюка, он мне хвастался,

как хорошо у него продаются кассеты, я думал: с чего бы это вдруг. Первый раз мне понравился «Ленинград», когда они играли какой-то сборный и более-менее пафосный концерт в ДК Ленсовета, там еще была куча групп — Tequillajazzz, «Колибри» и почему-то Максим Леонидов. Чего-то не хватало, и когда вышел «Ленинград», сразу стало ясно — не хватало настоящего ахуя.

Дмитрий «Демыч» Беляев

Мы как-то зашли в клуб «Манхэттен» — буквально на пять минут, нужно было что-то выяснить. Были втроем — я, Серега и водитель. Серега пошел поговорить с администратором по своим каким-то концертным делам. А я пошел в туалет. Выхожу — водитель с перекошенным лицом шепчет: пошли, пошли, быстро в машину. Сели, поехали. Тут выясняется, что на Шнурова наехал какой-то дядька, причем достаточно авторитетный. Серьезно наехал. Серега со свойственной ему быстротой реакции схватил тяжелый стул и об этого дядю его поломал.

Сергей Шнуров

Это был хозяин клуба. Потом замирились.

Михаил Рябчиков

Я занимался распространением диска «Пуля». Тираж был тысяча или две, не больше. Я взял с собой штук двести дисков, поперся с этими коробками в Питер, потому что на следующий день был концерт в «Спартаке». Одну коробку я сдал в «Сайгон» Денису Рубину, а со второй пошел на концерт — купили дисков шестьдесят. Это была самая большая разовая продажа. В Москве мы их продавали через магазины типа «Зигзаг», какую-то часть отвезли в «Союз», и это все кануло неизвестно куда. Когда грянул кризис, у меня остались коробки с дисками, я их периодически возил в клуб «Пушкинг», продавал три, может, пять дисков в месяц — на эти деньги как-то жил. В продюсерской группе «Ы» царил полный бардак, на тему «Ленинграда» вообще ничего не делалось, поэтому претензии Сереги были понятны.

У меня дома от первого тиража дисков двадцать еще лежит.

Денис Рубин

Огишники поругались с «Ленинградом» сперва из-за неправильного порядка песен на альбоме, потом из-за концертов — взяли группу, а ей не занимались. Я помню, как мне звонит Ира Паперная и заявляет: «У вас концерт завтра в „Летчике“, Борисов договорился, вы в курсе?» Я в спешном порядке звоню Шнурову, он мне резонно сообщает, что никуда не поедет, и что

это, в самом деле, такое — за день объявлять о концерте. Это была последняя капля, после чего Мите сказали «до свиданья».

Алексей Зимин

В клубе «ОГИ» «Пулю» заводили ближе к полуночи. И потом она с перерывами на какой-нибудь «АукцЫон» и гнусного, кажется, немца, который дикторским голосом поет голливудские стандарты и вещи из репертуара Бритни Спирс, крутилась до утра. Может, я что-то путаю, но почему-то именно с этими: картонным — немецким и картавым федоровским — голосами у меня ассоциируется и «Пуля», и вдовинский вокал, и даже песни эти: в сущности, неплохие, но спетые как-то балаганно, с питерской театральщинкой.

Их можно было слушать, но в них нельзя было влюбиться.

Поэтому «Пуля» прошла мимо меня по касательной. Благодаря огишным принципам диджейства я слышал эту пластинку тысячу, наверное, раз. Но она осталась таким непротивным акустическим шумом. Немец был, конечно, отвратительнее.

Михаил Рябчиков

Летом я поехал в Париж где познакомился с Хвостом и выдал ему «Пулю». Я тогда не пил, приехал с тортом, пытался что-то ему объяснить про группу «Ленинград», мы ее даже слушали. Но он никак, по-моему, не прореагировал.

Сергей Шнуров

С Хвостом мы впоследствии подружились. Он заехал на наш «голый» концерт в Нюрнберге. Мы как-то там пообщались, и он с тех пор стал захаживать на концерты за границей. Последний раз я видел его на съемках фильма «Четыре». Его окружали какие-то непонятные люди, поили коньяком. Причем я четко помню, что сам он к бутылке не тянулся, но ему прямо навязывали. Вскоре он умер.

Дмитрий Ольшанский

Когда «Ленинград» в первый раз оказался в Москве, моя собственная квартира неуклонно превращалась в первый клуб «ОГИ». Это было очень странное ощущение: приходишь туда, где еще недавно был дом, а у тебя в комнате делают бар и расклеивают афиши. У меня в этом баре, кстати, был бесплатный кредит, так что каждый день я падал на улице. Но окончательно притонодержателем я почувствовал себя, когда на квазидомашнем концерте там заиграл «Ленинград». Комната, как

сельдями, заполнилась пьяными людьми, те, кому не хватило места, хотели высадить двери снаружи, Пузо оглушительно бил в барабан, то и дело звонили соседи, вот-вот должна была приехать милиция. Для «солидного» 1998 года это была странная, но, как я теперь понимаю, на редкость жизнеутверждающая картина.

Игорь Вдовин

Когда появились эти московские ребята из «ОГИ», все покатилось по более-менее накатанной трассе. Но у меня к тому времени уже начал спадать интерес к происходящему. К тому же я тогда болел. До сих пор ходят слухи, что меня якобы из группы выгнали. Такого, разумеется, не было.

Я же видел и чувствовал, что Сереге мало играть на бас-гитаре. Шнурову пришлось встать за микрофон, хотя он не умел петь. Ситуация, в которой он оказался, его очень хорошо подстегнула. Потому что рыба, потому что надо, как сказано в одной из моих любимых песен.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Серега раньше все корректировал со Вдовиным. Я начал плотно контактировать с Серегой, когда ушел Вдовин, и мы начали записывать «Мат без электричества». Мне стало реально легче дышать, потому что с Вдовиным у нас были отношения достаточно напряженные, в случае чего он запросто мог сказать: «Молчи и ничего не делай».

Игорь Вдовин

Я помню ощущение беспрерывного драйва. Мы были музыкальными бес-предельщиками, могли сыграть абсолютно все, не были связаны никакими стандартами. Захотели хардкор — пожалуйста, хардкор, захотели диско — ради бога. Я до «Ленинграда» достаточно поиграл в разных группах, и везде была одна и та же суетливая тема: вот можно выйти на какого-то продюсера в Германии, вот мы ему сейчас передадим демо, и тогда, глядишь, все завертится. А в «Ленинграде» никто не суетился, просто играли и ждали какого-то движа. И этот движ закрутился. Тогда я понял: когда делаешь то, что тебе нравится, это и есть самый правильный вариант. Мы не прикладывали каких-то сверхусилий, мы не умели играть, но при этом у нас было ощущение правильности всего происходящего. Это ощущение осталось надолго. Оно хорошее и приятное.

Определенную роль в «Ленинграде» я, конечно, сыграл. И в конечном итоге я рад, что так все вышло. Каждый остался при своем.

Об истинных причинах дефолта много чего болтали, но у меня есть своя версия. Я думаю, что все случилось из-за гастролей The Rolling Stones, а точнее, из-за песенки «Paint It Black», которую они отбарабанили 11 августа в «Лужниках» часов эдак в десять вечера. Пугачева — на сей раз вполне реальная, а не в виде Пуза — плясала под нее как сумасшедшая. Под самую действенную вещь этих маленьких, рассохшихся, похожих на стервятников англичан все и полетело в тартарары. После концерта я очнулся в южном депо зеленой ветки, без денег, ключей и документов, во взрезанной ножом куртке и с отчетливым ощущением несколько нового зона.

Сергей Шнуров, как выяснилось позже, тоже был на этом концерте, — почуяв неладное, он приехал прокутить последнюю тысячу долларов. В Питере он, помимо всего прочего, был известен как обладатель сразу и мобильного телефона Ericsson, и пейджера. Однако после августовских невзгод говорить по мобильному стало до бессмысленного расточительно, и неделю спустя Шнуров картинно и яростно расколотил трубку об асфальту входа в клуб «Грибоедов». Теперь у него оставался только пейджер.

Глава вторая

Сергей Шнуров

Когда я записал «Мат без электричества», я вот этой самой рукой ощутил, что вот оно, время, и его яйца у меня в руках. Я испытал кайф неимоверный. Чудо произошло маленькое. Все альбом залажали, говорят — говно полное, а мне было вообще неинтересно их мнение. Я сидел дома и слушал его каждый день.

Был 99 год. Время, зажатое Сергеем Шнуровым за яйца, было не то чтобы захватывающим — скорее податливым. В равной и ни к чему не обязывающей степени оно располагало и к неимоверному кайфу, и к маленьким чудесам. Время само по себе ничего не предлагало, оно велось. Никакого очевидного драйва в воздухе не витало, но его можно было изобрести и навязать.

Публика, не имевшая тесных экономических связей с окружающей реальностью, оправилась от кризиса быстро. Уже к лету 99 года вышеуказанной публике в Москве стало более-менее ясно: нового андеграунда не предвидится, а будут, напротив, и клубы, и журналы, и рестораны, а также некоторые деньги; следовательно, опять надо приниматься за работу, которая, к вящему восторгу многих, едва не отменилась вовсе в кризисном августе. Впрочем, память о том, что решительно все может рухнуть в любой момент, была жива, и мозг покалывало ощущение торопливого наплевательского праздника. Для него не хватало нужной музыки, однако ждать ее было неоткуда. Группа «АукцЫон» плавно и надолго входила в стадию «Волков-трио». «Мумий Тролль» кокетливо и оглушительно объявил о своих последних концертах. Вообще, в тот год все так или иначе воспевали бесперспективность в разных ее проявлениях. Федоров пел, что не будет зимы, Лагутенко щегловито постулировал отсутствие карнавала, только-только появившаяся Земфира огорошивала рассудительным: «А у тебя СПИД, и, значит, мы умрем». Летов вообще ничего не записывал и только изредка наезжал с полуопальными концертами в окраинные московские кинотеатры и питерские клубы типа «Полигон». За приблизительно бодрые и относительно свежие группы могли сойти разве что «Нож для фрау Мюллер» и «Дочь Монро и Кеннеди», но им от рождения не хватало размаха. Были еще попытки мелкомасштабных и обтекаемых прорывов, вроде «Михея и Джуманжи» или группы «Маша и медведи», им даже платили какие-то резонные деньги (приблизительно 3000 долларов за

выступление), но все это было очень временно, к тому же главный хит «М и М» про Любочку с ходу обвинили в плагиате, расслышав в нем какую-то тему из Radiohead.

Весь город был завешан транспарантами, на которых белым по красному печатались воззвания вроде «Чай, кофе, потанцуем?» — рекламировали новый журнал с неброским названием «Афиша». Однако даже и в этом журнале, вроде бы взявшим моду формировать события, с музыкой творилось что-то невообразимое — печатались панегирики группам «Тайм-аут» и «Ва-банк», на обложку ставили Паштета и Максима Покровского, в общем, как пела совсем потерявшаяся к тому времени группа «Аквариум» — «того ли ты ждал, о-ё?».

Пелевин в тот год сочинил «Generation П» — книгу, состоящую, казалось, из одних лишь острот. В «Ролане» демонстрировали очередного Кустурицу — беспечную комедию «Черный кот, белая кошка», после которой все вокруг окончательно зациклились на цыганах и их подозрительной музыке. Водка «Гжелка» стремительно утрачивала свою популярность — вслед за главным своим пропагандистом, президентом Ельциным.

Прощальным фортелем ельцинской эпохи стал фестиваль разнообразных и небесспорных искусств «Неофициальная Москва» (питерская версия называлась «Неофициальная столица»). Эта безобидная антилужковская кампания на некоторое время создала довольно убедительную иллюзию какой-то объединенной жизни — туг и свердловский акционист Александр Шабуров, впоследствии прославившийся с проектом «Синие носы»; и жовиальный тюменский верзила по прозванию Ник Рок-н-ролл; и четверка столичных лодырей «ПГ», чья идеология ограничивалась пропагандой безделья, регги и легких наркотиков; и газета «Отечество не выбирают», и еще бог весть что, включая группу «Ленинград», которая уже подготовила ту самую роковую программу под странным названием «Мат без электричества».

С нее-то все и началось.

Эта буря в стакане водки служила одновременно и отповедью, и проповедью — в интонациях певца уживались как забавник, так и «еще один вселенский отказник». Уличный говор неплохо сочетался с кубинской осанкой песенок, а клиническая срамота — с трогательным самоедством. Песни были не то воплями отчаяния, не то следствиями одичания; любовный экстаз мартовского кота пополам с сумасшедшинкой мартовского зайца. Ликование мешалось с терзаниями: «Я так устал, я так измучен, в моей душе десяток ран, я плачу, как мудак последний, целую

батареи кран». Дудки «Французской помады», самой первой песни, напоминали потревоженную в ночи сигнализацию малобюджетного транспортного средства, от их тревожного воя было не укрыться. Пластинка в целом походила на тост — болезненно бравый, столь же патетический, сколь и самоуничижительный. Тост был свинский, но не жлобский. В потенциальном переводе на столовый жаргон он звучал бы скорее так: «Чтоб хуй стоял, а денег не было!» Редко когда самые основы жизни понимались столь превратно. И редко когда подобная превратность приводила в столь отчетливый восторг. Виктор Шкловский где-то заметил, что одни художники в искусстве имеют обыкновение проливать кровь, другие — семя, а третьи — просто мочиться. «Ленинград» был заточен под три занятия одновременно, вероятно, поэтому в отечественном рок-н-ролльном кагале так и не появилось группы проще и натуральнее.

«Мат без электричества» был достаточно странно, скверно записан, что только добавляло ему лишней прыти. По утверждению Жана Кокто, дилетантизм уже сам по себе преступление перед обществом. Шнур пел не слишком уверенно, и этот обыденный конфуз неумехи действовал как наркоз. На записи хорошо слышно, как человек сам удивляется тому, что несет в микрофон. При этом в песнях чувствовалась такая упоительная гортанная гордость («ЭТО ПРО МЕНЯ!» — вот, конечно же, главная строчка пластинки), что не возникало ни малейших сомнений — тип, их записавший, точно поет по утрам в клозете. Как-то в гостях мы оказались у магнитофона, бесперебойно транслировавшего искомый «Мат без электричества», в компании Александра Тимофеевского. Шуре пришлось прослушать пару песен, после чего он задумчиво произнес: «Знаете, я понял, в чем тут дело, ему же ведь просто нравится произносить эти слова: хуй и пизда, хуй и пизда, хуй и пизда». Так оно, в сущности, и было. Тем не менее something stupid за считаные секунды превращалось в something else.

Шнур, разумеется, мог бы повторить вслед за Челентано: «Инстинкт — вот моя поэтика». А с другой стороны, мог бы этого и не делать, поскольку рациональной жесткости ему тоже было явно не занимать. При всех засвеченных на альбоме глупостях эффекта «дурной славянской башки» совершенно не возникало. В этой пластинке была смешная, но железная логика, в том числе и музыкальная. «Мат без электричества» был напрочь лишен этой паскудной заливистости духовых инструментов, которая была столь характерна для местных групп, укомплектованных схожим образом. Дудки не петляли попусту, они выполняли чужую и вполне черную работу (были вместо гитар), оттого звучали

сдержанно и правдиво. Пение тоже обошлось без унизительной задушевности, поскольку душа этого автора-исполнителя слишком явно была не на месте.

С пластинки «Мат без электричества» началась подлинная история Сергея Шнурова. (Само название альбома невзначай соответствовало кличке солиста: шнур, электричество etc. И жизнь из этой записи выплывала сама собой, на простых и необсуждаемых основаниях, словно электричество из бытовой розетки.) Дело было вовсе не в соперничестве с Игорем Вдовиным, не в том, кто как пел — лучше, хуже, ярче, глуше. Дело в том, что, когда люди впервые слышали альбом «Пуля», они, как правило, спрашивали: «Что это играет?» Когда люди впервые слышали альбом «Мат без электричества», они обыкновенно интересовались: «Кто это поет?» С этим человеком хотелось — совершенно по-сэллинджеровски — познакомиться, причем желательно быстрее. Мне тоже этого хотелось. Даже несмотря на то, что мы уже, в общем-то, были знакомы — встречались зимой 98 года в первом «ОГИ», потом еще где-то, потом еще что-то. В те разы у меня совершенно не укладывалось в голове, что невысокий круглоголовый парень в псевдовоенном свитере и с нелепой, похожей на запятую, бородкой, фактически мой ровесник (Шнур старше на год и пять месяцев, он родился 13 апреля 73 года), окажется способен на такие слова и вещи.

Здесь был с ходу заманифестирован основной принцип «Ленинграда» — не важно, как петь, не важно, что петь, не принципиальна музыка и не в словах дело. По-настоящему важна только одна, точнее, две вещи — абсолютная точность фантазии и языка. Никакой специальной «правды жизни» там, разумеется, не было. «Мат без электричества» со всеми своими словесными и ритмическими ненормативами был, безусловно, художественным произведением (бесчисленные цитаты только подчеркивали условность спетого), настоящим спектаклем, а не реалити-шоу. В определенном смысле «Ленинград» был иллюзией еще почище того же «Аквариума», потому что из нее вообще не хотелось выкарабкиваться.

Пока все кругом деликатно цитировали, Шнур просто присваивал. Индульгенцией ему служила собственная неподражаемая интонация — точно так же, как в свое время Аркадию Северному. Наиболее обезоруживающим плагиатом был, разумеется, «Дикий мужчина» — проигрыш вчистую снят с песни The Tiger Lillies. Впрочем, имелись и несколько более засекреченные цитаты — Шнур только недавно признался мне, что свой коронный номер «Шоу-бизнес» он написал под влиянием арии старухи Шапокляк («Хорошими делами прославиться

нельзя»). Шнуров производил подобные транзакции непринужденно, и музыка поддавалась ему с благодарной легкостью. Впрочем, этого следовало ожидать от человека, который одно время профессионально копировал картины Брейгеля.

С возникновением «Мата без электричества» у «Ленинграда» стала складываться вполне осмысленная аудитория. При всей матерщине группа совершенно не нуждалась в возрастном цензе — дети и юношество к этой музыке не слишком тянулись. Никто не писал слово «Ленинград» на стенах, это была музыка для старших. В Шнуре, которого мало кто тогда знал, все чаяли видеть как минимум сорокалетнего. Под его музыку вполне можно было, согласно расхожей установке, «все проебать». Однако сама конструкция фразы уже предполагала наличие этого «всего», то есть определенную зрелость. Интересно также то, что меломаны «Мат» почти поголовно избегали. Наслаждались им, напротив, те, кто музыку вообще не слушал (например, самые разнообразные девушки, а также гуманитарии под и за пятьдесят). Шнура это радовало. Семь лет спустя он мне заявит: «По крайней мере, про „Ленинград“ никто не скажет, что мы, мол, выросли на ваших песнях».

«Мат без электричества» обладал той редкой силой по-настоящему простой музыки, в которой нельзя услышать что-то «свое». Слышно было ровно то, что в ней заложено, не более. Она не оставляла простора для размышлений и интерпретаций. В довершение всего в «Ленинграде» напрочь отсутствовали юродство и «метафизика», всегда бывшие отличительной чертой местной алкогольной письменности и звукописи — от «Москвы — Петушков» до «Звуков Му». Шнур никак этот аспект не эксплуатировал. Ничего в духе «ангелы Господни, слышите ли вы меня» на альбоме не было, слава тем же ангелам. Все было просто, пусто и складно: «Я люблю пиво, я люблю водку, я люблю баб и жирную селедку, я не люблю твоих французских булок, я алкоголик, ебаный придурок». Лирика Шнурова была одновременно и физикой. В «Мате» с его ходовой лирикой и ходячими присказками, конечно же, клокотала низость, глупость и где-то даже мерзость. Зато энергия, которая выделялась от трения со всем вышеуказанным, шла строго снизу вверх. Причем достаточно высоко вверх. Если верить Честертону, то беззастенчивость — признак прогресса. В нашем случае он был налицо.

Сергей Шнуров

Кризис вообще пошел на пользу. Он всех поставил на место.

И Тинькова приосанил. Это дало свободу. Все откололись, денег ни у кого не было, их больше никто не давал. И «Мат» в результате был записан мною за триста долларов в свободное от работы время. «Гала-рекордз» купила уже записанный альбом. Причем с ними мы очень сильно бодались по поводу концертного контракта. Я никогда его не хотел, но тогда это было общее место. Это означало, что ты должен играть не меньше шестидесяти концертов в год и до момента отбития какого-то невероятного (как будто кто-то во что-то вкладывался) ты получал тридцать процентов гонорара. В общем, наебалово.

Митя Борисов

После кризиса мы с Ицковичем уже не могли вообще ничего финансировать. Денег не было. Жили впроголодь.

Алина Крупнова

Я предложила помощь с организацией концертов, благо мне это было несложно. Серега с радостью согласился. Их еще никто не знал. Сейчас люди в этом ни за что не признаются, но тогда практически все, к кому я совалась с «Ленинградом», делали страшные лица и говорили: «Ну от тебя, Крупнова, мы не ожидали». И очень хотелось им показать, что на самом деле все не так. Был вялый издатель в виде «Гала-рекордз», который ничего не делал, и мы в результате все мутили сами. Потом появилась «Мистерия», и что было дальше, я не знаю. Мне был важен первый этап.

Денис Рубин

Первая официальная премьера без Вдовина — это был «Фиш-фабрик». Шнур пел неуверенно, странно, многие именно в тот день сказали: все, это уже не то, это загнется. Серега это тоже понимал и старался откреститься. В какой-то момент, если не ошибаюсь, они даже искали нового вокалиста. Слишком сильно было мнение старожилов, которые воспринимали «Ленинград» как такой хулиганский арт-проект. Для них «Пуля» была идеал.

Михаил Рябчиков

Я сильно удивился и огорчился, когда приехал на концерт в «Бедные люди» и увидел толпу каких-то незнакомых людей, практически гопников. Я подумал: ну бля… уже такие слушают группу «Ленинград». Почему-то мне было очень обидно. Они же что-то свое в этом понимают, совершенно другое. Они снимают самый простой первый слой, и им он по кайфу. Наверное, главная удача «Ленинграда» как раз заключается в том, что они

многоуровневые.

Сергей Шнуров

Я не знаю, мне гопники на концерте не мешают. Вообще, плохо остаться такой группой для богемы. Это скучно и непонятно для чего нужно.

Алина Крупнова

Я помню, у них было два концерта подряд — пятница и суббота — в каком-то большом клубе в неблизком районе. Я посмотрела на зал и изумилась очень сильно. Переключка аудитории случилась очень быстро и резко — там были люди, которые частично пришли с концерта «Арии», а частично — с какой-нибудь попсовой девичьей группы. И им было отлично. Им было так же хорошо, как и мне.

Сергей Шнуров

А мы просто перестали быть богемной музыкой. В Москве вообще очень любят ретроспективизм. Если ты играешь какое-то ретро или цыганщину, то ты the best. Если это что-то оттуда, из детства, то это катит. А если ты делаешь актуальные вещи — извини.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

«Ленинград» согласно первоначальной идее — это люди, которые не умеют играть ни на каких музыкальных инструментах. Их много. Все они очень пьяные. Правда, у них присутствует некоторый… культурный багаж.

Илья Бортнюк

Когда я увидел в первый раз, что Шнуров встал к микрофону, было очень странно. Потом стало понятно, что так даже лучше. Всегда выходит точнее, когда человек сам поет то, что сочиняет. Хотя Вдовин был вполне себе профессиональный певец, у него все-таки все шло в одну сторону — разухабисто-блатную. А Шнуров мог петь в разные стороны.

Денис «Кощей» Купцов

Мой любимый альбом «Ленинграда» — это второй. Сильнейшая заява на победу. Это притом, что в то время был вообще взрыв питерских групп. И «Король и Шут», и TequiUajazzz, и «Дельфины», и «Deadушки», куча всяких панк-рок-групп, да до фига всего было в принципе. Но кто собирал, скажем, «Спартак»? Это были «Ленинград», «АукцЫон» и «Спитфайр». Я помню,

приходил устраивать концерты, и как раз оттуда выходил Серега с таким выражением лица, типа «как же вы все заебали». И он из них выжимал, и я, по очереди.

«Ленинград», конечно, были более удачливые, потому что, во-первых, по-русски пели, во-вторых, так по-русски никто не делал. Хотя матом в «Спитфайре» мы первые начали ругаться. У нас была песня «Пидоры» — Серега очень от нее затащился. Но все равно, так, как он, никто не делал — у него был первый всплеск настоящей матерной поэзии.

Александр «Сашко» Привалов

«Мат» писали очень весело — за один день. Сейчас так уже не делают. Это было на «Неве-рекордз». Пришли на студию, сыграли первую песню. Вышел звукорежиссер и говорит: да, конечно, все так, но на концертах это звучит лучше. Мы говорим: ну конечно, на концертах-то мы пьем. Тогда звукорежиссер, по-моему, сам даже сходил и принес. Ну и все сразу заработало. Андромедыч играл на «ухе». Мы с Васей все гитарные партии сыграли на трубе и тромбоне.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

На улитке играть я стал совершенно случайно. Когда мы писали «Мат», была репетиция в «Грибыче», забили студию нашу любимую на Фонтанке, и Серега говорит: вот у Дракулы есть улитка, возьми ее и играй как на гитаре. Вот и все.

Когда у тебя есть дырка и три кнопки, а знаешь ты при этом гораздо больше по аккордеонным делам, то стараешься играть мало, но всегда очень вкусно.

Сергей Шнуров

На «Мате» чувствуется мера опьянения. Под конец уже все мимо играют, какие-то стоп-таймы появляются непонятные. Все звукачи были в шоке, когда это слышали. В ужасе. В ужасе.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

«Шоу-бизнес», конечно, шикарная песня. На концертах могла смело растягиваться на двадцать-двадцать пять минут. Очень здорово экономит силы.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Шнур не любил петь «Шоу-бизнес». Ее постоянно требовали на концертах, и он жаловался мне: «По-моему, меня когда-нибудь под эту песню похоронят».

Сергей Шнуров

Когда мы записали «Мат», я беру кассетку домой, врубаю, слушаю, думаю: надо ж, блядь, порядок песен составить. Начинаю что-то писать, вдруг понимаю: охуенный порядок. Я так все и оставил. Одну переставил, вступительную, «Будем веселиться».

Митя Мельников

Я впервые увидел Шнура году в 96-м — я тогда работал продавцом в ночном магазине в Питере. А Шнур поблизости жил, покупал бухло. Типа постоянный покупатель, привет-привет. А потом в 99-м я устроился в «Грибоедов» гардеробщиком, а они там репетировали. И когда Микшер уехал в Колумбию опыта набраться, была текучка барабанщиков. В конце концов взяли какого-то старого чувака, ему лет пятьдесят, наверное, было, типа, раньше в джазовых бэндах играл. Но он то плохо играл, то вообще не приходил на концерты, а я, помимо того что работал гардеробщиком, в «Грибоедове» жил практически. «Ленинград» туда приходил каждое воскресенье репетировать. А я пытался на барабанах играть. Ну и что-то мне подумалось, что я тоже так могу. Они же, реально, просто играли. Я подошел к Шнуру, он меня вспомнил. И в январе 2000-го мы первый раз сыграли в «Сайгоне». Ну и не выгнали, короче.

Алина Крупнова

На Шнурова повелись девчонки. К этому не было предпосылок поначалу, но это случилось. Я-то была уверена, что это группа для мальчиков. К тому же группе была дана четкая установка — заигрывать с залом. На такой успех, как мне кажется, они не рассчитывали. Если бы остался Игорь Вдовин, это была бы такая куртуазная богемная штучка. Вдовина, кстати, можно было бы вернуть, но Сережа вовремя понял, что в этом нет необходимости.

Сергей Шнуров

После той истории с Горбушкой я поговорил со Вдовиным и уговорил его продолжать. Мы вялотекуще играли с ним до мая следующего года, и в какой-то момент я понял, что это вообще никуда не ведет. И перед днем рождения Пуза я объявил Игорю: спасибо, до свидания.

Алина Крупнова

Вскоре после Вдовина ушел и игравший на тубе Дракула. Он был красавец, конечно, и вообще крайне интересный и непростой человек. Мне показалось, что Сережа после его ухода вздохнул с

облегчением — больше у него в группе не оставалось конкурентов.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Илья Ивашов по прозвищу Дракула все-таки был, по-моему, не музыкант, скорее артистическая личность.

Денис Рубин

Со Вдовиным это был, по сути, арт-проект. Вдовин достаточно интеллигентно себя вел, что многим не нравилось. Очень было заметно, что подсознательно он, конечно, интеллигент. Я даже помню рассказы о том, как Вдовина учили матом ругаться, поскольку сам он не имел такой привычки. То есть его буквально через силу заставляли все это петь. В результате то, что получалось, было ближе к московским стилизованным проектам — не зря же «Пулю» очень любили в Москве.

Шнур же умудрялся, сохраняя дистанцию, проживать все это по полной. Песни были ни при чем. Люди шли не на песни, не на хиты. Шнур объяснял мне, почему «Ленинград» за год вырвался из клубной истории в какие-то новые эмпиреи. Дело в том, что они писали новую песню как минимум раз в неделю. И он четко говорил о том, в чем заключается ошибка всех клубных питерских групп — тех же «Пепси», «Самолетов», «Маркшейдеров». Они записывают один альбом, а потом катают его по всем клубам. Но клубов мало, и люди устают. На «Ленинграде» же тусовка не ротировалась, а расширялась. Приходили все те же плюс новые.

При таком подходе многие песни, конечно, отсеивались, забывались. Я помню момент, когда на бис просили песен десять разных, и все были хорошие, но они уже половину этих песен не помнили или просто не успевали сыграть. Было несколько песен, которые Шнуров просто скомпоновал в одну.

Паша Павлик

Со Вдовиным все было более нежное, более эстетское, не было агрессии и этого драйва бешеного. Со Шнуровым все стало на свое место, хотя поначалу все недоумевали: чего это он начал петь-то? Не умеет парень ни играть, ни петь, влез на сцену.

Денис Рубин

Изначально Вдовин больше котировался, Шнуров был на заднем плане, хотя и старался вести себя достаточно ярко: переодевался в женское платье, красил ногти, каски какие-то носил. Вряд ли переход к микрофону был спором со Вдовиным —

в конце концов, даже Пузо брал на себя довольно много внимания. Вообще, «Ленинград» в этом смысле был очень благодарной историей, группой как бы без лидера. Переход был сложный — Шнур ведь не хотел петь даже не потому, что он не умел и боялся. Ему не хотелось тянуть на себе всю эту историю, потому что изначально она была задумана как проект без лидера. Я помню, он жаловался, что тяжело брать на себя очень много, быть и лидером, и управляющим, потому что все были неуправляемые, особенно первый состав, за исключением Микшера, который, понятно, профи до мозга костей.

Алина Крупнова

В тот момент они перестали слепо следовать традициям шансона. Шнуров — он все-таки немножко Джим Моррисон, где надо. Он все-таки не совсем шансон. Он тебе и Моррисон, и Челентано, и Юрий Антонов, и Сид Вишес. К тому же, как показала позже практика, попытки чистого жанра, типа «Ля-Минор», здесь не прижились. Поэтому те же «Ля-Минор» пошли чесать по европейским клубам и прекрасно себя там чувствуют. Они не вылезают из Австрии, Германии, Франции. А вот у нас под водочку не пошло.

Алексей Зимин

«Мат без электричества» я первый раз услышал в бессознательном состоянии. Была весна 2000-го, апрель, а может, и март. Была квартира у Елоховской и день рождения хозяйки квартиры. Или просто крупная пьянка, не суть.

Утром я проснулся там один, лежа на полу, закутанный в пыльный ковер с полным комплектом абстинентных удовольствий.

Освободившись от ковра, я практически на ощупь — глаза не открывались — доковылял до кухни, пальпировал холодильник и, с трудом найдя на нем ручку, распахнул, и — опять-таки на ощупь — нашел там початую бутылку водки. Из раковины тем же манером извлек рюмку, налил ну и так далее. Глаза приоткрылись и обнаружили магнитофон на столе. Я нажал кнопку «play», и из магнитофона с удивительно нужной громкостью засопели трубы вступления к «Дикому мужчине». Я налил еще рюмку, выпил — и охуел.

Один мой приятель, повернувшийся на музыке даб и регги, верил в теорию ритмических вибраций. Он говорил, что в каждом человеке пульсирует свой ритм, и музыка, вообще всякое искусство только тогда по-настоящему трогает, когда внешний и внутренний ритмы попадают в нужный резонанс.

Теперь мне уже трудно объяснить, чем, собственно, меня так зацепили именно эти песенки. Но все в них волшебным образом срифмовалось и с моим незаконченным филологическим образованием, и с интуитивной страстью к панку, и с трудовой книжкой с записями о работе дворником, слесарем и начальником передвижной библиотеки — вся биография: и какая-то лихая и победительная в своем пораженчестве сексуальность, плюс еще похмелье, и смерть, и загробный оптимизм. Все, чем я жил и что нажил к тридцати годам, в опереточной, но самой точной форме было в этих шансонетках. В голосе Шнурова не было и тени вдовинского кривляния, не было никакой театральности. Это были песни по формуле Платонова: которых никогда не слышал, но слова которых втайне знаешь.

Я позвонил хозяйке и рассказал ей о своей находке. Оказалось, что находку эту я сделал еще вчера ночью, случайно поставив кассету, а потом, никого не подпуская к магнитофону, заставлял всех слушать «Мат», пока сам не упал замертво и не завернулся в пыльный ковер.

Тем утром я прослушал «Мат» семь раз, допил всю водку, которая была в этом доме, и уехал, украв кассету. Но это не была кража — я забирал свое.

Приехав домой, я позвонил Семеляку и сообщил ему, что у меня есть такая охуенная вещь, которая оправдывает вообще все, что с нами до этого было: новый альбом группы «Ленинград». Я потребовал немедленного приезда Семеляка, потому что он должен был это услышать. Семеляк скептически что-то поворчал в трубку, но приехал. К вечеру у «Ленинграда» было еще одним истеричным поклонником больше.

Сергей Шнуров

Я не снес людям крышу, я просто попал в резонанс к тому, что происходит у них внутри. Потому что я такой же. И то, о чем многие думают, я сказал со сцены, вот и все.

Алина Крупнова

Я никогда не была частью психоделической культуры, в отличие от всех моих друзей. Я всегда говорила, что я девчонка простая и незатейливая. А что было тогда своего и современного для обычной алкокультуры? Вообще ничего. При этом все тяготели. Слушали Северного в больших количествах.

Был такой Сергей Гинзбург, недолго пробыл, потому как спился, но его уже собирались поднимать на флаг, потому что у него был замечательный голос, он писал свои песни. Я уже не говорю, что все слушали Челентано — Гарик Сукачев, Скляр,

Охлобыстин и все слушали. Думали сами как-то это протолкнуть, романсы какие-то записывали, пытались что-то сами придумать. Ничего не придумали, как мы знаем. Все эти акустические алкогольные пластинки… Ну они были, да, но все равно это было не то.

А по-честному это проявилось с «Ленинградом». Этого все ждали, это было всем нужно.

Иван Дыховичный

Я, когда их впервые услышал, сразу вспомнил такую команду Kid Creole & The Coconuts. А я очень любил эту группу. И я понял — вот, абсолютно та же линия. Я кому-то про это рассказал, а мне: ты ебанулся, что ли? Я говорю: да вы просто не умеете слышать! Ну кто, в самом деле, слышал в моем поколении Kid Creole & The Coconuts?

Алексей «Микшер» Калинин

Я всю жизнь старался заниматься музыкальными новациями не потому, что считал, что так нужно, а просто потому, что так уж у меня сложились отношения с музыкой. Единственный человек, с которым новации проходят на ура и сразу же обрастают плотью, — это Серега. В этой стране в те годы я не мог представить себе ни одного человека, с которым я мог бы записать «Мат без электричества». Никто не пошел бы на то, чтобы записать все эти ча-ча-ча с перкуссиями и именно так. Мы же не репетировали это в такой форме, никто не знал, как это. Все как в футболе — ты знаешь, что человек играет, и ты ему доверяешь, и он играет хорошо только потому, что ты не паришься. С Серегой легко делать музыку. Он берет в руки инструмент, я могу сесть за барабаны, и сразу возникает песня. Она еще не придумана, но все уже есть. Я знаю только двух музыкантов, с которыми легко играть, — это Гитаркин и Шнуров.

Ира Седова

Они своим внешним видом, нетрезвостью и хамством пугали и отталкивали, а с другой стороны, в этом витал такой дух вседозволенности и свободы, что всем казалось, что бухать с этими чуваками круто, полагая, что подобная свобода передается воздушно-капельным путем.

Михаил Рябчиков

Праздновали в «ОГИ» день рождения Мити Борисова 7 июля. Было только для друзей, каковых набралось человек сто пятьдесят. И в этот же день был концерт «Ленинграда» в

«Бункере». Часов в одиннадцать я поехал в «Бункер», а поехал я на машине, которая называется «таблетка», старая-старая. Мы на ней перевозили всякие стройматериалы, Там было сиденье рядом с водителем, а сзади какие-то лавки деревянные. Грузимся вповалку всей группой «Ленинград» в эту «таблетку». В то время в «ОГИ» не было вообще никакого аппарата. Все каким-то чудом поместились на сцене, играют, и вдруг в какой-то момент отрубается электричество. Я держал эти патроны, которые то и дело вышибало, буквально руками, и безумие продолжалось.

Алина Крупнова

Самый первый корпоративный концерт «Ленинграда» (стоимостью в четыреста долларов) в Москве сделала я. Журналиста звали Кирилл Звягин, у него был день рождения. Все происходило в клубе «Край». Я так боялась, что даже туда не пошла. То есть я обо всем договорилась, получила деньги, проконтролировала, чтобы все приехали. Это, кстати, была главная проблема с «Ленинградом» — постоянно кто-нибудь не являлся на концерт.

Но в тот вечер все прошло нормально. Потом я сделала им еще один концерт, туда пришел продюсер Вадим Алисов, который занимался продолжением «ДМБ». Мы ему там же за скромные двести долларов продали песню.

Ира Седова

Я думаю, что по сей день рекордные сборы в «Летчике» остались за «Ленинградом». Считалось, что в клуб помещается 250 человек от силы. На «Ленинграде» бывало больше трехсот. Как они сами на сцене помещались — непонятно. Получали они долларов пятьсот на группу.

Митя Мельников

Сколько стоили концерты — для всех загадка, кроме Шнура, естественно. Мы думали, что мы получаем равную долю, ну а Шнур, допустим, в два раза больше. В Питере концерты были копеечные — на первом я заработал пятьсот рублей.

Денис Рубин

За пять московских концертов платили ну дай бог чтобы полторы тысячи долларов на группу. Может, две. «ОГИ» давали квартиру, еду и деньги от входа. Дорога и все остальное было на группе. Я не брал свои деньги, потому что совсем копейки смешные были.

Олег Гитаркин

Они были группкой для друзей, но при этом были у всех на слуху, и все ждали, что вот-вот-вот, скоро будут суперизвестны. Все они были бедные, вели себя попроще. Бортнюк очень им помог на каком-то этапе. Никакой тайны и магии в группе не было. Достаточно простые ребята у них были в первом составе, все очень любили пьянствовать. Один раз мы даже вместе поехали в Финляндию, очень странный был концерт: «Ленинград», «Мультфильмы» и «Нож для фрау Мюллер». Этот концерт был вообще без Шнура, пел Пузо, потому что у Шнура то ли паспорта не было, то ли что-то такое. По дороге все эти гадкие трубачи так напились… Ромеро там был легендарный и прочие уебки. Очень хотелось этому Ромеро по голове настучать, ну такой он дебил. При этом все вокруг считали, что он душа компании, а я почему-то сразу подумал, что все это хуйня и никакой души компании в этом нет, да и шоумен он, в принципе, неказистый.

Алина Крупнова

Замечательный концерт был в Хельсинки. Там пел Пузо, пели все. Мог бы кто-нибудь из зала петь. Потому что на должность исполнителя песен Пузо, при том что он забавный шоумен, тянул не больше, чем любой человек из зала. И все равно было отлично. И неявка Шнурова, она тоже была неспонтанной. Из Хельсинки мы вернулись в Москву, и он мне увлеченно показывал новые песни для «Трех дебилов». В общем, этим своим не-приходом он как бы продемонстрировал свое отношение к старой программе, которая в тот момент волновала его куда меньше.

Алексей «Микшер» Калинин

«Ленинград» очень многих двинул именно своим отношением к музыке, никто тогда не мог подумать, что у Сереги будет столько сил этот проект двигать. Я помню, мы приехали играть в МДМ, у нас тогда была песня «Только с тобой одной», там под конец Серега пел: «Только тебя одну сегодня буду я ебать». И я вижу, что люди в зале начинают вскидывать руки на этих словах, я понял, что происходит нечто необыкновенное. Как это можно? Вроде бы такая херня, ну просто матерное слово, а людей вскрывает с такой страшной силой.

Иван Дыховичный

У меня в машине играла все время какая-то его вещь. Люди сначала охуевали: ты что, это как вообще, есть же какие-то приличия все же? И я на «Ленинграде» проверял людей, был у

меня такой тест. Сначала же было колоссальное неприятие. Но в результате огромное количество людей на это подсело, забыв, с чего они начинали. Шнуров абсолютно мой человек, меня ничего из того, что он делает, не может смутить. Тут нет обмана, нет фальши, не ради чего-то это делается. Когда меня спрашивают: ты что, серьезно это слушаешь? И что тебе здесь нравится? Я отвечаю: да это нельзя объяснить, раз вы в принципе задаетесь таким вопросом, мы уже не можем дальше разговаривать. Все, ты не в моей розетке, а я не в твоей вилке. Тут или есть или нет, или понимаешь или нет. Всегда очень много возникает подделок, а это настоящее. И я не знаю, как объяснить эту интонацию, потому что мне кажется, что расшифровывание этого образа — оно убивает. Это закодированная вещь. Нельзя ни объяснить, ни разъять.

Денис Рубин

Очень смешной у них был подход к использованию музыкального материала. Я как-то дал Шнурову послушать несколько дисков, через неделю появились две песни по их мотивам. Он взял у меня Эдмундо Роса и после этого сделал песню «Футбол футбол» и United Future Organization с заводящимся мотором, она была в «Латексе» использована, то есть буквально через неделю. Легкость, с которой это все проделывалось, была неимоверная.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Я заходил в гости к Сереге, он снимал со Светиком хату на Измайловском проспекте. Помню, как мы придумали «Дикого мужчину». Шнуров мне поставил диск Tiger Lillies, он тогда на «Модерне» работал, оттуда и раздобыл.

Вот, говорит, есть такая группа, уебаны полные. Для него тогда критерием хорошей музыки служила в первую очередь неординарность. И всю историю «Ленинграда» формировало именно это. Вот, говорит, офигенный проигрыш, жалко, что мало. И он ходит, ходит по комнате, говорит: может, спиздить? Я спрашиваю: а сколько пластинок-то в городе? Ну, говорит, на «Модерне» есть и еще у какой-то бабы точно. Я говорю: все, пиздим. Тут же спиздили. А у него была такая коробка из-под обуви, в которой лежали листы с текстами, он порылся, вытаскивает этот текст, мы тут же его присобачиваем, благо гармошка у него дома лежала и контрабас. Тут же под горячую руку через полчаса сочинили «У тебя такая жопа». На радостях едем в «Грибыч», всех расталкиваем и после двенадцати выходим и играем Пузо подтягивается. Можно было абсолютно все.

Роман Грузов

Я видел хорошую сцену между группой «Корабль» и группой «Ленинград». Они встретились в «Грибоедове», и пьяные «Корабли» говорят: «Ну а хули-то у нас песню спиздили про пистолет, разве это дело?» А те отвечают: «Да вы посмотрите на себя и посмотрите на нас. Так хоть кто-то узнал про нее».

Иван Дыховичный

У людей типа Шнурова не бывает страха перед тем, что они кого-то любят и кого-то напоминают. Такие как Шнур сами протягивают руку, показывая, от кого они. Это признак силы. И поэтому они делают новое, в отличие от тех, кто заматывает и скрывает.

Сергей Шнуров

Если ты говоришь честно, то любой хуй может это обсмеять и поставить в говно. Вот ты говоришь: «Я люблю тебя». Смешно звучит? Смешно. Пиздец. Все в кавычках. Это все как бы. И «Ленинград» показывает эту ситуацию. Что все как бы. В обществе, где все стало понятием, где любые слова заворачиваются в какую-то оболочку, что бы ты ни произнес.

Денис Рубин

«Латекс» — это был шнуровский проект с девушками из «Пепси» — это был такой полусэмплированный-полусерф вариант, такой лайт-«Ленинград», без мата, очень попсовый. Там была песня «Ковбой», которую он потом вставил в «Мат без электричества», песня про Новый год (где «компьютеры зависли») изначально оттуда. «Латекса» была целая кассета, очень хорошая, песен восемь, она просто у меня потерялась. Я помню, Серега сам не мог вспомнить эти песни, просил ее у меня. Просто кассета Sony, песен восемь там было. Один экземпляр, и я не могу его найти.

Сергей Шнуров

«Латекс» мы писали в студии Барыкина. И что-то мы ходили с Дэном Калашником, пьяные, веселые, и нас забрали в менты. И что-то жестко забрали, винты полные. И тут Дэн им говорит: а я знаю Барыкина! Менты такие: сейчас проверим. Звонят: знаете такого-такого? Да, знаю, отпустите. Отпустили без вопросов. А дело было в Люберцах, там студия находилась.

Денис Рубин

У Шнурова в то время, помимо «Ленинграда» и «Латекса», был еще один проект — «Ленэнерго», скорее на уровне идеи. Это такой рейв. Тексты «Ленинграда» под сухую драм-машину. Тогда вообще все фонтанировало, появлялись все новые и новые истории, только они быстро забывались.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Мы постоянно пересекались с «Ленинградом» на разных площадках, только у них уже был альбом, а у нас пока еще нет. Я тогда играла в группе «Бабелей». Как-то раз Сережа Фирсов потащил нас на курехинский фестиваль — мы помогали Фирсову продавать его кассеты, диски. Ко мне тут же подскочили Андромедыч и Вдовин, он тогда еще пел. Андромедыч потащил меня за кулисы, там еще Наташа Пивоварова была, какая-то очень буйная и недовольная. На том концерте она пела шнуровскую песню «Я такая крутая баба». Ну и что-то закрутилось у нас с Андреем. Он стал брать меня с собой на репетиции. А я замечаю, что все на меня очень косо смотрят. Потом выяснилось, что у Андромедыча жена есть, оказывается, а я-то вообще не знала. И в какой-то момент Шнур предложил мне участвовать в «Латексе». Мы с ним записали четыре песни на «Добролете», кажется. Отдали Кузнецову на «Гала-рекордз», он послушал и сказал: «Да брось ты, Сережа, это дело, сейчас „Ленинград“ вроде как пошел, займись-ка им лучше». А я даже и обрадовалась. Там ведь рэп надо было читать, а у меня не очень это получается.

Денис Рубин

Я помню момент, когда они стали очень крутыми именно в народе. В Питере был какой-то фестиваль open air с разными молодыми группами, а хедлайнером был «Ленинград». И когда я вышел с этого фестиваля, они играли в каждой машине.

Денис «Вейч» Вейко

Рубеж — это фестиваль «Крылья». Когда «Ленинград» там выступил, началось массовое помешательство, и я понял, что все становится совсем серьезно. Хотя меня больше греют те времена, когда Серега был злой бедный панк. Когда кругом было холодно, голодно и на улицах полно бандитов.

Константин Мурзенко

Главная особенность концертов группы «Ленинград» заключается в том, что на них никогда не случалось никакой хуйни. В отличие от, например, концертов группы «Колибри»… Я уж не говорю про «Гражданскую оборону» — я однажды пошел на

их концерт возле станции метро «Выборгская», так я просто побоялся туда заходить. А первый же концерт группы «Ленинград» был в дорогом клубе с фейс-контролем. В «Манхэттене». Кажется, это был их первый концерт, ну, в крайнем случае, пятый. Там было много людей, всем все понравилось, однако же там никто не танцевал пого, не кидался пивными бутылками. И это было достаточно непривычно для меня. Игорь Вдовин очень сильно нравился девушкам. Про бесчинства группы «Ленинград» я знаю массу историй, а вот сами зрители вели себя на редкость пристойно.

«Ленинград» появился в эпоху группы «Два самолета». И хотя группа «Два самолета» вела себя довольно сдержанно, на ее концертах, равно как и на концертах группы «Колибри», творилось черт знает что — меня потом три дня носило непонятно где.

А как-то в Москве я оказался на сольном концерте Сергея Шнурова, где он пел все те же самые песни под электрическую гитару и произвел на меня куда большее впечатление. У него были очень красивые лакированные ботинки. Кремовые.

Митя Мельников

Мы играли однажды в «Манхэттене» — зачем нас туда позвали, непонятно. Народу было немного — группу «Ленинград» никто не знал. И на сцену полез какой-то чувак лет сорока в костюме, дико агрессивный и возмущенный, ну и в выражениях он тоже не стеснялся. А Шнуров ему говорит: «Давай иди сюда». Чувак поднимается по ступенькам на сцену, Шнур бьет ему в челюсть, он падает обратно, концерт продолжается. Ничего, прокатило.

Сергей Шнуров

Я — как Тупак Шакур. Десять лет был в розыске. В шестнадцать не пошел в военкомат, в восемнадцать объявили розыск, в двадцать уголовное дело в прокуратуре. Но самое смешное в этой ситуации — человек находится в розыске, а про него тем временем печатают статьи в крупных журналах, показывают по телику. А наша, блядь, милиция ищет до сих пор: где ж этот гад, где ж этот вредитель, ну не найти его никак! Вот сука, скрылся! Наверное, в деревне живет.

Александр «Сашко» Привалов

Что до алкоголя, то у меня был только один по-настоящему синий концерт с «Ленинградом». Это было в клубе «Бедные люди», если не ошибаюсь. Приезжаем утром в Москву, в кармане

вообще ни копейки. И деваться некуда. Ну, доехали до клуба, кинули вещи. А мне нужно было заехать к одной барышне. И мы договорились, что Ромеро и Васо подождут меня в клубе, а я привезу им чего-нибудь поесть. Съездил, возвращаюсь. Барышня надавала мне сыра, колбасы, пива. Приезжаю со всей этой провизией, а там сидят Ромеро и Васо за столом, накрытым человек на двадцать. Все, что было в этом клубе в меню, все на столе. И с ними какой-то бандитского вида человек, который какое-то к клубу имеет отношение. На концерт он не остается — дела, короче, он сваливает. У нас тут же это все забирают со столов обратно, как только он ушел. Клуб еще пустой. Мы идем ко входу. А там три персонажа толпятся и что-то между собой обсуждают. А вход что-то типа сто рублей. И я так понимаю, что на вход у них деньги есть, а чтобы выпить потом, уже не остается. У меня рождается план. Я к ним подхожу, говорю: вы на концерт? Давайте так: я вас провожу бесплатно, а сейчас мы все вместе идем в магазин и на эти триста рублей просто бухаем. И они довольны, и мы довольны. А там магазин прямо у входа. Набрали водки, пошел бесконтроль полнейший. А я в те годы практически не бухал. Подъезжает машина, из нее выходит Серега — он на саундчек приехал. Он так на нас пристально смотрит, и в этот момент Ромеро начинает блевать. С грехом пополам начинается саундчек, и тут я понимаю, что я вообще ничего не могу сыграть. Нужно как-то трезветь, а как — непонятно. Думаю, надо запихать голову под кран. Не протрезвел, зато простудился неимоверно, температура поднялась. А я тогда еще служил в военном оркестре, поэтому репетицию перед отъездом в Москву пропустил. Саундчек, в общем, тоже пропустил. Начинается концерт, звучит какая-то песня. И только я вступаю, она немедленно заканчивается. Мне казалось, что я все соображаю. Шнур мне что-то говорит, а я не слышу на сцене и только показываю ему большой палец, мол, все здорово. На второй песне та же картина — я вступаю, она заканчивается. Третья, четвертая, шестая. Заканчивается мероприятие, Шнуров подходит и говорит: всем по четыреста рублей, а вам с Васо по двести. Мы такие: а чего за хрень? Он отвечает: такое наказание за то, что в жопу пьяные, чтоб на будущее знали. Я в диком негодовании, я-то был уверен, что сыграл превосходно, песни изменились, а я еще и виноват. А Васо стоит и вообще не соображает, что происходит. Я тогда говорю Шнуру: знаешь что, подачки нам не нужны. И сую ему деньги назад. И мы с Васо гордо уходим. Доходим до метро. Я хочу купить сигарет и тут понимаю, что денег по-прежнему ни копейки. Я говорю Васо: ладно, хуй с ним, давай вернемся, прикинемся дураками, извинимся и заберем эти двести рублей,

потому что курить хочется. Возвращаемся в клуб, говорим: Серега, прости. И тут до Васо наконец-то доходит, что произошло. Он начинает нападать на Шнурова, типа, ты что, совсем оборзел, гони деньги ну и все такое. Шнур встает, кладет Васо руку на плечо и так слегка его разворачивает. Я вспоминаю, что вот точно так же он на днях в «Грибыче» кого-то развернул и ебнул ему. Я вмешиваюсь, говорю, мол, Васо пьяный, не обращай внимания, мы согласны — ну, по двести рублей, и хорошо. Шнур говорит: я деньги уже Свете отдал. Мы идем к Свете. Я говорю, знаешь, Шнур нам не успел выдать деньги, по двести пятьдесят. Света спрашивает: так вроде же по двести? И кричит ему: Шнуров! А он в другом конце зала стоит, вопроса не понимает, ну и кивает. Мы хватаем в результате по двести пятьдесят — и бежать, сзади вопли: «Сашко сука!» Купил сигарет, как сейчас помню, пачку «Петра Первого». Приходим в какой-то клуб, я кладу сигареты на барную стойку, на секунду отвернулся, а их уже нет. Я что-то начинаю скандалить. И тут подходит человек и дает мне пачку «Парламента» — типа, на, кури. Это оказался парень Глеб. В тот день мы и познакомились. Возможно, он этот день проклинает.

Глеб Владиславлев

Впервые я «Ленинград» увидел в 97 году — поехали в Питер на майские и решили сходить в модный клуб «Грибоедов». Приходим — кнопка звонка, вход в бомбоубежище, стоим, никого нет. Вдруг подваливает целая шобла пьяного народа. Мы стоим, жмемся. Тут какой-то человек из тех, что подвалили, говорит мне: «Хули стоишь? Кнопку нажимай!» Это был Пузо, как вскоре выяснилось. Мы трое, несколько обалдев, стояли среди напрочь расколбашенной публики. Это был тот самый знаменитый концерт Алла Пугачева unplugged. Очень веселая была тема, еще Вдовин пел. Это было целое представление. А потом по радио «Шансон» поставили «Катюху», а еще через какое-то время в «Бедных людях» я их встретил, ночевать им было негде, я говорю, поехали ко мне. Я даже не заметил, что у них вокалист сменился. Подхожу к Шнурову, говорю: спасибо, Игорек.

Духовики стали останавливаться у меня в Орехово. Кураж тогда был чудовищный. Квасо периодически по пьяни шел не в ту комнату и ложился к моей бабушке в кровать.

Александр «Сашко» Привалов

У Глеба жили я, Васо и Ромеро — в общем, лучшие люди «Ленинграда». Однажды мы ехали в Москву, а Васо опоздал на поезд. Глеб встречал нас на вокзале. Васо позвонил, сказал, что едет следующим поездом и будет через час. Мы стоим ждем его

на вокзале. Он приезжает не один, а со своей барышней. Мы ее называли мадам Квасо. Ну и едем к Глебу. А мы там у него уже полностью расслабились. Его мама даже однажды оставила записку: «Глеб, я скоро закрою Дом колхозника». Приехали, закупились в магазине. Глеб поехал на работу, а мы сели пить. А в квартире оставалась бабушка. Она в какой-то момент вышла из своей комнаты. А Квасо со своей барышней к тому моменту уже напились и отправились трахаться — почему-то именно в бабушкину комнату. А мы с Ромеро подглядывали за ними и давали советы. В какой-то момент появляется бабушка и начинает лупить Васю по спине своей клюкой: уходите отсюда, черти! Квасо не обращает на это никакого внимания и невозмутимо продолжает, как швейная машинка. А барышня выглядывает из-под него и спокойно бабушке говорит: пожалуйста, оставьте его в покое, мы уже три дня пьем, ему и так кончить трудно, а тут еще вы ему мешаете. Тут и мы с Ромеро заявляем: милая бабушка, это молодожены, не обращайте внимания.

Глеб Владиславлев

Сашко был самый хитрый из битлов. Ромеро — просто пьяная дурь, а Квасо — Квасо что-то между.

Алина Крупнова

Несмотря на то, что я жила недалеко вокзала, Шнуров никогда у меня не останавливался и никому из группы не разрешал у меня ночевать. Он вообще был очень щепетилен в этом отношении. Никогда не напрашивался и никогда не злоупотреблял гостеприимством. Он любил соблюсти дистанцию, подчеркнуть любовь к порядку и свою роль в группе. Типа у нас все ведут себя как черт на душу положит, однако же есть среди нас один настоящий мужчина, зовут его Шнуров Сергей Владимирович. Я уверена, что весь этот его алкогольный беспредел — скорее притворство. Потому что такой контроль и такое следование продуманной программе просто невозможны на фоне настоящего алкогольного делирия.

Митя Борисов

Я, кстати, не знаю, чего бы было, если б им тогда предложили не мудовую продюсерскую группу «Ы», а за них взялся бы какой-нибудь Айзеншпис.

Ведь, как показывает время, Шнур стратегию разработал абсолютно стопроцентную. Я подозреваю, что он изначально все продумал — и Вдовина, и свой выход, и все-все-все. И платье. Все на десять лет вперед.

Денис Рубин

Во времена «Мата без электричества» Шнуров работал на радио «Модерн» дизайнером. «Модерн» был вполне культовой радиостанцией. Знаменитый логотип «Модерна» как раз его авторства. Сначала он был там дизайнером, потом пиар-директором. Работали смешно. Я был его помощником, мы должны были приходить, он в одиннадцать, я в двенадцать, я приходил в три, он приходил в шесть. И так каждый день. Два года все нормально работало каким-то образом. Шнуров довольно прагматично использовал «Модерн»: он приносил свой очередной хит Сереже Николаеву, хозяину, говорил, давай поставим. Это как раз «Дачники» и были. Он во времена «Дачников» еще был на радио. Это работало на его популярность, потому что Сережа Николаев уже тогда сильно любил «Ленинград» и хорошо понимал, что это серьезная история. Бачинский, который там тогда работал, Шнурова тоже любил и промоутировал. И первые треки охотно ставил.

Анна Черниговская

Он считался пиар-директором, но на рабочем месте его никогда не было, он вплотную занимался делами группы «Ленинград». И «Модерн» было такое дупло, где он мог оставить ролик или записать голос, чтобы кто-то его забрал. Там можно было оставить плакатик для него. «Модерн» вообще очень грамотно проехался по начинавшейся славе Шнура, потому что учредители радиостанции как раз были среди первых поклонников.

Илья Бортнюк

Шнуров, по-моему, до последнего момента не очень рассчитывал на карьеру музыканта. Я помню, он мне как-то сказал: вот, сейчас на «Модерне» предложили стать начальником пиар-отдела, и я не мог отказаться. А он уже тогда собирал тот же «Спартак». Он, кажется, не думал о том, чтобы постоянно играть.

Сергей Шнуров

Я в детстве вообще хотел стать мороженщиком.

Дмитрий Ицкович

Они, конечно, были молодые, но при этом не подростки. Хороший зрелый возраст.

Бухания, веселья и драк было много, но пьяного беспредела как такового не было. Шнур вообще человек трезвый и очень

рациональный. Он многое имитировал, а люди вокруг него принимали эту имитацию за чистую монету. Шнур вообще единственный все это сильно держал. Он был настоящий командир в группе, уже тогда. Все переговоры с ним велись. Но кайф был еще и в том, что он робел при этом. Риск все-таки был сильный — получится-не получится, тогда никто не знал. От этого в нем возникала такая особая шпанистость, очень клевая.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

У Шнурова в то время был роман в духе Пелевина про то, что заграницы не существует. И были натуральные чтения в «Грибоедове». Он сидел и читал с ноутбука — они по тем временам еще были редкостью.

Александр «Пузо» Попов

Это был мой ноутбук, китайско-корейско-российский. Помню, организовался какой-то окололитературный вечер в Москве. Серега читал с него стихи сначала, а потом был небольшой концерт, где я вышел с гитарой. И то ли я не выпил тогда ничего, или, наоборот, выпил слишком много, но только в ноты не попадал совсем. Вообще ничего не получалось, но, на счастье, оказался среди гостей Дэн Калашник, который до этого уже играл с «Ленинградом». Он вышел, взял гитару и спас положение.

Алина Крупнова

В «Ленинграде» вообще много литературы — в поведении, в текстах, во всем. Это очень текстовая конструкция, такая киношно-литературная история, с самого начала. Мальчики-музыканты, с которыми я работала до этого, они все убивались за звук, они разбирали концерты — причем любые, даже самые пьющие. В «Ленинграде» этого не было. Есть настроение, нет настроения, ну и все. Инструменты исполняли скорее декоративную функцию. Люди играли не на тех инструментах, которыми они лучше владеют, а на тех, на которых в данный момент надо играть.

Михаил Ефремов

Группа «Ленинград» в достаточной степени формализует свои тексты, они из Петербурга и поэтому формалисты. Они всю матерщину и все жесткие темы заформализовали — это звучит девизно, плакатно. Этакими широкими мазками… Поэзия слоганов.

Митя Борисов

Пили все пиздец как. Падали музыканты со сцены. Но наркотиков тогда вообще не было. Не помню ни одной пьянки с участием наркотиков.

Митя Мельников

Как-то раз мы играли концерт в сауне. Это было в мае 2000 года. Какие-то московские строители что-то отмечали. Играли прямо как в кино — там такой большой павильон с бассейном, барная стойка. Кругом ходят голые красивые проститутки. И прыгают в бассейн.

Денис «Вейч» Вейко

Я ненавижу любой шоу-бизнес и никогда не смог бы заниматься промоутированием или еще чем-то таким. Поэтому я просто по-тупому их роуд-менеджер. Уже девять лет. Мне нравится, что в «Ленинграде» никто не запаривается по поводу серьезности всего происходящего. Единственный человек, который по идее должен все это делать, это я, но я с этим тоже плохо справляюсь. Не то чтобы я этим горжусь… Но меня пока еще не выгнали, и слава богу.

Глеб Владиславлев

На первое «Нашествие» автобуса им еще не полагалось, и мы ехали на наших с Андрюхой «Эдисоном» машинах всей этой толпой народа. У меня скорость сто шестьдесят километров в час, в этот момент у Ромеро рвет планку. Вдруг он мне как ебнет сзади по плечу: давай драться. Странно, как не разбились.

Ира Седова

Утром с поезда они сразу ехали к нам в «Китайский летчик» положить инструменты. Тут же, естественно, начинали опохмеляться. Ромеро хватал за жопу нашу бабушку-уборщицу. Ирина Борисовна Паперная решительно не понимала, что это за хулиганье намеревается играть в ее клубе. Дошло до того, что за пятнадцать минут до начала концерта она начала орать на меня: «Они не должны здесь выступать! Они не должны здесь выступать!»

Дмитрий Ольшанский

После того как в «Ленинграде» начал петь Шнур и вышел «Мат без электричества», я, честно говоря, как-то подпал под влияние его грозного имиджа. Поверил. Но, случайно встретив его в книжном магазине уже второго «ОГИ» на Чистых прудах, я был поражен тем, какой он, оказывается, интеллигентный

начитанный господин. Помню, что он интересовался какой-то замысловатой беллетристикой, я советовал ему что-то, выяснялось, что он читал то и читал это. Смешно теперь об этом вспоминать, но тогда я на самом деле удивлялся: как же, такая буйная музыка — и разговоры вокруг чего-то в стиле журнала «Иностранная литература». То, что Шнур какое-то время учился на богослова, я себе и представить тогда не мог. Мне казалось: вот, в Москву приехали настоящие питерские хулиганы из Купчино и Веселого Поселка, и всем они сейчас будут раздавать по морде.

Денис Рубин

Очень смешной концерт в «Спартаке» я помню, когда они играли вчетвером, еще Калашник играл на гитаре, и они сыграли самый настоящий хардкор, там была какая-то трэш-тусовка, металисты собирались. Очень было круто, они в три гитары сыграли. Шнуров всегда показывал, что может быть много разных вариантов, что это очень подвижная группа.

Я помню, они полувсерьез обсуждали возможность создания «Ленинград-1», «Ленинград-2» и «Ленинград-3». Вдовин в один клуб, Шнуров в другой клуб, Пузо в третий. Петь одни и те же песни, но одновременно. До этого все-таки не дошло, но идея была.

Александр «Пузо» Попов

Была у нас эта тема «Ласкового мая». Например, однажды Серега в поезде получил пиздюлей, ему разбили жало, и мы поехали в Москву без него. Играли пару концертов, в том числе в «Цеппелине». Все очень сильно перепились, я пел. Публика расстроилась, с меня даже в какой-то момент содрали это платье женское, наверное, это было ужасно. Впрочем, все довольно быстро устаканилось, стало понятно, что «Ленинград» — это Серега Шнур, а все остальные — ребята, которые вместе с ним. Но был период, когда это было непонятно.

Денис «Веич» Вейко

Пузо пел отвратительно. И денег нам за тот концерт в «Цеппелине» заплатили меньше.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Однажды мы решили устроить концерт группы «Ленинград» сразу в пяти местах. Прикинули: можно же разбиться на части по три человека, ну, концерт как-то идет, затягивается, растягивается, а Серега просто ездит с места на место —

выступит то там, то здесь. Чтобы главного персонажа все видели и не беспокоились. Затея закончилась на звонке Седовой в «ОГИ» — они тут же созвонились, поняли, что дни пересекаются, и заподозрили неладное.

Маша Федоренко

Стоял август 2000 года. Я была начинающим журналистом примерно 21 года и однажды пошла на концерт новой интересной группы «Ленинград». «Китайский летчик» стоял на ушах, а я, даже не выпив ни пива, ни текилы, оказалась совершенно влюблена в это, гм, явление. Я быстро поняла преимущества моего журналистского амплуа. Подошла к Шнуру после концерта и заявила, что мне необходимо взять у него интервью. Он согласился, но когда мы встретились, он сообщил, что давать его будет в ванной во время купания. Я целомудренно отказалась. Вместо этого мы выпили водки, и он исполнил песню «Мотоцикл».

В общем, через некоторое время я нашла себя в своей квартире на Маяковской в окружении членов группы. Они стали останавливаться у меня во время гастролей, там же и репетировали. Как ни странно, мои соседи, как сверху, так и снизу, почти никогда не грозились вызвать милицию.

Кроме Шнура дух Ленинграда лучше всех выражала Света Колибаба, которая выступала в составе группы «Три дебила» — еще одного проекта Шнура того времени, и на концертах «Ленинграда» тоже, она играла на аккордеоне. Она тогда еще любила яркие губные помады, волосы под платиновую блондинку не красила и была дворовая такая деваха, такая веселая секс-бомба. Шнур был на суперподъеме, пил водку, курил «Золотую Яву», сочинял песни на ходу и никакой бороды не имел. Тогда еще он работал вроде бы пиар-директором на питерской радиостанции «Модерн», так что «Ленинград» был типа хобби. Журналисты его пока не очень донимали. По-моему, его страшно радовала и развлекала новая ипостась рок-звезды. Меня поражало то, как он внимательно выслушивал бесконечные комментарии слушателей его концертов, доброжелательно кивал даже самым пьяным дуракам, которые могли только мычать, но очень хотели мычать именно Шнуру. И ужасно меня радовало отношение Шнура к концертным костюмам. Он носил кепочки и безумные майки, они были пародией на московский гламурный стиль и создавали остроумный художественный эффект, потому что совершенно не подходили к образу мачо, который был в песнях. Жизнь была прекрасна, мы ездили на кораблике по Москве-реке, солнце было ярким, денег было мало. Я выступала с «Тремя

дебилами», раза четыре или пять. Играла на маракасах и приплясывала. В общем, мой музыкальный вклад в концерты сводился к нулю, может, я только немного увеличивала количество драйва. Но эти концерты повлияли на меня в том смысле, что я благодаря им вспомнила, как хорошо мне было стоять на детских утренниках на стуле, и году в 2003-м у меня даже появилась своя группа «ПБОЮЛ». Один из концертов был в «Цеппелине», я помню, что многие гламурные посетительницы и посетители клуба дико напряглись на мат и свистопляску и сидели за столиками с похоронным видом. Концерт прошел отлично.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Был концерту гостиницы «Прибалтийская» в рамках какого-то серферского праздника, когда как раз пел Пузо. Он вышел и поприветствовал собравшихся: «Привет, серферы-хуерферы!» Дело было на улице, а у этих мат на мате, я не знаю, как это все люди терпели. А Шнур уехал в Москву зажигать. Пузо сказал серферам, что его повязали менты. Дико веселый был концерт, я играла на клавишах, и они чуть не слетели со сцены. После вышли «Ляпис-Трубецкой», но им уже после нас, конечно, делать было нечего.

Сергей Шнуров

Мы вроде бы и заметные, и одновременно непонятно, как к нам относиться. У того же Летова были совершенно другие и определенные задачи, а наши задачи непонятны. Мы не протестуем ни против чего, и самое яркое, что видно, это как раз мат. Мы просто вышли пописать, вот это всех и смущает.

Маша Федоренко

Помню безумный концерт в каком-то московском клубе, когда Шнур был не в духе и просто стоял спиной к публике и перебирал струны время от времени. Света Колибаба тогда практически одна исполнила все его песни. Пьяные в хлам зрители, среди которых преобладали какие-то непонятные офисные толстяки, были все равно довольны и кидали в нас скомканными тысячными купюрами. Шнур придумывал всякие сумасшедшие идеи, решил продать сайт группы «Ленинград», очень смешно переделал песню Земфиры «Я искала тебя» на «Ты искала меня», но выпустить ее директор Земфиры не давал.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Эта переделка Земфиры тогда вообще космос была полный. Я

помню, Сукачев слушал ее с круглыми глазами, не веря, что такое в принципе бывает.

Земфира

Не помню, чтобы я негативно отнеслась к кавер-версии. Поют и поют, если кавер к тому же хорош, то где же здесь причина для злости? Меня разозлило другое — строчка про Земфиру с неверным ударением. Мне показалось это ограниченной шуткой с националистическим душком.

Ира Седова

Шнур очень закрытый и не очень счастливый человек. Недопонятый, кстати. Он не является мудрым человеком, но он про все знает, может любой разговор поддержать и всех за пояс заткнуть. Он каждый раз попадает пальцем в небо. В прямом смысле. И успехи группы «Ленинград» идут от этой его удачливости — пальцем в небо. Это же все на поверхности лежало, а он пришел и взял. Все думали, ну это же так понятно, так просто, так банально. И никому не приходит в голову, что, если банальное раздуваешь до нереального, получается феномен.

Андрей «Дед» Кураев

«Ленинград» — странный феномен. Когда я первый раз попал на концерт, дело было в «Спартаке», меня поразило, что народу битком. Я подумал: как же так, я тут, блядь, играю, все знаю, а вдруг какие-то неведомые мне люди играют музло, и полный зал. При этом в зале почти нет знакомых, совсем другая публика, не с наших концертов. И это явно люди не из тех клубов, в которые ходил я — «ТаМtАm», «Фиш-фабрик». «Ленинград» был абсолютно параллельной историей. Глядя в полный зал, я подумал: что-то я пропустил. Они тогда играли песню «Ска», а я стоял и недоумевал: ну как же так, ведь мы в «Спитфайре» играли ска единственные по стране, и за много лет до «Ленинграда» кроме нас тут вообще никто не знал, что это такое, а теперь получается, что музыку ска в Россию принес Серега. Шнуров вообще так устроен — раз, новье хватает и переделывает на свой лад. И никогда не кладет в долгий ящик. Сварганил вещь — завтра это уже на студии.

Борис Хлебников

Шнуров вообще не перфекционист. Ему все надо сделать очень быстро и чтобы сейчас нравилось. Переделывать, доделывать — это для него какая-то вредоносная вещь. Ему нельзя себя причесывать, а надо, наоборот, делать очень грязно —

на «отьебись».

Митя Борисов

Я помню концерт в «Маме» — был страшный биток, Шнур вышел в платье, и это был лучший концерт по тем временам. Он убил публику абсолютно. Гениальный был концерт.

Александр «Сашко» Привалов

В 99 году мы играли в МДМ на фестивале «Неофициальная Москва». И у нас был обед в «Бункере». За соседним столом сидели «Вопли Видоплясова». Мы сами по себе, они сами по себе. На столах было по бутылке водки, у нас она сразу кончилась, смотрим — у них она вообще нетронутая. «Вопли» нам заявляют: у нас перед концертом не принято, так что забирайте. А я при этом сижу, слушаю, о чем они говорят: ну мы там съездили туда, а там такой говенный звук, ой, а вот там такие мониторы. Мне в то время это было просто дико. Мне казалось: какая, в пизду, разница, что там у тебя происходит в мониторах, если тебя прет и ты каждый раз играешь, как в последний. Да плевать, что со звуком, есть он, нет, тебя вштыривает, и ты выворачиваешься наизнанку. «Ленинград» — это честно было. Ничего не важно было. И люди это чувствовали. Честно, и все.

Паша Павлик

Ничего подобного «Ленинграду» в те годы даже близко не было. Ну, была группа «Корабль», вроде бы то же самое по стилистике, но никому кроме рафинированной группки не интересная. А эти пробили всю страну и даже иностранцы кайфовали, не понимая ни слова. И жизнь была такая, что все искренне, без всяких надломов. До поры до времени. Потом уже начались надломы — люди ж взрослеют.

Я работая в FEELEE, нажрался всякой музыки выше крыши. Устал и как-то иронически посматривал на все вокруг. У меня было личное уважение к музыкантам, но удовольствия от их музыки не было никакого. А когда я слушал «Ленинград», то совершенно искренне был счастлив.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Мы были нечто среднее между «Гражданской обороной» и «АукцЫоном».

Митя Мельников

Тогда никто не играл веселую музыку. Были «Два самолета» в Питере, но они слишком богемные, слишком наркоманы,

слишком столичные и вдобавок пели непонятно о чем. В «Ленинграде» никто не притворялся, все действительно были пьяные, при этом умудрялись играть и играли весело. Потом, конечно, реально начали нажираться так, что падали со сцены. Уже был перебор по части свинства. А на первых порах все было просто замечательно.

Митя Борисов

Группа «Ленинград» бессмысленна без успеха. Она была на это рассчитана. Мне это дико нравилось. Это был остроумный ход, при этом не блядский, никто никому не продавался. И мы в этом были уверены. То, что они выебут всю страну, было понятно сразу. Я до сих пор не понимаю, почему никто из продюсеров этого не понял и просто не сел на баблос. Это уникально, они ж до сих пор свободны. Все под кем-то.

Илья Ценципер

В то время — что сейчас уже очень сложно себе представить — существовал андеграунд и существовала попса. Все это были разные зверушки разной породы, они бегали по разным тропкам и никогда не встречались. Тогда существовали две вселенных успеха. Сейчас их либо гораздо больше, либо это более продолжительное пространство. Мир правды, угара и чего-то похожего на заграницы. Журнал «Афиша» и группа «Ленинград» похожи тем, что они не вполне сознательно, но все-таки стали размывать эту границу. Отчасти в силу смены поколений, отчасти в силу экономических причин. Шнуров играл в сознательного трикстера, который может действовать по разным правилам, находиться на разных территориях и везде быть одинаково успешным. Это то, чем довольно последовательно занималась также «Афиша», которая выкроила другой кусок из реальности. Просто традиционное противостояние немытых, но честных лучезарным гадам из телевизора — это противостояние и для «Афиши», и для «Ленинграда» происходило в другой плоскости. Вообще, «противостояние» — неправильное слово, просто что было интересное, что было живое, то в «Афишу» и попадало. И по-моему, «Ленинград» играл по таким же правилам. Туда, где было живо и не совсем гнусно, туда они и лезли, не обращая внимания на такие вещи, как традиционная демаркационная линия. Поэтому нам было легко договориться со Шнуровым снять его на обложке в виде зайчика в деловом костюме, что выбивало его из традиционного способа представления русского рок-музыканта. Трудно представить себе Гребенщикова или группу «Чайф», которые соглашались бы сниматься в роли шутов гороховых.

Шнур умел разговаривать на разных языках. «Ленинград», наверное, единственный пример в этой пост-рок-музыке, который задел настолько разнообразные территории.

Михаил Рябчиков

Знание о группе «Ленинград» распространялось не из-за пластинки и не из-за концертов, а только благодаря устному общению — вокруг «ОГИ». Так же было и с Tiger Lillies, кстати. Приятное чистое время — все вокруг были знакомы.

Матильда Мозговая

Я хорошо помню, как первый раз «Ленинград» показали по MTV. Я сидела дома и делала уроки. Тутта Ларсен объявила, что вот, все мы уже год как слушаем группу «Ленинград», наконец-то у нее появилось видео и наконец-то нам разрешили его показать. Ну и показали клип «Ду ю лав ми». Тогда я впервые увидела, как выглядит Шнур. В клипе шнуровский друг Демыч переодевается в женщину и параллельно показывают выступление группы «Ленинград» в каком-то клубе. Демыч бреет ноги, красит губы, глаза, ногти, курит сигаретку. Приходит в клуб, залезает на сцену и целует Шнура взасос. На этом видеоклип заканчивается.

Марфа Хромова-Борисова

«Ленинград» я впервые услышала году, наверное, в 97-м, весной. «ТаМтАм» уже закрылся, а «Молоко» как раз открылось. И чисто случайно мы оказались на концерте. Это был, конечно, восторг — вдовинский чуть повизгивающий голос, все эти песни полублатные-полупионерские: «Любка», «Катюха». Очень свежее было чувство, правда. И через месяц, что ли, объявили еще один концерт. Мы сразу решили, что пойдем, даже ждали его, можно сказать. А за полчаса до начала решили: нет, не пойдем. Неохота что-то. Потом друзей спросили, как оно прошло — и у них то же самое получилось. Передумали в последний момент.

Меня удивило это тогда, да и сейчас удивляет.

Зато года через четыре, когда я стала молодой матерью, ходила на работу и вообще не знала совершенно, куда мне деваться, я слушала все время «Мат без электричества». В наушниках спешила домой, смотрела злорадно по сторонам и думала: что, суки, похоронили? перевели в другой социальный слой? А вот хрен вам, у меня тут ТАКОЕ играет… Правда, очень помогало почему-то наладить связь с самой собой.

Группу «Ленинград» очень любят дети. Только надо делать перерыв где-то лет с двух и примерно до семи — в этом возрасте дети любят все повторять бездумно, включая матюги. А после

семи они уже вроде как знают, что разные слова бывают и что бывает художественный мат.

Михаил Ефремов

Что касается мата, то, естественно, это прекрасно.

Юрий Сапрыкин

Альбом «Мат без электричества» я впервые услышал почему-то днем 1 января; кажется, накануне еще в отставку ушел Ельцин. И к обоим этим событиям я оказался совершенно не готов. Мне очень нравилась пластинка «Пуля», она была простая и понятная, даже уютная, что ли. Это был такой одомашненный блатняк, похожую музыку (хоть и менее талантливо) до сих пор играют всякие «Хоронько-оркестры» и ВИА «Татьяны». А тут какой-то мужик матом орет, музыки ноль, аранжировок никаких, песни совершенно патологические — мы ебемся с семи лет, я обнимаю батарею — бред, в общем. А я еще с похмелья. Как говорится, должно было пройти время; через пару месяцев я слушал «Мат» с диким кайфом в режиме нон-стоп.

Паша Павлик

У Сереги созревание стиля было очень трудное. Все его первые музыкальные записи, кроме «Пули», я слышал обязательно. Что-то они там с Андромедычем постоянно писали, потом браковали. Люди талантливые — не жалко. Состав был интересный, была большая джазовая составляющая, которая мне как раз нравилась. Это были люди никому не известные, но абсолютно ничего не боявшиеся.

Алина Крупнова

Он, безусловно, здорово подорвал повсеместное увлечение виртуозностью исполнения, качеством звука. Доказал целому ряду людей, что по большому счету это неважно.

Михаил Ефремов

Конечно, охуительно приватизированное название. В общем, это одно из проявлений постмодерна, такой постмодерн-рок. «Ноль», кстати, тоже не был до конца роком. Но Чистяков был ебнутый, а Шнуров — нет.

Михаил Трофименков

Шнур говорит, что не помнит такого, но я-то помню, я был не пьяный еще. Лет семь назад Марина Кронидова, моя жена, работала на башировском кинофестивале «Чистые грезы» пресс-

атташе, а принимая во внимание всем известные организационные способности нашего обожаемого Александра Баширова, фактически — еще и директором программ. Поскольку одной ей просто физически не хватало времени и сил пиздить одновременно президента фестиваля, киномехаников и башировских студентов, как бы выполнявших там как бы административные как бы функции, я помогал ей, как мог. То есть: надев пиджак и лицо, придав себе максимальное ускорение, бегал по питерскому Дворцу молодежи. Такая зондеркоманда и «скорая помощь» в одном лице. Полагаю, именно мой сосредоточенный внешний вид и одежда ввели в заблуждение Сергея Шнурова, принявшего меня за начальника, неважно какого, но начальника. В конце концов, я там был единственный в пиджаке. Хотя в момент событий я-то себя со стороны не видел, поэтому несколько недоумевал из-за того, что произошло. Впрочем, по порядку. Программа фестиваля включала в себя ночные концерты, но музыканты, как люди ответственные, репетировали в буфете еще засветло. Пробегая мимо буфета, я уронил шляпу, то есть то ли Шнур налетел на меня, то ли я налетел на него, несущего к столику боезапас коньяка. Мы, как люди благовоспитанные, извинились хором, но он решил заодно воспользоваться ситуацией. «Простите, — откашлявшись, произнес он, — а можно мы будем выступать не ночью в зале, а сейчас в фойе?» Понятно, что у меня не было ровным счетом никаких полномочий и резонов что-либо Шнуру запрещать или разрешать. Мне было совершенно наплевать, где и когда играет «Ленинград». Но, с одной стороны, признавшись в этом, я бы резко обломал человека. Поэтому был обязан отреагировать на его просьбу с человеческой теплотой. С другой стороны, я не мог просто так, с кондачка, разрешить ему выступать в фойе: согласование бюрократических деталей — дело тонкое, а Шнур дал мне возможность впервые в жизни почувствовать себя бюрократом. Ну, таким инструктором обкома комсомола, приставленным к Ленинградскому рок-кпубу. Я подошел к делу ответственно: «А вы играете акустику или электричество?» — «Акустику». — «Хорошо, а каков состав инструментов?» Шнур честно перечислил. «Угу, — задумался я. — А почему вы хотите играть именно сейчас?» «Боимся, — признался Шнур, — опять получится как в прошлый раз». Аргумент был неотразим, тем более что слова «прошлый раз» для меня не содержали абсолютно никакой информации, а звучали этакой мантрой. Изобразив на театрально-взвешенное время напряженную работу ума, я великодушно раз решил: «Играйте». На Страшном суде мне, надеюсь, зачтется то облегчение, которое испытал Шнур, услышав

эти слова.

Илья Бортнюк

Назревал альбом «Дачники». Записали песню «Терминатор» и «Когда нет денег» (на нее даже клип сняли). Я потащился с ними на «Наше Радио» — другого варианта тогда не было. Козырев был категорически против. Он сказал, что на его радиостанции никогда не будут крутить русский шансон. Мне стало совсем непонятно, как вообще продвигать группу. Радио нет, телевидения нет. Можно было, конечно, брать исключительно концертами, но это могло занять несколько лет. А Шнуров на этот счет вообще не парился. Он говорил, что все нормально, что самые крутые артисты как раз и не попадают на радио и телевидение, и вообще-то он прав был по-своему. А потом Козырев приехал на фестиваль журнала Fuzz в Питер и своими глазами увидел, что «Ленинград» там принимают едва ли не лучше, чем Земфиру. Сказал, давай попробуем поставить «Терминатора». И поставили его в какую-то пробную программу. И как только он его поставил, такой шквал звонков… Песня тут же оказалась на втором, а потом на первом месте и держалась там какое-то рекордное количество времени. Мало кто понимал, что вообще происходит.

Алексей Зимин

Став обладателями благой вести, мы с Семеляком принялись немедленно нести ее в массы. Я не знаю, сколько кассет с «Матом» я купил и развез по разным гостям. Пили мы много, по разным гостям ездили без счета, и везде нужна была музыка, чтобы поддерживать, оправдывать и вдохновлять алкогольный делириум. Наверное, я вел себя тогда как одержимый. Но на фоне регулярного пьянства это было не так заметно. Выпив, человек вообще чаще всего ведет себя настырней.

Андрей Карагодин

Весной 2000-го я вернулся в Москву из Голландии, где прожил всю зиму, и обнаружил, что в городе творится что-то странное. На Чистых прудах открылся подвал со странным названием «ОГИ», где каждый без исключения вечер собирались, смеялись, накуривались анашой, ухлестывали за не самыми красивыми, говоря по правде, женщинами, а главное — отчаянно, с остервенением, напивались дрянной водкой под дармовую газировку все мои друзья (было нам тогда по плюс-минус 25). «Пить стало снова модно», — провозгласил Семеляк, и даже наш старший товарищ, адепт спортивного ориентирования и

спортивного секса художник Володя Могилевский стал прикладываться к бутылочке. После очередного графина с отравой было решено, что случился «ревайвл» молодости. Тут-то и грянула группа «Ленинград». Уже к июлю компания дошла до абсолютного скотства. На даче нашего дружка, спившегося таможенного брокера по прозвищу Мокеша под матерный ор «Ленинграда» озверевшие выпускники МГУ, дети академиков и редакторы журналов метали друг в друга ножи, выбивали зубы, колотили в пьяном угаре о придорожные столбы машины, ебали девок друг друга и заливали в себя бессчетные ящики «Старого мельника» и «Гжелки». Со стороны происходящее выглядело как преступление против человечности, но у участников бесстыдств вызывало ощущение дикой эйфории: типичный симптом помешательства.

Анна Черниговская

Осенью 2000 года был сборный концерт на Пушкинской, 10. Гребенщиков сыграл пару песен, и «Ленинград» неполным составом — тоже. До этого все кому не лень задавали Боре вопрос, а слышал ли он группу «Ленинград», и он честно отвечал, что нет. Это был самый популярный в городе вопрос. Ну и он их на том концерте послушал. Дня через два я встречаю Борю. Он говорит: «Знаешь, я постоял за кулисами, послушал, а на следующий день у меня состоялось интервью для какой-то странной радиостанции „Фантом-FM“. Приходит чувак, аккуратный такой, вежливый, называет меня Борис Борисович, вопросы задает умные. А я прекрасно понимаю, что это тот же самый Шнуров, которого я видел накануне. Это два разных человека». Еще Гребенщиков мне сказал: «Мне очень жалко этого парня. Он сам не понимает, каких бесов он выпускает. Я, как человек постарше, уверен, что он с ними в конце концов заиграется. Он просто пока этого не чувствует. Потому что нельзя этого делать, мы через это уже проходили».

Дмитрий «Демыч» Беляев

Бес выпущен, согласен. Но бес-то выпущен не только в музыке или культуре. Бес выпущен из бутылки вообще везде в мире. Это наш общий бес. Отражением этого бесовства на здешней почве служит группа «Ленинград».

Алексей Зимин

Я носился с «Ленинградом» и удивлялся, отчего другие не замечают всей взрывоопасной радости, которую несет в себе эта пластинка. Для меня было очевидно, что вот это и есть лучшая

группа русского рока, что это должно стать как минимум национальным достоянием, а не просто ночным саундтреком клуба «ОГИ».

Теперь я понимаю, что для большинства именно в этой пластинке не хватало драйва, какого-то прямого, убийственного высказывания. В «Мате» было все, что составило потом силу «Ленинграда», но чтобы эта сила стала явной всем, понадобилась еще одна пластинка.

Летом 2000-го мы возвращались ночным поездом из Петербурга с Костей Мурзенко. Была дикая жара, и в вагоне-ресторане было нечем дышать. Мы покупали там водку и шли пить ее в тамбур — там было прохладнее.

В один из таких заходов мы натолкнулись на Илью Бортнюка, тогдашнего директора «Ленинграда». Мурзенко познакомил меня с ним и сказал, что я поклонник «Мата без электричества».

Я стал внушать Бортнюку, что нужна новая пластинка, после которой все бы поняли, какая сила этот «Ленинград». «Такая пластинка уже записана. Осенью выйдет», — сказал мне Бортнюк. И выдал мне демо-кассету «Дачников».

На демо-кассете было по минуте от каждой песни. Но этого было вполне достаточно, чтобы понять: осенью «Ленинград» уберет всех.

Нет страницы 97

Глава третья

Поздней осенью двухтысячного года для всех, кто имел неосторожность принять ансамбль под руководством Сергея Шнурова близко к сердцу, настали окаянные дни. В ту пору «Ленинград» находился в самом бесстыдном, изнаночном расцвете, точнее сказать, разгаре. Каждый концерт игрался как последний, даже если таких концертов было по три в день. Из Москвы группа не вылезала. Альбом «Дачники» заполонил собой все. Его слушали с каким-то самозабвенным остервенением. Если «Мат без электричества» все же воспринимали с некоторой долей удивления, а порой даже известного неверия собственным ушам, то «Дачников» жутко, жадно жрали — как незаслуженный, но долгожданный паек. С выходом «Дачников» стало окончательно ясно — то, что еще пол года назад можно было списать на внезапное воспаление какого-нибудь специфически восприимчивого нерва, перешло в хроническое заболевание всего организма. У меня сейчас такое чувство, что в ту зиму я не слушал вообще никакой музыки, кроме альбома «Дачники», — это при том, что в мои непосредственные обязанности входило более или менее регулярное рецензирование пластинок. (На «Дачников» мною тоже был сочинен пространный отзыв под названием «Летите, грусти и печали, к ебени матери в пизду!». Впрочем, в опубликовавшей его газете «Ведомости» заголовок был слегка купирован.)

Той зимой пили сильно, но как-то отрадно. Алкоголь сопутствовал «Ленинграду» на правах околоплодной жидкости — в некоторый момент стало неясно, что, собственно говоря, первично: желание открыть бутылку или желание поставить кассету, где тут причина, где следствие. Ни одна пьянка не обходилась без прослушивания «Дачников», ни одно прослушивание «Дачников» не обходилось… ну понятно. Все мы, ровесники Шнура и по вполне естественному совместительству его адепты, словно бы учредили себе дополнительный год молодости — подобно тому, как весь окружающий мир зачем-то вторично пустился праздновать миллениум. Повторная и притворная молодость всегда протекает острее положенной. Перевод стрелок с 2000-го на 2001-й тоже был веселее прошлогоднего — если в торжественном преддверии смены девяток на нули еще сохранялись пресные надежды на апокалипсис (проблема 2000 и все такое), то в повторном праздновании не оставалось уже ровным счетом ничего помимо безудержного скотства.

При всей апологии пьянства и блядства «Ленинград» едва ли искалечил кому-нибудь жизнь или свел с ума (хотя в отечестве всегда были группы, вполне способные на такое). В этой музыке была искренняя агрессия, но без подлинного злонравия. Это, кстати, хорошо чувствовали женщины — рык, брань и азарт «Ленинграда» их скорее забавляли (не смущал даже мизогинический выпад «Побрей пизду»). Это было одним из достоинств «Ленинграда» — он не затягивал в так называемые «бездны», не шел наперекор, не играл в постороннего. «Ленинград» был прост, как мычание, зато обходился без поверхностных трюков по глубинным поводам. Каждое утро я вставлял в плеер кассету с аляповатой надписью «Дачники» (точнее говоря, она оставалась там с вечера) и шел на работу. Мне сейчас сложно судить о качестве той работы, но все-таки я на нее ежедневно являлся. Если начать утро, например, с Северного с его плывущим расхолаживающим звуком, то день скорее всего окажется потерян для общества. «Ленинград» же не был деструктивен, он не создавал неразрешимых противоречий с реальностью. Невинное, в сущности, развлечение, поданное в форме абсолютного, нечеловеческого экстаза, — вот, чем он являлся на самом-то деле. Ничего подобного здесь раньше не было. Пресловутый русский рок принадлежал к тому сорту музыки, которая почему-то всегда норовит явиться на помощь в трудную минуту. Но вот чтобы прийти на помощь в легкую минуту — этой идеи здесь доселе не возникало. Собственно, весь смысл русского рока был еще в начале девяностых невзначай, но с потрохами сдан Федором Чистяковым. Чистяков прекрасно проговорился в программной песне «Этот руский рок-н-ролл»: «Будем КАК БЫ веселиться». Вот именно. Веселье имело право на существование только в форме истерики. Чистякову туманно вторил «АукцЫон»: «Может, ты заметил — у меня веселье?» На этом маниакально-депрессивном фоне «Ленинград» явил окончательную беспричинную раскавыченную радость. Шнур на пластинках орал, стонал, ахал, визжал, порой даже включал дурачка, который ищет глупее себя, однако он никогда не истерил. Разумеется, будучи русским пьющим человеком с растроенной гитарой в руках, он тоже иногда вскрывал разнообразную подноготную. Но он придумал, что это подноготная должна быть смешной.

«Дачники» появились аккуратно к зиме. Темнело рано, дни становились короткими, как песни Шнурова. И каждый вечер начиналось одно и то же: «Поедем на дачу! Поедем на дачу!» Идиотская сезонная блажь замурзанного горожанина в шнуровском исполнении звучала как мольба о Земле обетованной

и одновременно как диковатый намек на то, что вся Россия — наша дача. «Дачники» были отчаянно зимней музыкой. Все на этой пластинке напоминало о минусовой температуре: хоккейная команда, помянутая во второй же песне; сумеречное откровение «у нас в отношениях серьезный мороз»; наконец, ментовская реплика «руки из карманов!». Почему руки в карманах? Потому что перчаток нет, скорее всего. Даже украденная у Skatalites ямайская обработка бондовской темы звучала словно бы с паром изо рта.

Если «Мат без электричества» начинался расфокусированным каверзным писком духовых, то «Дачники» запрягали грубо, густо и грозно — по принципу «к греху поближе». Голос Шнура стал плотнее и решительнее, он пел не то чтобы со знанием дела, но уж с сознанием своей правоты как минимум. В выражениях он не стеснялся, более того, часто именно «выражения» выходили на первый план в обход собственно текстов песен. Например, посреди откровенно слабой песни «Блюз» Шнуров вдруг заявлял: «Вот так вот без выебонов мы делаем охуенную музыку!» Этот прием действовал безотказно. Шнуров повторит его бессчетное количество раз: все эти «Попизди мне еще под окнами, гитарист хуев!», «Не забудь полить помидоры!», «Хуярь по струнам, пока пальцы не отсохли!» и прочие восклицательные ремарки составляют золотой фонд «ленинградской» звукописи.

Гитарные партии на альбоме исполнил Пузо, более того — он их сам и сочинил. В паре вещей — «Терминатор» и «Агент 007» — стучал Ринго из «С.П.О.Р.Т.» и «Волков-трио», почему-то не указанный в кредитах пластинки.

Оформление пластинки было традиционно уебищным. Красно-белая мазня «Мата» сменилась на желто-черную. На вкладке к «Дачникам» музыканты сфотографировались снизу кружком, обнявшись — похожая фотография была на одной из пластинок Kinks (впрочем, о столь изощренном плагиате участники «Ленинграда» явно не подозревали). А вот чего не было уже ни на одной из пластинок Kinks, так это разворота, где все музыканты стояли со спущенными трусами. На «Дачниках» такой как раз был.

Если «Мат без электричества» был просто любимой кассетой-игрушкой, которую теоретически можно было выкинуть в окошко и начать жизнь с чистого, хотя и изрядно мятого листа, да и вообще Шнурова можно было счесть студийной мистификацией, успокоить себя окрыляющей сентенцией «чумазый играть не может», то теперь от «Ленинграда» нельзя было отмахнуться — с каждым концертом ансамбль въедался в городской пейзаж, как чернила в кожу. Я ходил чуть не на все представления

«Ленинграда», и я был не один такой. В этих оголтелых зацикленных визитах чувствовалась своего рода новая культура. Что-то вроде благоприобретенной привычки разговаривать с барменом. В любом случае в этом было что-то не вполне здешнее.

Зачем вообще собираются рок-группы? Очевидно, затем, чтобы однажды вечером произвести впечатление лучшей группы на Земле. Не великой, не успешной, не гениальной и даже не той, что когда-нибудь войдет в энциклопедию, а именно что лучшей на Земле.

У «Ленинграда» такие безоговорочные моменты были. Если честно, их было даже не сосчитать. Концерты «Ленинграда» отличались такой зашкаливающей атавистической живостью, о которой в то время уже и думать забыли. Шнур чудил и одновременно творил чудеса. Концерты тогда, как правило, начинались с песни «Группа крови на рукаве», так что Шнуров на правах басиста в первые же секунды задавал ритм всего концерта. Тогда он еще мог не прятаться в гримерках (да и не везде они, к слову, были), служебными входами не пользовался, стоял, я помню, в общей очереди в клуб «Бега» на собственный концерт. Правда, в какой-то момент ходить на «Ленинград» в «Китайский летчик», «Проект ОГИ» и уж тем более в клуб «Бега» стало бессмысленно, поскольку они уже были не в состоянии вместить и трети желающих. Поэтому все внимание было сконцентрировано на трех очагах напряженности — «Tabula Rasa», первая «Точка» (в то время она еще находилась в ангаре на улице 1905 года) и ДК МАИ. Это были большие, неудобно (за исключением «Точки») расположенные, неуютные залы.

Человек, угодивший на любое мероприятие с участием «Ленинграда», увидел бы в зале подвижное, гомонящее, скользкое от пота и пива, непристойно и тупо счастливое стадо людей, а на сцене — какой-то свихнувшийся комбайн по перегонке сексуальных и алкоголических переживаний в единственно верную музыку. Фестивальные истории и большие сценические площадки им никогда не шли, «Ленинград» был плохо представим без тесноты и давки — как на сцене, так и в зале. Только в этой атмосфере плотского прессинга и термической обработки человек получал от «Ленинграда» настоящее наслаждение. Память о тех концертах — удел не слуха, но осязания: жар, теснота, скрежет пластмассовых стаканчиков под ногой, теплое, как слеза, пиво, горячая, как кровь, водка. Дошло до того, что я стал таскать с собой на концерты пишущий плеер. Это имело прямой смысл — почти на каждом представлении игралась какая-нибудь новая вещь, по традиции раз в начале, раз в конце. Запись почему-то всегда выходила удивительно чистой.

Любой концерт того сезона мог быть описан строкой Леонида Губанова «…пахнет музыкой и матом». Концерты устраивались по малейшему поводу: фестивали, дни рождения, какие-то спонтанные сходки. Термин «корпоративка» тогда только утрясался, однако реалия сама по себе уже существовала. Например, «Ленинград» усиленно поигрывал на шабашах чичваркинской «Евросети». Впрочем, было бы странно, если бы контора, вышедшая на российский рынок с лозунгом «Евросеть — цены просто охуеть», вздумала развлекать своих работников иной музыкой. Вообще, бизнес-стратегия «Евросети» чем-то напоминала шнуровскую: минимум затрат (пресловутая реклама про «охуеть» обошлась компании тысяч в десять) при максимуме огласки.

«Ленинград» обладал странным свойством: он вообще не надоедал, как не надоедает, скажем, выпивать. В этом смысле он был не вполне музыкой, скорее отдельной жизненной практикой. «Ленинград» принадлежал не вечности, но круглосуточности. Символ вечности, попроси Шнурова нарисовать его, выглядел бы, наверное, как светящаяся зимней ночью вывеска продуктового ларька «24 часа». Как споет Шнуров спустя много лет на альбоме «Аврора» — «Никогда не поздно, а всегда пора».

Когда играл «Ленинград», внутри можно было застукать кого угодно — от отставных наркобаронов до сентиментальных обозревательниц московской моды. На одном из выступлений толпа невзначай прижала меня к писателю Сорокину. Знакомы мы не были. Шнур в эту минуту горланил с подмостков новую песню «Резиновый мужик», в которой были слова: «…и не сводит по утрам силиконовые яйца». Заслышав такое, Сорокин задумчиво пробормотал: «А ведь и правда, они по утрам кажутся силиконовыми… Да-да, именно так… А вы не находите?» — неожиданно обратился он ко мне. Я не нашелся что ответить и под шумок следующей песни (кажется, это был «Новый год») растворился в теплой толпе беснующихся.

Концерты группы «Ленинград» были переполнены тем, что Фрэнсис Скотт Фитцджеральд называл «могучим непотребством». Оно жило и переливалось во всем: в том, как Шнуров смотрел исподлобья, как выстраивались в свою традиционно косую линейку трубачи, как сверкал глазами тромбонист Квасо в майке, на которой гигантскими белыми буквами было выложено «ХУЙ НА ВСЕ», как мотал головой Севыч, будто пытаясь стряхнуть с себя морок звучащего, а на самом деле — еще глубже в него ввинчиваясь. Как говорил Куравлев в фильме «Дамы приглашают кавалеров», а вы заметили, что оркестр пьяный?

В течение концерта Шнуров был очень разным внешне. У него

была какая-то удивительная плавающая фактура: в рамках одной-единственной песни он умел как минимум трижды преобразиться. В куплете он мог казаться шкодливым шкетом, которому не каждый день хватает на пиво, в припеве — циничным рассудочным ухарем из тех, что «могут себе позволить», а в коде — законченной рок-звездой. Лицевые мускулы служили ему дополнительным музыкальным инструментом. Впрочем, на пике игры исчезали и шкет, и ухарь, и рок-звезда, а подвижное лицо Шнура стягивалось в безмятежную маску непритворного угара. Губы застывали в форме продолговатого «О», похожего на нули нового миллениума. Он частенько заявлялся на сцену с выбитыми зубами или с лицом, хранящем следы свежих рукоприкладств, однажды играл на басу двумя пальцами из-под гипса. (На какой-то сноубордической вечеринке в «Б2» он вышел с синяком и без переднего зуба, и припев в «Диком мужчине» тогда звучал так: «Яйца, фингал, перегар и щербина». Уходя, гаркнул: «Встретимся на катке». Шнуров почему-то недолюбливал сноубордистов.) Вообще, тому, чем занимался «Ленинград», идеально, стопроцентно соответствовал башлачевский куплет «Шуты, фигляры и пророки сегодня носят „фендера“, чтобы воспеть в тяжелом роке интриги скотного двора». И «фендер» (у меня дома до сих пор валяется обломок шнуровского «стратокастера»), и тяжелый рок уже были налицо. Тогда же, кстати, выяснилось, что Шнуров — очень недурной концертный гитарист. (Шнуров научился играть на гитаре в шестом классе — первой разученной песней стала кинчевская «Время менять имена». До того он изучал скрипку.) В 2000 году он как раз сочинил пару резких гитарных вещей в духе своих любимых AC/DC — «Резинового мужика» и «Новый год». В процессе их исполнения он забирался на плечи к Пузо и выдавал очень лихие соло.

Он вечно забегал вперед, исполняя песни не то что неотрепетированные, а даже толком не сочиненные. В расточительности концертного драйва он не знал равных. Подобно тому как пьяный обычно платит в такси дважды — садясь и вылазя, — Шнуров не жалел эмоций и выражений, к тому же эти выражения сразу становились нарицательными. Вообще, на каждом концерте возникало ощущение, что у тебя на глазах только что расколотили вдребезги об пол огромную, не один год собиравшуюся копилку. Но на следующем же концерте возникала новая копилка, чтобы снова стать фейерверком черепков и звонких монет.

Шнуров ловко набивал себе несомненно пацанскую, но не всегда соответствующую истине цену, почти как Высоцкий со

своей великоотечественной и тюремной антропологией. Все эти его фразочки: «…твою жопу при людях хватаю своей волосатой рукой», «Утром я захожу в гараж и на свой мотоцикл гляжу», «А я с баяном, а вот он я» — были не более чем остроумными автонаветами — руки у Шнурова нисколько не волосатые, внутривенных наркотиков он сторонился, а мотоцикл не водил отродясь. «Ленинград» можно было поймать на слове, но заниматься этим совершенно не хотелось. К тому же на каком-то московском сольнике, представляя песню «Мой мотоцикл», Шнур честно признался, что образ мотоцикла служит для него метафорой собственного хуя. А рекламируя раз грядущие концерты The Tiger Lillies (чьих гастролей тут он, конечно, не ожидал), С.В.Ш. во всеуслышание посовестился: «Ну, мы там спиздили у них пару песен». (Кстати о мотоцикле: был у него одно время «навороченный» трехколесный велосипед. Просуществовал недолго. Однажды с похмелья Шнуров подарил его какому-то человеку — просто чтобы какой-то человек отстал.) В общем, он понимал все правильно — рок-н-ролл был для него искусством вранья по мелочам, однако по принципиальным вопросам он не лукавил. Его взгляд на окружающую рок-музыку чем-то напоминал отношение Ван Гога к профессиональным живописцам, которые, будучи виртуозами частного порядка, убирали из картин самое главное.

Шнуров уже тогда умел неплохо пасти народы. У него была хорошая боксерская реакция в обращении с залом (а также с собственным ансамблем): кому дерзил, кому потворствовал. Мог сунуть кому-то без заминки в рожу, мог, напротив, вытащить кого-нибудь на сцену и на пару минут премировать микрофоном, мог поинтересоваться: «Ну че ты мне фак показываешь, я тоже так умею». Умел пожаловаться звукорежиссеру: «Я, конечно, понимаю, что мы из провинции, но вообще-то… монитор под перкуссию включите». Шнуров контролировал ситуацию, растворяясь в ней, — такой у него был стиль управления. Все было очень четко и по делу. Он никогда не переигрывал в плане конферанса. Кем-кем, а тамадой он точно не был.

(Год спустя Шнуров получит за свою концертную отвагу награду от «Нашего Радио» с идиотским названием Poboroll. Премия была моментально переименована в Proeball, поскольку она потерялась практически на месте вручения. Вручал ее Троицкий.)

В тот период были сочинены и обкатаны все принципиальные песни-отмашки с грядущего альбома «Пираты XXI века»: истошная серенада «Без тебя пиздец», исповедальная считалка «Пидарасы», развратный регги «Бляди» и, наконец, коронный финт для первой

леди «WWW». Последний поначалу состоял из двух куплетов и исполнялся в очень среднем по сравнению с альбомной версией темпе. В самом начале Шнур походя командовал: «Ну, давай, заводи нашу, Андромедыч!» — и Андромедыч принимался пыхтеть помятой тубой, неспешно разворачивая ожидаемую феерию. Зал выл.

Постепенно выяснилось, что хваткое обаяние Шнурова вкупе с неосознанными замашками Ленни Брюса вполне позволяет ему обходиться вообще без музыки. Например, однажды в «Табуле Расе» он физически не сумел пропеть ни одного куплета, потому что несколько часов назад напрочь сорвал голос на каком-то фестивале. Вместо него драл глотку Пузо и голосила Колибаба, а Шнур валялся на сцене, участвовал в подтанцовках ну и всячески, по собственной любимой присказке, «торговал еблом». Даже и от такой версии «Ленинграда» все пребывали в восторге. В подобной стратегии был определенный рассчет. С одной стороны, Шнуров являл чудеса демократии, охотно предоставляя вверенный ему микрофон то собственным музыкантам, то чужим людям из зала; подобными радушными выходками он как бы иллюстрировал популярный в середине девяностых лотреамоновский слоган «Поэзия — дело всех». С другой стороны, самим фактом своего отсутствия на сцене он отчетливо давал понять, кто тут главный и чье, вообще говоря, дело поэзия. Без Шнурова группа разваливалась на глазах. Для того чтобы окончательно расписаться под словами «Государство — это я», Шнурову нужно было сделать единственный шаг — выступить в одиночку. Так он и поступил. На первом же сольнике выяснилось, что все эти песни-перлы с минимумом слов и максимумом апломба без видимого труда выживают под одну только электрическую гитару. Параллельно Шнуров запустил еще один проект под названием 3D или «Три дебила». Репертуар «Дебилов» был в целом послабее, чем у «Ленинграда», — лучшей вещью была «Делаем хип-хоп». Песенка «Подмосковные вечера» вошла в саундтрек к фильму «Гололед», а композиция «В клубе модном» — в сериал «НЛС».

Кстати о «клубе модном». Практически одновременно с нашествием «Ленинграда» в Москве народилось чудесное заведение, где элементарные приличия требовали заливать двадцать четыре часа в сутки. Юдолью бытового, но с артистическим оттенком алкоголизма и досужей болтовни на повышенных тонах стал Чистопрудный «Проект ОГИ» — подходящее место для «не слишком привередливых данников случая и бутылки», как называл такой тип человечества Фолкнер. Сейчас трудно объяснить кому-то (и в первую очередь самому

себе), с какой стати мрачный богемный каземат со скверной едой (флагманом меню служила макабрическая «свинина по-тирольски»), вокзальными туалетами и почтенной книжной лавкой воспринимался чуть не как Studio 54. Это не было ни тусовкой, ни братством — на языке почему-то вертелось застарелое слово «жилтоварищество». Поскольку Шнуров и его гурьба тоже, в сущности, являлись не слишком привередливыми данниками случая и бутылки, то застать их после концерта было легче всего как раз в «ОГИ». (Ну, или уже на облюбованных квартирах. Саксофонист Ромеро придумал для решения квартирного вопроса специальное выражение — «забуриться и осесть».) Что ж, в конце концов, какое диско, такая, в общем-то, и Studio 54. По мощам и елей.

Осенью 2000-го под непосредственным влиянием «Ленинграда», а также бдений в пресловутом «ОГИ» в Сети возник диковатый ресурс. Он располагался по адресу www.opekun.narod.ru. Название было навеяно заслуженно забытой кинокомедией с Вициным и Збруевым 1972 года выпуска, на изучение которой нас натолкнул Гарик Осипов. «Опекун» по сути был гостевой книгой компанейского идиотства. Здесь фиксировалось то, на что провоцировало людей ежедневное прослушивание группы «Ленинград». В частности, тут было размещено стихотворение Андрея Карагодина «Мы живем, под хуями не чуя пизды», вывешивались подробные отчеты о текущих концертах понятно какого коллектива (типа: вчера в «Табуле Расе» Пузо в процессе концерта надел себе на голову барабан, ура!) и еще масса занимательного бреда, в частности сообщение о том, что секс-символом «Ленинграда» назначается Андромедыч, как обладатель самых больших яиц. Сам Шнуров ничего сюда, разумеется, не писал, однако же его программный текст «О! Е! Двадцать первый век!» висел на титульной странице вместе с парадной фотографией Александра Збруева. В какой-то момент концентрация похабщины превысила все санитарные нормы, и сайт был элементарно запрещен — учредитель злосчастного «Опекуна» А. А. Зимин получил по этому поводу официальное уведомление от администрации narod.ru. Саму группу «Ленинград» в то время запрещать пока не планировали.

Илья Бортнюк

Презентация «Дачников» была во Дворце молодежи. Я делал первый большой концерт «Ленинграда» и очень боялся, потому что сначала билеты вообще не продавались. Но в результате все раскупили, и успех был дикий. После этого концерта Шнур поднял плату за выступление. Вплоть до этого момента у них

гонорар был примерно полторы тысячи.

Положение в корне изменилось. Из клубной группы они стали звездами. Их стали печатать во всех журналах.

Сергей Шнуров

Я смотрю наши видеозаписи и вообще не понимаю, как можно столько играть так… Качалово страшное. Вообще, зверьки какие-то… нельзя к такому людей приучать. Пора и честь знать.

Митя Мельников

Тогда реальный джаз какой-то был. Уже в конце разлады начались, чисто человеческие какие-то, Шнур со своей кучкой друзей с одной стороны, все остальные немножко с другой стороны. Продолжали общаться, но группы уже не было. А когда группа была, репетировать особо никому и не надо было. Разучивать так, чтобы звучало как на диске, — кому это, на хуй, надо?

Илья Бортнюк

Поскольку на пластинке печатались тексты песен, то мне нужно было всю эту матерщину проверить на предмет банальной корректуры. И я звонил разным преподавателям русского языка, чтобы проконсультироваться у них насчет правописания особенно изощренных выражений.

Ира Седова

Я проиграла спор века. В конце двухтысячного года я поспорила со Шнуровым и Андромедычем. Тогда только-только вышел альбом «Дачники». Мне казалось, что все это настолько круто, что круче быть уже не может. И что дальше будет либо застой, либо какой-то откат назад. И что больше «Ленинград» вообще ничего не сделает. Спустя пару лет Сережа мне это с удовольствием припомнил. Никакого, сказал, у тебя, Седова, музыкального чутья нет. И сокрушался, что поспорили не на деньги.

Сергей Шнуров

«Дачники» хуже «Мата». Их можно было лучше записать, на мой взгляд. Но они все равно выстрелили.

Алина Крупнова

Настоящий живой концерт — большая редкость, а у Шнурова был целый блок подобных концертов. Я к тому времени совершенно расслабилась на тему того, что когда-нибудь увижу

тут настоящие концерты. Дело в том, что сразу после школы я оказалась в Америке, где незамедлительно попала на Ramones, на Dead Kennedys, на Beastie Boys и вообще повидала целую кучу всего. Мне казалось, что очень сложно повторить подобный эффект. Тем не менее он случился.

И когда мы приезжали с «Ленинградом» в ту же «Точку» или в какой-нибудь жуткий клуб на «Профсоюзной», было ощущение абсолютных бременских музыкантов. Мы вам привезли праздник — потом соберем его и увезем. Но эти два часа вы будете помнить еще долго. Административные тетки в клубах все время ворчали, что не все музыканты приехали или забыли какие-то инструменты, Шнура какого-то нет, а кто-то пьяный. Но было при этом видно, что сетуют они тоже для порядку, потому что даже этих теток прет со страшной силой, потому что сейчас всем будет хорошо. Я неоднократно видела административно-хозяйственных тетенек, которые ругались на «Вопли Видоплясова», на «АукцЫон» — они ругались абсолютно искренне, потому что не знали, будет ли после всей этой административной нахлобучки настоящий кайф в зале или нет. А с «Ленинградом» у них сомнений не было.

Денис Рубин

Шнуров ушел с «Модерна» за два месяца до закрытия радиостанции. Это был 2001 год. Козырев звал его на работу, но он уже не пошел. Когда «Наше Радио» пришло к власти на «Модерне», в течение суток нон-стоп звучал альбом «Дачники». С бипами, конечно. Для Козырева это был некий ход. И после этого сразу стало немодно ходить на «Ленинград». Слишком общее место. Мне кажется, что бренд Шнур стал продвигаться именно после этого — как противовес, как бы вот есть «Ленинград», на который уже ходит всякая гопота и который поневоле нравится всем вокруг, и есть Шнуров, который снимает фильмы про войну, пишет колонку в Rolling Stone ну и так далее.

Михаил Рябчиков

В «ОГИ» было несколько очень странных спонтанных концертов «Ленинграда». По его вине, в частности, случился единственный в «ОГИ» концерт под фанеру — видимо, для Сереги это тоже был прецедент. Он пришел в клуб, а был совсем тихий вечер, народу мало. Заявляет: «А мы только что со студии, шикарный альбом записали. Давай поставим!» Это были «Дачники». Потом подумал немного и говорит: «А давай-ка лучше мы под него сыграем». В итоге ставим диск, включаем один микрофон. Была еще гитара, но ее даже не подключали.

Андрей Денисов

Рябчиков-то сначала не очень обрадовался. Но я ему говорю: «Миха, ты чего, это ж круто — первое фанерное выступление в „ОГИ“! Историческое событие!»

Тут подходят ребята, видят мое такое поведение и начинают мне всяко улыбаться, жать руку и дальше давить на Рябу.

Короче, он говорит: «Ну ладно, фиг с вами».

Ребята пошли ставить дисочек, а я Рябчикова спрашиваю: а это, кстати, кто вообще?

Это, видимо, был гвоздь вечера, потому что Рябчикову и в голову не пришло, что мне может быть незнакома группа «Ленинград». А там, значит, был Шнур, какой-то очень большой человек и третий — поменьше, в очках, очень интеллигентного вида и с духовым инструментом на руках.

Короче, они пели с час какие-то песни под диск, бухали, ясное дело, а кончилось все адским исполнением песни (уже, кажется, без фанеры, а на подручных инструментах) «Ты искала меня ночами темными».

Через месяц у них был официальный концерт в «ОГИ», я в коридоре стоял с Борисовым и Кабановым. Они совершенно охуели, когда Шнур, не глядя на них, подошел ко мне и поздоровался за руку.

С тех пор мы не встречались.

Денис Рубин

После «Дачников» Серега понял, что он сделал бомбу, с которой можно работать на несколько ином уровне. До «Дачников» он зарабатывал нерегулярно, все это были клубные концерты. Теперь стало понятно, что это могут быть очень значительные деньги.

Шнур всегда себя изначально отделял от этой истории. Да, это хороший проект, ему это, естественно, нравилось, но он всегда себя отделял от него очень грамотно. А потом все, народная популярность, и он долгое время был круто заложником этой истории. Он сам понимал, что все, машина пошла и ничего уже не сделать. И потом — опять же, молодец — он стал вырываться из этой истории, делать какие-то неожиданные ходы. Стал говорить: все, я завязываю с музыкой, покупаю себе автозаправки и видеосалоны. Потом он грамотно осознал, что есть телевидение и кино, которыми тоже можно пользоваться.

Иван Дыховичный

Мы снимали с его участием сериал «Деньги», сделали 36 серий, очень все было неуспешно. Я по сюжету играл роль

шнуровского отца. Но Сергей меня здорово поддержал в этой истории. Ничего он специально для фильма не написал, зато идеально вошла вещь «Мани на кармане».

Борис Хлебников

Шнуров — это просто мой культурный герой. Когда мы с Попогребским затевали «Коктебель», я абсолютно заболел «Ленинградом», и мне дико хотелось его каким угодно образом впихнуть в проект. И мы придумали такую историю: он нам сделает песню под такого пьяного Высоцкого, чтобы кто-то ее исполнил на набережной в кафе, а потом она же прозвучит уже в исполнении Шнурова на финальных титрах. Он прислал нам песню через две недели. Но на финал это не легло. А в фильме ее поет реальный певец из Коктебеля. У меня всегда было это тупое желание — просто поработать со Шнуровым. И второй раз подряд у меня это не получается, потому что он не вставляется в мои истории. Его эмоциональный градус намного сильнее моего, и он, при всей прекрасности того, что он предлагает, начинает разрушать то, что мной придумано.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

В 2000 году после выхода «Дачников» я закончил работу на пивзаводе «Балтика» и с тех пор живу только музыкой. Больше никогда нигде не работал.

Алексей «Микшер» Калинин

Я уехал месяцев на восемь-девять в Колумбию. К моему возвращению состав опять поменялся, и записывалась пластинка «Дачники». Мне туда было не воткнуться, потому что, во-первых, уже был барабанщик Митя, вдобавок материала я не знал, ну и вообще как-то сбоку припека оказался. При этом меня никто не выгонял. И я стал пробовать новый инструмент. Взял цимбалы у Паши Литвинова, приехал на концерт в клуб «Мама» и отлично его сыграл. Ну и я понял, что теперь мне надо заниматься перкуссией, потому что Митю было двигать просто-напросто некуда, к тому же он нормально ровненько стучал, не создавал в группе никаких проблем, у него был хороший легкий грув. Я стал опять ездить с ними в Москву, и тогда это уже было все достаточно серьезно. Никто не думал, что Серега развернет это так.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Проект «Три дебила» появился так. Я работал на «Балтике» водителем-погрузчиком и как-то неудачно во что-то въехал, что-

то там снес, и мне грозил перевод и понижение. Не увольнение, но все же. А там вообще обстановка очень нервозная. И после двух лет работы я просто снял перчатки и ушел. Пришел к Сереге, говорю: вот такая хуйня приключилась. Он говорит: «Сейчас чего-нибудь придумаем». А тогда были песни, которые не вошли никуда, еще периода «Пули». На пластинке «Made ин жопа» они как раз присутствуют. Ну, мы сели и часа за четыре придумали всю эту историю. Пришли на студию, начали записывать. Сначала Серега хотел сделать что-то в духе Аркадия Северного с контрабасом, но когда попробовали тубу, аккордеон, барабаны, гитару — золотой состав «Трех дебилов», — поняли, это ровно то, что надо. Кстати, вообще, по-моему, нигде в мире не использовался такой состав. Один из первых концертов произошел в «Молоке», там драйв был такой, что штаны, блядь, заворачиваются. С «Тремя дебилами» мы бомбили как раз по Москве в летний сезон, который вроде как непроходной. Для меня это было, кроме всего прочего, изрядное пополнение семейного бюджета, потому что половину выручки я забирал — на себя и на бабу свою. Квасо с Сашко очень на меня за это косились.

Митя Мельников

Проект «Три дебила» преследовал две цели: отсечь невменяемых чуваков, которые на трубах играли, ну и чтоб остальным больше досталось. Я тоже поучаствовал, но концертов было не так уж и много. Самые охуительные деньги — 200 долларов — я заработал на вечеринке у чувака из «Белого орла». Алина Крупнова решила сосватать им «Три дебила». Потом все заглохло — неинтересно стало, да и драйва такого уже не было.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Все должно было быть очень просто. Первое время Серега постоянно бил меня по рукам, потому что аккордеон все-таки предполагает какие-то сольные партии, мельтешения, импровизации. Он требовал: не надо этого!

Сергей Шнуров

В двадцатом веке эксперименты со звуком закончились. Все равно Штокхаузена или Айвза уже никто не перепишет. Сейчас нужно делать то, что висит дома. Если дома ты можешь послушать это в определенном настроении, под что-то, тогда да. А если ты экспериментируешь, просто потому что ты такой великий, тогда на хуй. На хуй в двадцатый век.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

В конце концов Шнур предложил мне поиграть в «Трех дебилах». Говорит: Светка, бери баян, приезжай, все, репа. Митька, Андромедыч, Шнур и я. Репетиции такие — поиграли минут двадцать, Шнур говорит: а ну все, нормально. Как он все в принципе и делает.

Первый концерт был в «Манхэттене» в Питере. Я играла на аккордеоне и пела «Терминатора». Ну, я была звездой, расписывалась у всех в паспорте. Андромедыч дико ревновал к поклонникам, чуть не до драки. Серега сказал мне потом, что он этот проект сделал специально под нас с Андромедычем, чтоб мы могли заработать как-то. На эти деньги мы записали мой первый альбом. Он мог бы нанять хорошего аккордеониста, я та еще исполнительница, в общем-то.

Сергей Шнуров

Я тогда слушал пластинку The Ventures «Made In Japan». Поэтому назвал свой альбом «Made ин жопа». Там, кстати, если прислушаться, до хуя серфа. Впрочем, искать различие в серф-музыке — это все равно что дегустировать водку. Нереальная фигня. Как бы водка, она хороша во всех разливах. Какую-то пить приятно, какую-то не очень, но стремимся мы в конечном итоге к одному — слушать серф! Без конца слушать серф.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Однажды умудрились прилететь «Тремя дебилами» в Калининград без Шнура. Помню, вышли на сцену, сказали: ну извините, Сережа вот не прилетел. Что-то начали сочинять там про ментов на ходу. Причем мы на обратном пути вообще чуть не разбились — летели с Митей и с Андромедычем, и шасси не опускалось. И град жуткий, ох, я все молитвы вспомнила.

Сергей Шнуров

Я в то время купил себе Danelectro незадорого. Хорошо помню, как я его разбил: был концерт на закрытии Варшавского вокзала. Осень, холодно, вся хуйня. Наш басист Макс Колотушка наебенился до такой степени, что даже в тональность не мог попадать. Я кинул гитару об асфальт, забрал у Макса бас и стал сам играть. А Максу сказал: уйди на хуй, чтоб я тебя не видел.

Артемий Троицкий

Живьем я «Ленинград» увидел впервые во время какой-то акции на полуразрушенном Варшавском вокзале, очень был милый концерт. Меня это все позабавило.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Когда приезжали в Москву, то сразу с поезда отправлялись к Паше Павлику и немедленно садились пить. Часов в одиннадцать обычно начинали.

Паша Павлик

Пузо иногда сдавал свой барабан на хранение в универсам напротив моего дома.

Митя Мельников

Начиная с лета 2000-го новые песни мы не репетировали вообще. Все песни разучивались на саундчеке. И после «Ленинграда» я как-то очень напрягся — хотелось, в принципе, и дальше на барабанах играть. И тут-то я и понял, в чем смысл «Ленинграда». Потому что все остальные группы делают совершенно по-другому — несколько раз в неделю собираются, по шесть часов играют ну и все такое. Заниматься этим совершенно не хотелось.

Евгения Федоровская

Самый первый раз я услышала и увидела группу «Ленинград» в клубе «Край». Дело было где-то осенью 2000 года. Это было прекрасно, ключевой песней, неоднократно спетой, была, конечно, песня про день рождения.

Прошло еще несколько месяцев, «Ленинград» твердо занял место любимой группы, постоянно звучащей.

Потом наступила зима, и как-то раз Лиза Ефимова и Катя Манукова с горящими глазами сообщили, что «наконец-то» познакомились с кем-то из чудесного питерского коллектива. И что мне тоже надо срочно записываться в «группиз». Ну, идея мне очень понравилась. Вскоре был концерт в «Китайском летчике», народу была толпа, люди, что называется, висели на люстрах (вряд ли там есть люстры… значит, на потолочных балках), и на сцене тоже было тесновато. Так было весело. После концерта наметилось нечто вроде after-party. Поехали ко мне, влезли чуть ли не ввосьмером в мою старую белую восьмерку, да еще и припечатали это контрабасом, так что машина железным брюхом скреблась по заледеневшему асфальту. Но доехали. Я как раз начала жить одна в тот момент, на Бауманской, рядом с Елоховкой.

Выяснилось, что прекрасные персонажи из прекрасной группы живут обычно у своих друзей, когда приезжают на концерты в Москву, — как и все нормальные люди. У меня было

мало места, но человека четыре остались: Севыч, Ромеро, барабанщик в очках и директор Денис. Ну и потом еще несколько раз, у них как раз были довольно часто концерты в Москве, раза два в месяц, наверно, — тоже оставались. В разном составе, который регулярно дополнялся уже московскими друзьями и «группиз». Было прекрасное время. Смутно помню детали, все же проходило в плотном алкогольном чаду.

Было всякое. Было очень весело. Ну и не без романтики, конечно. Помню, как мы с Севычем подолгу сидели на кухне, до утра обсуждая свои душевные терзания. Севыч прекрасный парень, тончайшей души человек, и такой легкий при этом, остроумный. Еще помню, что целовалась с кем-то из музыкантов на морозе.

Алексей Зимин

Я не очень помню, в какой момент мы близко сошлись со Шнуровым. Знакомились мы несколько раз, но продолжения не возникало. Помню только, как мы уже сидим в «ОГИ». Я допрашиваю Шнурова на предмет его жизненных ценностей, в частности, интересуюсь, любит ли он Егора Летова.

Шнуров отпивает из кружки с пивом: «Он же не баба, чтобы его любить».

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Играли концерт в ДК МАИ. Как-то в перерывах между стопками Веич, который у нас главный скалолаз, предложил мне в самом начале концерта спуститься с потолка по канату. Точнее, сперва он предложил Севычу. Севыч сначала загорелся, потом посмотрел на высоту, сказал, ну его на хуй. Пришлось мне. Самое страшное — отпустить эту балку и повиснуть. Дальше уже все равно.

Митя Мельников

В Риге на концерте Ромеро играет, и тут у него потихоньку начинают сползать штаны, чего он не замечает. Они сползают до пола, он стоит в одних трусах, играет на саксофоне, потом решает сменить позу, в результате запутывается в штанах и падает прямо на мои барабаны.

Александр «Пузо» Попов

С дудками всегда были большие проблемы — у нас все, в общем-то, пьют в коллективе, и довольно много, но почему-то так получалось, что проблемы возникали только с ними. Я когда-то вел счет, но потом сбился, сколько раз я выкупал Ромеро из

ментовки. Идешь ты, скажем, по перрону, а перрон длинный на Московском вокзале, ментов там много, и он умудрялся мимо первых как-то пройти, вторых тоже миновать, а вот при виде третьих он уже начинал ссать в щель между вагоном и платформой или ронял туда какую-нибудь бабу, привезенную с собой. У него за такие дела, естественно, отнимали паспорт, и мне приходилось бежать и этот паспорт за энную сумму вынимать.

Всеволод «Севыч» Антонов

Народная популярность «Ленинграда» случилась, конечно, не без московского пиара, не без той же «Афиши». Вообще, без одобрения московской тусовки ничего бы не вышло. Просто питерский слой — ну что? Все варилось в себе, популярность была, но она напоминала замкнутый круг. Взять тот же альбом «Пуля» — ну да, его слушали в Питере вообще все. Просто все. Это был локальный культ. А что такое «Пуля»? Это был плохо записанный альбом. Меня пробил не альбом, а ситуация как таковая — все в городе слушают один альбом, и всем он нравится. Потом вышел «Мат без электричества», который уже расставил все по своим местам. И одновременно с ним появилась мощнейшая московская поддержка, когда все стали про это писать, когда мы все в результате подружились. Без этой поддержки не было бы такого эффекта. Когда мы стали играть в Москве, «Ленинград» автоматически стал российской историей. Я же помню ситуацию в Питере — не такие уж и забитые там были залы. Не сравнить с массовой московской истерией. Все эти очереди, они как раз и начались в 2000 году. Это прежде всего концертная история. Сперва пошло поветрие, что на это надо смотреть, а потом уже все стали слушать альбомы. У Сереги был прекрасно выраженный лирический герой, который пришелся всем по душе. При этом никакой конъюнктуры, это были как будто мысли вслух. Просто время еще было такое — годом бы раньше или годом позже, и история была бы невозможна. А вообще это был реальный праздник, после которого все выходили абсолютно счастливые и беззаботные, выходили и шли дальше пьянствовать, и даже матом не было сил ругаться, потому что все истории они оставили на концерте.

Глеб Владиславлев

Фестиваль «Крылья». После концерта пошли раскуриться. Тушино, жарища, летное поле, вообще ничего вокруг. Видим какие-то бетонные блоки, идем туда. Там стоит человек пятьдесят омоновцев. Ну, делать нечего, слово за слово, хуем по столу, и

вдруг они нам предлагают: может, покурим? Мы говорим: у нас свое есть. Ну и начинается полная вакханалия. Подходит какой-то мент, ему говорят: стой. Он останавливается. Ему говорят: пошел на хуй. Он разворачивается и уходит. Потом все легли спать. Потом поехали на вокзал. Серега толком не проспался, сидит пьяный, накуренный. А у него свитер такой зеленый, военный, с нашивками. А он пока с омоновцами курил, они ему сказали: Серега, ты такой классный, давай мы тебе звездочек дадим! Они ему наковыряли с погон звездочек, и он их нацепил на плечи. Едем мимо «Беговой», он просыпается на переднем сиденье, и начинается настоящая истерика в стиле Ромеро: бля, я хочу чебуреков! Хочу чебуреков, и все, пиздец. И пока я успеваю что-либо сообразить, он открывает окно и начинает дико всем прохожим орать: «Я генерал ОМОНа, меня похитили, везут в Чечню, купите мне чебуреков, иначе я, блядь, пол-Москвы на уши поставлю!»

Митя Мельников

Поехали в American Bar&Grill на байкерскую вечеринку. Там на подиуме стоял красивый дорогущий мотоцикл, Рома с Васей немедленно полезли на него фотографироваться, разумеется, тут же его уронили. Потом мы отыграли полчаса и свернули какой-то мегадорогой комбик — кто-то на него завалился и вместе с ним упал. Веич потом отбивался от устроителей, которые выставили счет на тысячу, что ли, долларов или даже несколько.

Вера Рейнхат

Ночевали однажды у кого-то в Москве Сева, Ромеро и Сашко. Сначала, естественно, освежались, потом Ромеро захотелось любви, и он позвонил своей московской подружке. Сашко тоже захотелось любви, но подружки у него не было. А Севычу захотелось спать, куда он и отправился. Через некоторое время Сева встал (по нужде). Проходя мимо кухни, где продолжали освежаться Сашко и Ромеро, он услышал их план, как поделить девушку. План был таков: когда она приедет, Сашко спрячется, а потом в разгар любовного акта этой девушки и Ромеро Сашко к ним присоединится. Несмотря на то, что оба уже с трудом изъяснялись, план все же вызвал некоторые нарекания — девушка могла не согласиться на такую экзотику. Чтобы она не взбрыкнула, Ромеро заготовил такую фразу: «Таня, не пугайся, это мой друг Сашко!» Девушка, кстати, так и не приехала.

Глеб Владиславлев

Был концерт в «Цепеллине». Непосредственно перед

выступлением Шнур в поезде устроил на ровном месте пиздиловку с Митей Мельниковым в духе «Бойцовского клуба». Давай я тебе въебу, а давай ты мне въебешь — ну и понеслось. Приехали в Москву все избитые как черти.

Илья Ценципер

Нам хотелось поставить Шнура на обложку «Афиши», но не было никакого повода. Тогда мы придумали, что у нас будет такая вещь, как человек года. Я помню, что он пришел на эту съемку после какого-то ужасного вечера, с фингалом под глазом. Обложка хорошо продавалась, хотя Шнура в лицо, по-моему, мало кто тогда еще знал.

Дмитрий Ткачев

Зимой двухтысячного, когда вышли «Дачники» и всем уже стало понятно, что «Ленинград» — это не one hit wonder, но пили в большинстве приличных домов еще под «Мат без электричества», вот как раз тогда журнал «МК-Бульвар» делал тематический номер про ненормативную лексику. Там было интервью Сорокина и чуть ли не Сикстинская мадонна с младенцем, который показывал читателям средний палец. Что там было еще — не помню, но за день до сдачи номера в «МК-Бульваре» вспомнили про «Ленинград». А «Ленинград» как раз играл в ДК МАИ, и туда срочно отправили корреспондента Ковлейского и фотографа Авраменко, с которыми мы сидели над «Белым аистом» в редакционном баре. Еще с нами выпивал адвокат Крылов, поэтому, наверное, мы и поехали вчетвером. Дальше воспоминания будут фрагментарны. Кто-то бегал за кулисы договариваться — скорее всего, Авраменко как самый трезвый. Остальные долго ждали результатов в буфете, причем адвокат отлучился в туалет и вернулся очень довольный, потому что встретил там кого-то из группы, подошел к нему и сказал, что всех музыкантов надо убивать. На месте Шнурова я бы тоже не стал приглашать такую прессу за кулисы. Он вышел к нам на лестницу, где курила вполне индифферентная публика; никто его, по-моему, не узнавал и автограф не выпрашивал. Собственно интервью заняло минут 15; адвокат от себя успел задать целых три членораздельных вопроса (почему всех музыкантов надо убивать? есть ли у вас совесть? занимаетесь ли вы онанизмом?). О чем Ковлейский говорил со Шнуром — разрази меня гром, не помню. Зато помню его расклешенные джинсы и свитер: вещи неприлично новые, ни разу не стиранные и купленные как будто накануне. И то, и другое — Levis, очень модные по тем временам. Сергей Владимирович безропотно вытерпел эти 15 минут и даже,

кажется, весьма находчиво парировал ту чушь, которую мы городили, — его стоицизм меня восхищает. Мне перед ним неловко до сих пор. Я-то в журнале «МК-Бульвар» на тот момент даже не работал, увязался за собутыльниками от нечего делать, но свой вопрос тоже задал. На вкладыше кассеты «Дачников», если помните, музыканты стоят кружком, спустив штаны. Так вот, мне стало вдруг интересно, кто есть кто на этой фотографии. Это и был единственный вопрос, на который Шнур тогда отказался отвечать.

Борис Симонов

Был концерт Гарика Осипова в «ОГИ». Народу немного, но золотые перья были в ассортименте. Гарик отпел, все стихло, сидим, пьем. И вдруг началась какая-то кутерьма на сцене. Кто-то начинает грязно материться в микрофон. Я подумал, что это официанты тоже возбудились от пения Гарика и решили показать свою самодеятельность. Они принялись орать: «Вот такая хуйня, вот такая хуйня». Песен пять они таким образом довольно нагло отбарабанили. Истерия за столами была просто неописуемая. Я даже хотел сходить на кухню выяснить, почему это у вас обслуга так хамит людям. Но рядом сидели знакомые евреи, они мне объяснили, что это группа «Ленинград». С тех пор я ее ненавижу.

Алексей Казаков

В гримерке «Табулы Расы» идет антракт, ну и все как-то очень энергично накачиваются. И вдруг на меня с пьяным мутным взглядом оптинского старца идет Пузо и совершенно без всякой рациональной мотивации хватает за руку и со всей дури кусает меня за палец, так что слезы из глаз брызнули. Я все-таки успел ебнуть разок оптинского старца, но почти сразу об этом начал жалеть. Потому как явно Пузо в своем бескомпромиссном алкоголизме дошел уже до таких степеней просветления, что явно в этом укусе было что-то мистическое. Ноготь почернел, и месяца три я носил его такой страшной пузовской стигматой. Месяца через полтора она уже стала почти реликвией, и некоторые даже просили показать укушенный ноготь. Через три месяца он благополучно слез.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Пузо в те времена выработал шикарный номер — в конце представления клал барабан на сцену, туда выливали все, что было под рукой: пиво, воду, вино, даже водку… хотя нет, водку жалко было. И он садился на сцену и колотил в этот водяной барабан, как в клипах восьмидесятых годов.

Сергей Шнуров

Я пробовал играть концерты по трезвости, но могу сказать, что в этом не было ничего интересного. Когда ты трезвый, внимание у тебя скачет по мелочам. А когда пьяный, ты видишь картину в общем.

В рок-группе может быть лидер, может быть ведущий музыкант, а бывает тотемное существо (как, например, Без в Happy Mondays). В группе «Ленинград» таких тотемных существ было два: одного называли Пузо, другого Севыч. Оба они служили своего рода наружной рекламой «Ленинграда». У первого в группе было вполне боевое гитарное, вокальное и организационное прошлое, однако в историю музыки он все-таки войдет как человек с большим барабаном. В компетенцию второго изначально входили лишь маракасы, бубен и губная гармошка (на моей памяти она была задействована только однажды — на премьере песни «Бляди» в ДК МАИ). Вклад странной парочки в собственно музыку, в общем, приближался к нулю. При этом всем было совершенно очевидно, что без этих двоих искомой музыки, возможно, не было бы вовсе. Пузо, Александр Адольфович Попов, архитектор, велосипедист, адепт Галича и The Doors, гроза французской полиции (однажды в парижском аэропорту его приняли за неумеренно громкое прослушивание группы «НОМ» с ноутбука на плече); обладатель экстрапрозвища Центнер и практически неотражаемого удара левой, умел, согласно легенде, пить во сне — по команде Шнура «Пузо, полтос!» он, не просыпаясь, выпивал и опять затихал. Еще он умел петь и делал это, надо сказать, уникально. Вокал его представлял собой нечто среднее между классическим Романом Неумоевым и ранней Диамандой Галас. На концертах за ним были закреплены следующие композиции: «Жопа», «Кокаин — хорошо, ну а водка лучше» (коронный его номер), «Страдаю», «Зенит» и «На Витебском вокзале». Все эти вещи он пел отменно.

Всеволод Михайлович Антонов никаких песен не пел, за исключением финального куплета песни «Все это рейв»: «Ну а мы, ну а мы пидарасы, наркоманы, фашисты, шпана, как один социально опасны, и по каждому плачет тюрьма». С годами Севыч дошел в исполнении этой сентенции до абсолютного совершенства. Он вносил в нее то галичевские (опять-таки) нотки, то какую-то аховую цыганщину — я подозреваю, что сам Константин Кинчев исполнял это свое сочинение несколько реже, чем Севыч. Он вообще гениально интонировал. С его тембром и навыком петь «Сокольнички» ему просто необходимо записать

сольный альбом — такая попытка уже была, но не слишком удачная. Шнуров ее не одобрил. (Впрочем, я бы на месте Севыча просто собрал все концертные исполнения куплета про пидарасов-фашистов-шпану да и шлепнул бы их на компакт-диск.)

Севыч прыгал в зал, имел ремень с удивительной пряжкой в виде букв S,E,X, рассказывал со сцены анекдоты, подпевал, где нужно, и вообще служил бессменным обладателем приза зрительских симпатий. Слушать его речи — это мало с чем сравнимое удовольствие. Однажды мы сидели с Севычем, и он одновременно называл словом «мама» меня, стоящую на столе бутылку водки, проходящую мимо официантку, а также разговаривающую с ним по телефону девушку. При всем разгуле омонимии ясность произнесенного оставалась кристальной. Севыч меломан — едва ли не единственный в «Ленинграде». По крайней мере, только с ним я мог обсудить что-то типа дабстепа, неофолка и прочей ерунды, на которую мы с ним оба с удовольствием велись, а прочая группа скорее посмеивалась. Севыч в некотором смысле нерв «Ленинграда» — у него у самого нервы ни к черту, и любые вкусовые промахи коллектива он чувствует лучше всех. На сцене он был похож на Леннона — с годами, правда, это сходство все более утрачивалось и постепенно сошло на нет. К 2007 году Севыча принимали уже в лучшем случае за Шемякина.

И Севыч, и Пузо бесчинствовали на концертах за десятерых, но негодником № 1 был, разумеется, Ромеро. Это был настоящий Левиафан «Ленинграда». Несравненный хтонический символ коллектива и неплохой на самом деле саксофонист. Четыре года спустя Шнуров, видимо заскучав по былой хтони, попробовал сделать нечто подобное из Стаса Барецкого. Однако Барецкий все-таки делает шоу вполне сознательно. Ромеро же никакого шоу не конструировал. Он сам по себе был шоу. Обитатель поселка Морозовка, ражий татуированный детина, похожий на боцмана-корсара, в свободное от «Ленинграда» время обучал детей игре на баяне и сочинял собственные песни («Называй меня просто Эминем», «Мумия принца» etc). Даже Шнуров, традиционно кичившийся своей способностью все и всегда в группе контролировать, однажды признался мне, что ему частенько бывало не по себе, когда рядом на сцене сопел в свой саксофон этот «монстр рока» (шнуровское выражение). Впоследствии, расплевавшись с группой, Ромеро унес с собой эту частичку черного бреда, которая была на самом деле исключительно важна для «Ленинграда», поскольку она создавала своеобразный противовес проникающему шнуровскому обаянию. С уходом

Ромеро «Ленинград», несомненно, стал слаженнее и содержательнее, но он лишился объема. От группы исходило настоящее еретическое величие в тот момент, когда Ромеро переставал играть, вытягивался в струнку и вскидывал вверх правую руку в престранном приветствии несуществующей армии, потом снова хватался руками и губами за свой саксофон, издалека напоминающий кипятильник, от чьих звуков температура в зале сразу повышалась вдвое. Как-то раз мой приятель дизайнер попросил меня свести его с кем-нибудь из группы «Ленинград», причем желательно с Ромеро. В тот же вечер в «Китайском летчике» я подвел его к объекту. На поспешные излияния вполне искренних восторгов Ромеро отреагировал коротким: «Пошел на хуй, ублюдок». Приятель мой ужасно расстроился. «Ну как же так, — растерянно бормотал он, — я же ваш поклонник». Ромеро добродушно пояснил: «Рожа мне твоя не нравится».

Настроение у Ромеро менялось стремительно — я хорошо помню, как на одном из концертов в ДК МАИ Ромеро сперва с наслаждением демонстрировал публике член, а потом, резко изменившись в лице, он решительно застегнул штаны и столь же решительно пнул в харю какого-то несчастного, имевшего неосторожность подойти вплотную к сцене. Учитывая комплекцию Ромеро, человеку не поздоровилось. Извиняло разбушевавшегося саксофониста только то, что удар был нанесен в процессе исполнения песни «Танцы танцевать», в которой по сценарию значились слова «а я ему двинул ногой по роже». Шнуров как мог укоризненно посмотрел на Ромеро, покрутил пальцем у виска, но концерт прерывать не стал.

Однажды на каком-то концерте соседкой «Ленинграда» по гримерке оказалась Ирина Салтыкова. Мы сидели там с Ромеро и Квасо и пили водку, ожидая выступления. Вошла запыхавшаяся, отпевшая Салтыкова — ей нужно было переодеться. Салтыкова посмотрела на нас сперва вопросительно, но через секунду во взоре ее возникло абсолютное, дистиллированное безразличие — с тех же успехом она могла бы переодеваться при домашних животных. Не отворачиваясь, она стала решительно стаскивать с себя платье. Надо сказать, что увлеченные напитком Ромеро и Квасо действительно не обратили на полуголую шансонетку ни малейшего внимания.

Неприятности от близости «Ленинграда» если и случались, то исключительно комического свойства. Зимой 2000 года я затеял лечение зубов. Мне поставили несколько временных пломб и велели явиться через неделю, только ни в коем случае все это время не пить. Я честно последовал совету, но ровно в

назначенный день случился концерт в ДК МАИ, куда я и отправился вместо врача. С тех пор я больше ни разу не опускался в стоматологическое кресло, зубы благополучно разрушились, и всякий раз, когда обломки начинают ныть, я утешаю себя воспоминаниями о той буйной зиме. Я думаю про занесенную грязным снегом дорогу в ДК МАИ, про водку на заднем сиденье такси и про Ромеро, который сидит рядом и, к ужасу таксиста, выкрикивает на разные лады странное слово: «Абэб! Абэб! Абэб!»

Когда группа молода, забавно наблюдать за тем, как она встревает в самые неожиданные контексты. Например, какая может быть связь между группой «Ленинград» и Осипом Мандельштамом? Между тем она есть — когда Вдовин заболел и отказывался ехать в Москву, занимавшийся ими тогда Дмитрий Ицкович советовался по поводу Игоря с Юрием Фрейдиным, который в свое время был лечащим врачом Надежды Яковлевны Мандельштам. Какая связь между группой «Ленинград» и журналом Vogue? Имеется, увы, и такая.

В октябре 2001 года я собирался пойти поработать литературным редактором «Вога». После целого ряда переговоров у меня была назначена финальная встреча с Аленой Долецкой, во время которой мы окончательно должны были обо всем договориться. Но накануне был концерт, и часть ансамбля отправилась ночевать ко мне на «Аэропорт». Поехали Севыч и басист по прозвищу Макс Колотушка. Когда утром я очнулся и посмотрел на часы, они показывали половину одиннадцатого. Встреча с Долецкой была назначена на десять в «Марриотте» на Петровке. Я набрал номер, с ужасом извинился. Алена без особого энтузиазма в голосе велела все же приходить — правда, на сей раз не в гостиницу, а в редакцию. Когда она отчеканила последнюю примирительную фразу, с кухни раздался страшный грохот — это Макс Колотушка, уснувший прямо на стуле, полетел-таки на пол. Падение Колотушки разбудило Севыча, мы уселись втроем на кухне и стали совещаться, что же мне, собственно, теперь делать. Пока совещались, выпили еще бутылку, и я поехал в Vogue — но не один. Для храбрости я прихватил с собой Макса Колотушку, а для глупости зачем-то напялил на себя его жуткую грязно-бурую косуху, в которой только в издания группы Conde Nast и устраиваться. Басиста мне пришлось вести под руку, поскольку он: а) ничего не видел без очков, которые разбились при падении, б) уже опять нарезался. По дороге мы взяли пива, а также букет лилий и в таком виде предстали на пороге издательства Conde Nast. В здание Колотушку не пустили. Дальше я пошел один — в этой куртке и с

этими лилиями, и, может быть, даже с бутылкой пива. И хотя никто, собственно, не требовал от меня объяснений, я зачем-то начал рассказывать и про концерт, и про ночные посиделки, и про разбитые очки. Алена неожиданно обрадовалась: «Ой, „Ленинград“! Я их обожаю. Но у меня нет, к сожалению, их записей. Вы не знаете, где можно их достать?» Это Алена сказала зря, потому что дальше я уже пустился во все тяжкие. «А знаете, — неожиданно сказал я, — они сейчас написали шикарную новую песню. Называется „Где же вы, бляди, выручайте дядю“. Они, представьте, буквально вчера ее сочинили!» Алена сочувственно улыбнулась. Я не унимался: «Да я вам все запишу! Я вам все это запишу на кассету».

Наконец я вышел из здания. Макс Колотушка сочувственно смотрел на меня невидящими глазами.

В Vogue меня, разумеется, не взяли. Кассету, впрочем, я тоже не записал.

Всеволод «Севыч» Антонов

У меня была майка с надписью «Казацкая рада», водка такая. Когда мы были совсем пьяные, мне Серега говорил: Ну что, казацкая рада? А я отвечал: «Рада! Еще как рада».

Денис Рубин

Шнуров с Севычем сдружились на «Модерне», в 2000-м. Он сначала вообще не играл в группе, но стал с ними ездить. Было у меня ощущение, что Шнур подстраховывался. Ему необходим был человек, который мог бы разделить с ним какую-то ответственность — не музыкальную. Нужен был человек, который может говорить, давать интервью, нужен был собеседник, собутыльник, наконец. Потому что Андромедыч, он интроверт, серый кардинал. А это шут не в обидном слове. Допельгангер.

Всеволод «Севыч» Антонов

«Модерн» была одна из первых радиостанций в Петербурге. Это была дико интересная авторская ебаническая радиостанция, где можно было крутить любую музыку. Того, что сейчас называется плейлист, по сути, не было — на стенке висело воззвание типа: ребята, вы в эфире должны поставить хотя бы по разу вот этих исполнителей, потому что мы их раскручиваем. Таких исполнителей было максимум четыре. За четыре часа можно было, в общем-то, поставить песни. Сейчас такая штука была бы дико востребована. Серега работал там по рекламным делам. Мы познакомились странным образом. Кто-то вызвал меня на футбол, мы там встретились с Серегой, играли в одной

команде. Серега тогда был дизайнером радиостанции. Ну, соответственно, стали здороваться, поняли постепенно, что мы дико два пиздатых чувака.

А я тогда жил достаточно странной жизнью, с женщиной с ребенком. Мы жили на Пискаревке, что называется в жопито. Весь этот рок-н-ролл и прочий клуб «TaMtAm» на пару лет из моей жизни исчезли. Серега тогда жил со Светиком, и они устраивали дома что-то типа видеосалона, звали меня дикое количество раз, но я ни разу не приехал.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Севыч поначалу играл на басу. Но продолжалось это очень недолго. Был, в частности, концерту гостиницы «Прибалтийская» на фестивале серферов под названием «Свежий ветер». Пузо там пел по локоть в краске, потому что у него родился ребенок, надо было делать ремонт, Севыч играл на басу в жутком парике. Наш друг Демыч там тоже присутствовал в платье, в котором Серега обычно выступал, ну чтобы создать видимость присутствия лидера. Демыч играл на маленьком горне. Там еще играли Колибаба и Васо, который не успел на поезд в Москву, потому что у его папы был день рождения и он там наебенился. Ну и Микшер, который только-только приехал из Колумбии, и Дракула, так что состав был очень сильный. А мы в это время со Шнуровым и прочими играли в Москве в каком-то клубе на Спартаковской площади.

Всеволод «Севыч» Антонов

Когда начались эти истории с Вдовиным, Серега собирался играть на гитаре и петь, и сказал, мне нужен бас-гитарист, ну и я, поскольку играл какое-то время на бас-гитаре в разных коллективах. Был концерт в Горбушке, и я там в какой-то момент должен был играть на бас-гитаре вместо Сереги, потому что на гитаре играл Дэн Калашник. Это было в 2000 году. Мы что-то там порепетировали, ну и в результате, видимо, я из-за своих двух лет в заточении уже достаточно хуево играл, не помню, но мы остановились на этих погремушках в итоге. Никто не озвучивал, что я говно. Но, возможно, по ощущениям я был говно. Короче, после этой Горбушки я стал погремушить и клоунить.

Денис Рубин

Когда люди спрашивали, а почему же Севыч больше не играет на басу, Шнуров отвечал: басом трясти неудобно.

Алексей Казаков

Я был на свадьбе Севыча. Больше всего меня поразило то, что в какой-то момент все вдруг резко засобирались — оказывается, вечером еще нужно играть концерт. А все уже пьяные, Андромедыч даже заблевал свой свадебный костюм. Тем не менее сыграли — на каком-то лютом байк-шоу. Когда обратно все грузились в автобус, туда же попытались проникнуть незнакомые пьяные байкеры довольно грозного вида. Урезонить их было довольно трудно. Тогда Севыч встал на проходе и довольно бесстрашно начал им бить сверху вниз по морде. Просто стоял и бил. А они падали.

Ира Седова

Саундчек в «Китайском летчике» назначен на пять. Никого нет. И в шесть никого нет, и в восемь. В десять часов в клуб заходит одинокий Сергей Владимирович и, покачиваясь, волочит по полу за оторванную лямку кофр с гитарой. Потом остальные подтягиваются. Я говорю: ребята надо уже начинать концерт. В какой-то момент смотрю, а их даже на улице нет. Оказывается, они спрятались под козырек с другой стороны лестницы и там продолжали пить.

Вера Рейнхат

Как-то Ромеро решил забрать одну московскую девушку в Питер. Оба были невменяемые. Он ее устроил на багажной полке, а сам поплелся курить. Какая-то добрая душа (из группы) пожалела девушку, разбудила ее и повела обратно из вагона. Надо заметить, что в Питере у девушки было незавидное будущее — Ромеро на тот момент был женат и вдобавок обитал в поселке Морозовка. Так вот, выводят эту красу неземную из вагона, а она проваливается в щель между поездом и платформой. Раздается звук «клац!» (по словам очевидцев), и девица стукается челюстью о платформу. Подробностей дальнейших я не знаю. Но девушка осталась жива.

Алина Крупнова

Оголтелое пьянство ребят в какой-то момент поощрялось как эстетика. И кого несло туда, того в результате и снесло.

Митя Мельников

Приехали как-то играть в «ОГИ», а за день до того был концерт, после которого Рому увезли поклонники куда-то к себе в гости бухать. И на прощание ему зачем-то подарили банку меда. Он ее сунул в карман и поехал в «ОГИ», а по дороге, естественно, наебнулся. И вот картина: он ходит по «ОГИ» невменяемый, как

медведь, переваливаясь с ноги на ногу, засовывает руку в карман, достает оттуда шматок меда вперемешку со стеклами, начинает его есть, периодически сплевывая осколки. Потом мед ему надоел, и он просто кидался им — об пол, об стены.

Ира Седова

Я случайно, спьяну, уехала с ними в Питер. Шнуров сунул мне в сумочку дико огромную котлету денег за концерт — сам он ее боялся потерять. Приехали в Питер, пили мартини во дворике квартиры на Достоевского, которую они с Андромедычем снимали. Кухня, линолеум, постоянно проливается мартини, и пол весь липкий. И я отдаю ему эти деньги, чтобы не забыть, он их роняет, они рассыпаются, и я никогда не забуду этот липкий пол с наклеенными тысячными купюрами. Ясный белый день, часа два. Жуть.

Митя Мельников

Часов в двенадцать все собирались в «Грибыче», репетиции были более-менее серьезные, хотя бы раз в неделю. Ну, понятно, что утром в воскресенье пиздец как тяжело играть, особенно после вечера в субботу. Шнуров все песни придумывал по пути на репетицию — по крайней мере, в 2000 году так было. И то, что было записано на «Дачниках», — это именно так и было. Типа, ехал на репетицию в такси, придумал песню. Репетировали ровно час. Потом все уставали резко и шли продолжать бухать. Там рядом была очень вкусная шаверма на Лиговском. А потом вообще перестали репетировать.

Всеволод «Севыч» Антонов

Не было же ни продюсера, ни даже толком директора. Все это был не шоу-бизнес, а своя отдельная история. Сейчас история, подобная тому «Ленинграду», невозможна.

Глеб Владиславлев

В 99 году женился Привалов, Серега решил сыграть концерт, чтобы собрать бабла ему на свадьбу. Но концерт было организовывать особенно негде, потому что «Бедных людей» закрыли, и я поехал в «Свалку». А у них был уже скандал со «Свалкой», как-то они там обосрались очень сильно. И никто уж концерта там не хотел.

Сергей Шнуров

Скандала никакого не было. Я вышел на сцену, сказал: умеешь играть — играй. Потом сказал: а если есть чего пить —

наливай. И стал бухать со зрителями. А потом добавил: а деньги вам вернут в кассе. Но ни одного возвращенного билета не было. Алина Крупнова тогда нами занималась, она, я помню, передала для нас вот такую котлету денег через человека по прозвищу Ободо.

Сергей «Ободо» Бакалов

Алина посмотрела на все это и сказала: «Так, надо съебывать, пока пизды не дали». И дала мне деньги. Я несу их в гримерку, а там происходит адское братание с каким-то человеком. Человек среди прочего говорит Шнурову: «Я хирург, и у меня ощущение от концертов „Ленинграда“ такое же, как когда я делаю операцию и держу сердце чувака у себя в руках. Такой же адреналин!» Все натуральной стоят в ахуе, Сережа пьяный в дымину, а этот хирург вдруг заявляет: «Давай майками меняться».

Сергей Шнуров

Мы сидели дома у Паши Павлика, а все туда приходили и приносили бутылки. Под конец приехал Глебыч, привез литр, и с этого литра, собственно, все и закончилось. Была зима, я вышел из дома в одном халате, гитару решил не брать, стал ловить такси, но Севыч меня убедил в таком виде все-таки не ехать. Концерт был выдающийся. Я, правда, ничего не помню. Помню только, как уговаривал Глебыча взять меня на руки, вынести на сцену и спросить: Ленина видели? И бросить в зал. Но он не вписался. Хотя был примерно в таком же состоянии, что и я.

Всеволод «Севыч» Антонов

А народу было просто битком. Правда, в «Свалке» немного нужно народу, чтобы было битком. Но тысяча человек там была.

Сергей «Ободо» Бакалов

Тогда был совершенно петросяновский вечер, потому что Серега очень много говорил, а тексты, аккорды — все забывал, ничего спеть толком не мог. И народ в какой-то момент просто взмолился: «Сережа, хватит пиздеть, давай уже спой хоть что-нибудь». Такого я больше нигде не встречал.

Сергей Шнуров

«Свалка» место мрачное, но концерты там были отличные. Я там с Сукачевым играл. Я тогда только приехал из Италии, у меня была розовая футболка с надписью Rafaello и двумя ангелочками. И сдуру прыгнул в толпу. Футболки не стало.

Глеб Владиславлев

Устраиваем в итоге концерт в «Свалке», Серега торжественно объявляет, что все деньги от данного мероприятия пойдут Привалову на свадьбу, а по деньгам это была двушка. Веселый был концерт. У духовиков уже началась эта стадия отмораживания, звездная болезнь, а я вроде как выполнял функции директора.

Непосредственно перед концертом Ромеро валялся на сцене, и ему в рот лили водку. Охрана, завидев это, выволокла его на улицу и начала мутузить ногами. Я выхожу, говорю: вы чего делаете, ублюдки? Это ж артист!

Алина Крупнова

Первый олигархический выход из-за печки был смешной. «Альфа-банк» и лично Фридман захотели послушать. Естественно, ни на какой концерт он идти не хотел. И они сняли — в дневное время причем — коммерческий клуб на улице Коммунистическая на Таганке. Такой идиотский ресторан образца 91 года. Все белое, сидят люди за столом, с работы вырвались — послушать песни с хуями. Им самим было неловко — вдруг кто-то пройдет мимо и увидит, на что они тут собрались. Но там было море коньяка, в общем, все потом подружились. Там еще присутствовал фридмановский друг Вова Жечков, тоже в меру олигарх, у которого была группа «Белый орел». И Сережа в какой-то момент чудесным ресторанным жестом пригласил Жечкова с ним спеть. Короче, Шнур завершил картинку на пять с плюсом, молодец. Я аплодировала. Жечков расплылся, Фридман тоже был счастлив.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

В клубе «Факультет» Серега первый раз в жизни выступал соло. Ему нужно было понять, что он в состоянии сделать сам. Потом уже сыграли концерт вдвоем в «Летчике» — я дудел на улитке, а Серега рубил на гитаре.

Митя Мельников

Как-то в «Точке» в процессе исполнения песни «Шоу-бизнес» Васо упал со сцены вместе с тромбоном, который согнулся пополам.

Александр «Сашко» Привалов

Отправились на какие-то затяжные гастроли — Киев, Сочи, Минск. И Ромеро превратился уже просто в зверя. Он купил в Киеве галоши с мехом, немецкую военную шапку, а из какого-то бара утащил огромную коктейльную палочку с крестиком на

конце. И на границе в купе заходят пограничники — документы, все такое. А Ромеро уже в полном неадеквате, ни с кем не хочет говорить. Пограничники его обступают, тогда он достает эту коктейльную палочку и начинает их крестить.

Всеволод «Севыч» Антонов

Однажды мы ехали из Киева в Сочи тридцать восемь часов. О таком хронометраже мы сначала не подозревали. Проводница сообщила, что мы приезжаем в пять утра. В какой-то момент Ромеро поинтересовался, когда таможня. Она говорит — в десять. Мы спрашиваем, как же в десять, если мы в пять утра приезжаем. Вы приезжаете в пять утра следующего дня, пояснила проводница. Это был ад. Вагона-ресторана в поезде не было, только буфет, куда Ромеро ползал, хватаясь за полки, поскольку ходить он уже не мог. Мы тоже не могли. На остановках проводница бегала нам за водкой, потому что у нас не было сил, и потом продавала нам ее втридорога в буфете. Зато по приезде в Сочи нас ждал рай в виде гостиницы «Рэдиссон». Мы плавали в бассейне с бутылками водки, запивали эту водку водой из бассейна, а Квасо блевал в сточное отверстие, проталкивая пальцем застревающую рвоту.

Алина Крупнова

Самое же главное в «Ленинграде» что? То, что «смех и радость мы приносим людям». А с остальным разберемся. Мы со Светкой Колибабой всегда на концертах выползали плясать, а Шнуров кричал со сцены на весь зал: «Это для вас они принцессы, а для нас они бляди!»

Всеволод «Севыч» Антонов

Песня «Бляди» сочинилась у Паши Павлика на кухне. Серега сидел, тренькал на гитаре, сказал: смотри, какая песня, а у Паши Павлика валялась губная гармошка, и я в трусах и в майке начал ему подыгрывать. В тот же вечер мы поехали на концерт в ДК МАИ, и там же это все было исполнено.

Ира Седова

На концерте в «Точке» Шнур при мне чуть не час братался с каким-то совершенно левым охранником. В конце разговора Шнур спрашивает: «Тебя как зовут, Леша? А меня Сергей». Я все думаю: вот зачем ему это надо? Он же легко может дать в морду человеку из первого ряда, который ему не понравился, а может вполне искренне обещать стотысячному охраннику из стотысячного города, что он с ним обязательно еще выпьет.

Сергей Шнуров

Однажды Квасо должен был сыграть какое-то соло в песне, я уж не помню в какой. Он спрашивает: что сыграть? Я говорю: Квасо, представь, ты выпил литр водки, поспал три часа и тебе нужно играть. Понял ноты? И Квасо ноты понял.

Александр «Пузо» Попов

В мире существует некоторое количество по-настоящему пиздатых песен. Приблизительно половину из них написал Сережа.

Митя Мельников

Ехали в Москву. Ромеро еще в поезде запихал свои носки в саксофон. И забыл про них. А когда приехали играть, это было на «Крыльях», долго удивлялся, почему звукач не дает ему звука в мониторы.

Алина Крупнова

Было какое-то количество песен, которые не прижились. Они сочинялись чуть ли не в гримерке, вообще из воздуха — это было абсолютно прекрасное ощущение. Шнур играл их на двух-трех концертах, а потом забывал.

Митя Мельников

Еще в Питере перед самым нашим отъездом в Америку был концерт для чувака, который ходил на охоту и завалил там медведя. В ресторанчике где-то на Петроградке. Мы отыграли, поели, выпили, собрались уже уходить. Вдруг подходит устроитель, говорит: парни, мой большой друг, важный человек, опаздывает. Давайте еще раз сыграете. Те же деньги. Пока мы его ждали, нас всех очень плотно накурили. А Шнур не курил, он выпивал. И мы начинаем играть — и у всех получается натуральный регги, потому что все песни в два раза медленнее. Ну, там, «Дача», «Агент 007»… Шнур, конечно, подохуел. Но вроде всем понравилось. Был, кстати, редкий для тех времен момент, когда абсолютно все врубались, что им делать, и никто не играл лишнего.

Алексей «Микшер» Калинин

Лучший концерт «Ленинграда» я сыграл именно со старым составом. Была какая-то корпоративка в боулинге на Петроградской, буквально для тридцати-сорока человек. Мы сыграли для них, они попросили сыграть еще, сказали: по сто

долларов каждому. Потом еще и еще. Люди не могли угомониться, говорят: скажите, что вам нужно, ганджубас или что угодно, все привезут, только сыграйте еще. И вот это сверхпоследнее отделение, которое мы играли, там все песни были исполнены в совершенно другом стиле. Например, песня изначально сочинялась как ча-ча-ча, а здесь звучала в каком-то блатняке или в роке. Все части были переставлены, при этом все друг друга отлично понимали, как хорошая футбольная команда.

Денис Рубин

«Фантом-FM» была очень крутая история. Четыре месяца выходили на официальной волне, потом просто купили частоту. Это был 2001 год, «Ленинград» был уже на волне. Днем было «Ностальжи», ночью «Фантом».

Играла самая неформатная музыка, начиная от попсовых групп типа Morcheeba и заканчивая Sonic Youth. Всю ночь это звучало, там работали «Deadушки», там работали Кощей с Парыгиным, а у Севыча со Шнуровым была программа, они сами попросились, называлась она «Говорит и показывает Шнуров», раз в неделю по средам. У них была открытая студия на Невском, огромное окно, куча народу. Они выступали за бутылку водки, за пакет сока и дорогу домой. Программа шла два часа, за это время они напивались и обсуждали ту или иную проблему. Например, первая программа была посвящена тому, пидарас ли Киркоров. В какой-то момент они стали так сильно материться, что я их вынужден был попросить этого не делать. Они, надо сказать, очень ответственно к этому подошли и, даже будучи пьяными, изо всех сил старались держать себя в рамках. Но кончилось все равно печально. На одной из программ Севыч замечает Шнурову: вот у тебя программа называется «Говорит и показывает Шнуров», а ты только говоришь и ничего не показываешь. Тут Шнуров снимает штаны и достает член. Невский, белые ночи, куча народу — программу закрыли после этого.

Сергей Шнуров

Мы открыли новую историю. Нам, единожды осмыслив это, просто нужно организовать партию и отстаивать наши свободы — те, что мы завоевали. Мы — как варвары, мы ворвались в это пространство культурное, разбомбили все, что только можно, и до сих пор не понимаем, а что мы, собственно, захватили. Мы стоим на руинах этого города, а со всех сторон начинают римские войска опомнившиеся подступать. А что нам отстаивать? Фиг его знает. Ясно, что в этой суматохе мы захватили какую-то хуйню.

Гарик Осипов

Запорожье — город будущего. В будущем люди откажутся от шнуров, штекеров и скандалов, сохранив самое прекрасное — памятники цыганской аристократии и тишину… Поэтому впервые группу «Ленинград» мне поставили в Москве. Это сделал Мумия — тогдашний диктор одного радио ФМ. И я видел, как ему это нравится: «Яйца, табак, перегар и щетина». По голосу певца мне представился предсмертный Высоцкий в роли Дон Хуана, задабривающий целую вечеринку каменных гостей-рогоносцев. А еще — отпаривающие местечковую мозоль тетеньки, передвинувшие материнство ради карьеры… Разумеется, кого-то он должен раздражать, но они не пикнут.

Потом в клубе «Край» было мероприятие в поддержку лимоновцев, но я туда не попал. Слышал впоследствии ропот: «Нарыгано…», «Педаль спиздили…». Интеллигентный человек Анатолий Тишин посочувствовал: «Жаль, что вас не было… Медная группа у ребят хорошая… Сыгранность». И я снова видел, что не «медная группа» и не «сыгранность», а явление это в целом нравится ему — чисто русскому человеку — до ужаса. Я вообразил группу медных всадников, рекламирующих конскую колбасу…

«Слушай, нравишься ты ей», мысленно процитировал я «Ошибку резидента», когда мы познакомились со Шнуровым на юбилее «Афиши». Сдержанность человека, подчинившего голосом смену веков, гармонировала с подкрашенной водкой в стакане. Гусарит он явно не с кем попало и явно в другом месте. До этого (или после) мы еще пересекались с ним в «ОГИ» — Костя Беляев тогда не дал ему свою гитару. Был день рождения Гертруды Стайн… То есть был накрыт долгий ящик, и за моей спиной кто-то плясал на его крышке. Я так и не обернулся. Моей пьяной голове было и без картинки понятно, в чью эпоху Беляев гитару брать не разрешил… Но возраст, полубезумие и бессовестный садизм ни за что не дадут мне побыть современником этой, всегда неприятной, но ошеломляющей, современности.

Будущее наступит, когда все мы станем лишними, а пока — можно и не оборачиваться… Знаете, как иногда говорят: «Фильм я не видел, но читал книгу» (причем иногда оно и вправду так и было). Мало ли чьи концерты пропускали наши более аскетичные предки! Поэтому, когда автор попросил меня что-нибудь припомнить или придумать про группу «Ленинград», я сразу (не откладывая, пока карьера устаканится) родил: «…и другие приключения Шнурика», но воздержался. И почувствовал себя лишним человеком, механически разделявшим радость восторженной Мумии — отца трех детей и личного друга Васко

Росси.

Всеволод «Севыч» Антонов

С другими музыкантами мы особенно не контактировали. Горынычу это все нравилось, по-моему, вполне искренне. Ну, Скляр сначала бранился, но с тем же Скляром мы потом бухали, и он выражал какие-то свои респекты.

Денис Рубин

Был период, когда лимоновцы стали дружить с «Ленинградом» — правда, это все-таки была больше инициатива лимоновцев. Но Шнур тоже высказывался за НБП — мол, свободу Лимонову и все в таком духе.

Алина Крупнова

Гарик Сукачев сначала тоже ругался на «Ленинград». Во всяком случае, при мне он это делал неоднократно. Но довольно быстро его перещелкнуло. Он понял, что Шнурова уже не отменить. Шнуров уже есть, и он будет, и лучше его признать своим учеником, чем случайно он окажется тебя главней. Потому что Сукачев человек умный.

Иван Дыховичный

Я хотел, чтобы Сережа написал песню в фильм «Копейка». Мы встретились, поговорили, а через два дня он попросил меня приехать на концерт в Тушино. Я приехал, из толпы вышел Сережа с огромным пластиковым стаканом пива. Мы сели в мою спортивную машину, которая не очень для питья предназначена, и он поставил мне «Копейку». Вполне судьбоносная вещь, я считаю.

А потом я попросил его сыграть в этой картине, так же легко он приехал, сел в окне и исполнил один из самых трудных, кстати, эпизодов, поскольку он фантасмагорический и его очень трудно оправдать. Он его сыграл, вышел из кадра, никто ему ничего не говорил, но из глубины этой комнаты еще очень долго раздавался его монолог — такой, блядь, что Станиславский отдыхает. Чудесно вошел в образ.

В те годы Шнур любил петь довольно занудную песню про карманы и марихуану со словами «у меня есть все». Совершенно справедливое признание — «Ленинград» был моден, популярен, а главное — пока еще неизведан и не затерт до дыр. В этих условиях Шнурову не хватало одной вещи. Ему был необходим — чисто стратегически, для охмурения остатков аудитории — несмешной душеспасительный хит о жизни и смерти, но без мата.

Всего один, но такой, где общая одурь доходит до фактической святости. Шнур его написал. Песня называлась «Мне бы в небо». Она проняла решительно всех. Даже писатель Харуки Мураками упоминал ее в своих дневниках. Даже несгибаемый московский поэт Боря Усов, лидер самой несговорчивой русской рок-группы «Соломенные еноты», пеняя мне на пристрастие к «Ленинграду», признавал, что одна хорошая песня у них все же имеется. Когда на Алтае в горах разбилась группа сноубордистов, на их каменной могиле был высечен текст «Мне бы в небо».

Я отлично помню, как Шнуров спел ее в первый раз. Это было все в том же ДК МАИ. В перерыве между отделениями весь исполнительский кагал удалился в гримерку пить водку, за исключением Шнура, который остался и спел под электрогитару две песни — «Нас, наркоманов, никто не любит» и «Мне бы в небо». Шнур орал их так, что я думал, потолок Дома культуры, с которого совсем недавно с небольшим риском для жизни спустился по канату Андромедыч, все же в конце концов рухнет. Может быть, это было вообще самое сильное концертное выступление Шнурова, которое я наблюдал, — с двумя этими заблудшими одичалыми песенками.

Потом писали, что «Мне бы в небо» якобы скалькирована с «In The Death Car», хотя проигрышем она скорее напоминала «While My Guitar Gently Weeps».

Официальная студийная версия «Мне бы в небо» была обнародована весной 2002 года на альбоме «Пираты XXI века». Однако по рукам песня пошла значительно раньше — кто-то стащил со студии недоделанную запись, в результате чего был издан пиратский диск под недурным названием «Я бухаю, но могу ускориться».

Андрей «Андромедыч» Антоненко

С этой спизженной записью «Мне бы в небо» никакого секрета нет. У нас на руках был нарезанный вариант или даже вообще кассета. Ну а поскольку все бухали и слушали его постоянно и где придется, особенно Серега, видимо, подрезал кто-то. Элементарно.

Илья Бортнюк

Клип «Мне бы в небо» мы придумали, посмотрев ролик какого-то блюзового гитариста, не помню, как его зовут. Бюджет клипа составлял 4000 долларов — со всеми делами, с арендой, с постпродакшн. С большим трудом его поставили на MTV, хотя там тоже были клятвы программных директоров, что такого они никогда не пропустят. И этот клип в течение года держался на

первом-втором местах.

Собственно, с этого видео и началась обширная народная любовь.

Анна Черниговская

Клип «Мне бы в небо» снимался в бильярдной клуба «Манхэттен», до этого он назывался клубом «Котел». И на момент съемки клипа эта бильярдная принадлежала человеку по имени Сергей Семкин, который по иронии судьбы был тем самым компьютерным спекулянтом, на чьих компьютерах Сергей Шнуров дебютировал как дизайнер доисторических альбомов группы «Аквариум».

Алина Крупнова

Я вообще с трудом верю, что Сережа нажрется, не проснется и не приедет туда, куда действительно нужно. Я никогда не наблюдала в нем неконтролируемых проявлений. Только один раз на моей памяти он очень сильно перенервничал — на эфире с Василием Уткиным. Вот там он абсолютно искренне зассал. Это было безумно трогательно, я впервые увидела в нем совершенно детскую, чистую эмоцию. Все-таки он вынужден был перед всей страной расписаться за то, что происходит, — видимо, он был еще не очень к этому готов.

Василий Уткин

Когда начиналась вся эта история с программой «Земля—Воздух», меня, как ведущего, спросили, кого я, собственно, хочу увидеть в этой программе. Я сказал: конечно, «Ленинград». Мне ответили, что «Ленинград» пригласить невозможно, потому что они не умеют себя вести. Я сказал, что сам выясню по своим каналам, так ли это. И тут выяснилось, что мой приятель Зимин Шнура знает и что он, типа, тонкий и интересный человек. Я спросил: нельзя ли в некоторых песнях для телеэфира пару слов заменить? На что Зимин сказал, что Шнуров на это никогда в жизни не пойдет. Я тогда немножко удивился, но потом понял, что так действительно все теряется. И вдруг совершенно неожиданно мне сказали, что «Ленинград» в принципе готов. К тому же Лена Карпова, музыкальный редактор, насчитала к тому моменту в творчестве «Ленинграда» уже семь безматерных песен. Одна из них, к слову, была какая-то квелая. И вдруг все это стало возможно, я даже не помню никаких процедур согласования. Видимо, тогда уже всем стало понятно, что границы шокирующего раздвинуты, тогда уже вовсю шло «За стеклом», где к тому времени уже, кажется, ебались. Процедура приглашения

происходила без меня, сложностей не было, если не считать того, что Шнуру никто не мог дозвониться перед эфиром. Все волновались, что программа сорвется. Звонили по всем мыслимым каналам, никому не могли дозвониться. Шнуров появился где-то за час до передачи, что, в общем, совершенно нормально. Было видно, что ему очень тяжело. Так что они потом прямо на сцене раскурились. Шнур вел себя очень адекватно. Я выяснил, что он в юности весьма и весьма интересовался футболом, поговорили об этом. Разговор, впрочем, тогда его не слишком порадовал, поскольку говорили мы о «Зените», а тогда это была совершенно беспросветная история.

Прозвучал сигнал всем идти гримироваться. Он говорит: какой гримироваться, ты что, с ума сошел? И они опять стали выпивать. Я ему сказал, что, может быть, не стоит, все-таки полтора часа в эфире предстоит провести. Шнур тогда сказал, что, мол, это именно столько, сколько ему хватит на полтора часа эфира. А потом он неожиданно начал раздеваться. И остался голый до пояса с цепочкой с крестом. Я его спросил: ты что, так собираешься выступать? Он радостно ответил: конечно! Я говорю: ну а микрофон-то тебе в таком случае куда цеплять? Тогда гарнитуров было очень мало, а может, вообще не было. А вот, говорит, к кресту и цепляй.

В таком виде он и возник на сцене.

Началось с того, что Шнур сразу же сцепился с Ксенией Стриж. Причем по какому-то абсолютно своему, шнуровскому поводу. Она ему сказала что-то ехидное, он ей сказал что-то по поводу ее внешности, пошло-поехало. В итоге, когда пошла рекламная пауза, я закричал: как мне вести передачу, если вы ругаетесь? Все, забыли, проехали. И тогда повисла пауза. Шнур как-то хулигански огляделся, подмигнул своим музыкантам и вдруг зарядил «Дачу». Просто для собравшихся в студии людей. Я на мониторе видел всех экспертов, у них были абсолютно счастливые лица в тот момент. Троицкий светился, Аксюта мерцал, даже Ксения Стриж разулыбалась.

Сама передача по нынешним меркам была абсолютно банальная. Шнуру задали все те вопросы, которые сейчас ему задавать уже совершенно бессмысленно. Ну, безусловно, речь шла о мате.

Кончилось все тем, что Шнуру стало элементарно плохо. Не знаю, что он там пил и курил, но только он в какой-то момент сел на пол, закурил, сидел как-то боком. Я сначала подумал, что это притворство, но после эфира он мне сказал, что его действительно повело. И в какой-то момент на первый план вышел этот толстый парень с большим барабаном, Пузо. Он начал

отвечать в таком духе, что, мол, вы образумьтесь немножечко, что за дурацкие вопросы вы задаете, в самом деле. Дискуссия о мате закончилась тем, что я попросил Шнура спеть песню, которую он мог бы исполнить своему сыну. И он спел песню «Мне бы в небо». Тогда я ее услышал в первый раз, и для меня это был абсолютный шок. Присутствие «Ленинграда», кстати, никак не сказалось на рейтинге программы. И с тех пор я не верю ни в какие рейтинги.

Алексей Зимин

Эфир состоялся. Уткин был обаятелен. Публика перевозбуждена. Оппоненты Шнурова несли феерическую чушь. Все компоненты хорошего шоу были налицо. Кроме главного героя. Шнурову было невыносимо скучно. К тому же он был еще с чудовищного бодуна, да еще и обкурившись какой-то дури. Тем не менее он мужественно держался в рамках приличий, пел только цензурные песни и вполне куртуазно, хоть и без фантазии, хамил.

Программа катилась к финалу. Шнуров заиграл последнюю песню. И в какой-то момент из динамиков явственно раздалось слово «хуй». Звукорежиссеры спохватились и увели звук, но слово успело прозвучать. Передача закончилась.

У Уткина был торжествующе-бледный вид человека, который только что купил на аукционе Вермеера и принимает поздравления, сознавая при этом, что ему сейчас придется очень дорого за этого Вермеера заплатить.

Шнуров же, наоборот, сиял как начищенный пятак.

Ночью мне позвонил Вася и сообщил, что телевизионное начальство эфирный конфуз совершенно не смутил. Более того — оно пришло от него в восторг.

Скоро Шнурова стали показывать по ЦТ едва ли не чаще президента Путина.

Пластинки стали продаваться астрономическими тиражами. Концерты из клубов переехали на стадионы. На фестивале «Нашествие» вместе с «Ленинградом» слово «хуй» скандировали больше ста тысяч человек.

Той осенью Шнуров первый раз опробовал то, что впоследствии принесет ему по-настоящему большие деньги, а именно — использовал звонок мобильного телефона в качестве музыкального инструмента. «Ленинград» тогда участвовал в диске-трибьюте «Гражданской обороны». Версия «Ленинграда» была, в целом, так себе — веселил разве что звук мобильного, а также сам выбор песни — из всего более чем обширного наследия «Гражданской обороны» Шнуров умудрился выбрать песню,

сочиненную не Егором. Это был неумоевский «Красный смех», спетый Летовым на «Прыг-скоке» и впоследствии из альбомной версии исключенный.

В декабре 2001 года газета «Ведомости» признала Шнурова человеком года (в рамках полосы «Культура»). По этому поводу я написал приблизительно следующее.

«На его выступлениях сливались в едином экстазе клерки, сноубордисты, модные книгоиздатели, бойцы из спальных районов и самые тепличные гуманитарии. Его с одинаковым рвением воспевали Playboy и газета „Завтра“. Чем взял 27-летний питерский ухарь, ни одной удачной строчки из которого невозможно по моральным соображениям процитировать в прессе? Какими такими идеями? Все довольно просто. Сергей Шнуров взял не идеей, но ее отсутствием. Русский рок, всегда существовавший в режиме text only, заслужил наконец право на независимость от идей и текстов. Право на чистый угар. В старом, данном году этак в 86-м, интервью Борис Гребенщиков жаловался: я, дескать, мог бы, как Мик Джаггер, петь тексты типа „бейби, бейби, вставь мне в жопу огурец!“; но в России ситуация иная, и нужно выпевать несколько иные слова, преисполненные несколько большего смысла. Шнур, что называется, взорвал эту ситуацию. Он стал делать рок-н-ролл в чистом виде, музыку без лишних слов и нот — собственного, чему завидовал БГ. Музыка „Ленинграда“ — это чистая анима, которая одновременно может казаться и разрушительной, и созидательной. Когда за музыкантом не стоит никакой идеи, ему остается оперировать какими-то очень вещественными доказательствами: остроумие, обаяние, небывалый драйв, отличная мелодия, крепкое словцо. Вещами, осязаемыми физически, как уханье большого барабана или кряканье духовых.

Шнур подарил русскому року зоологическую буквальность — то, чего в этом роке никогда не было. Он поет: „Я сделан из мяса“. С таких позиций здесь в массе своей никто и никогда не делал рок-музыки — вспомните всех местных героев и их многочисленные самоидентификации шизоидно-метафорического свойства: „я — церковь без крестов“, „я — серый голубь“, „я — нэпман“, „я — змея“, „я — боль яблока“ и т. п. Вообще, весь нехитрый смысл „Ленинграда“ (а по большому счету и всего рок-н-ролла как жанра в его первородном виде) укладывается в старую строчку „Зоопарка“: „Всех еще тошнит, а я УЖЕ опохмелился“. Рок-н-ролл в версии Шнура — это чистое ликование, шальное, шалое счастье. „Ленинград“ — это рок-н-ролл, взятый по единственно верному признаку — половому. Голый человек на голой земле — и его желание пожить,

отхлебнуть и поучаствовать в судьбе той или иной особы. Вот, собственно, и все. Шнуров как бы вернул рок-н-роллу его исконный смысл».

Сергей Шнуров

Вот есть поколение Икс. Есть дженерейшен Пи. А вот мы — поколение ПОХ. Потому что нам все по хую. Всю хуйню придумали мы. Это мы придумали бандитизм. Это мы начинали стрелять друг в друга, половина нас уже в могилах лежит. Мы развили всю эту наркоманскую тему. Дефолт? Это мы придумали. Рейв? Кто придумал рейв? Поколение ПОХ! Поколение Икс — это младший сержантский состав рейверов, а офицеры это мы. Все, кто там борьбой в школе занимался, бригады собирал — это дженерейшен Пи. А поколение ПОХ придумало настоящий бандитизм. Мы поняли, что мышцы — это полная хуйня, когда есть пистолет. А кто экономику всю разворовал? Нет, начинали, конечно, дженерейшен Пи. Но эти начинали с микросхем снимать золото. А когда пришли мы, мы начали воровать составы. Интернет кто придумал? А кто рок-н-ролл загубил вот в этом его неимоверном пафосе? Тоже мы. Рейвом его заткнули так, что… У нас завоеваний до фига, нам есть чем гордиться.

Алина Крупнова

Вообще, моральный облик Сергея Шнурова, если говорить про баб, наркотики, рок-н-ролл, практически безупречен. И даже все эти брошенные женщины, я думаю, благодарны Сереже за исключительный период жизни.

Вообще, обличительных наездов на него попросту не может быть. Потому что я затрудняюсь представить себе, кто эти наезжающие люди. Я видела много недовольных «Ленинградом», но никакой внятной отповеди так и не услышала. Я долго пыталась понять, что же именно кроется за фразой «Шнуров совсем охуел». Потом поняла, что ничего. Во-первых, он очень финансово порядочный человек. Я это наверняка знаю, поскольку сталкивалась с ним на уровне сумм далеко не тех, что сейчас, — он очень порядочный. Если люди, положим, говорили, что он им платит мало, то это «мало» — ровно столько, сколько он им декларировал и на сколько они согласились. Никогда он никого не обманывал, правда. Все недовольства — оттого, что он людей зазомбировал и люди согласились. А там сколько хочешь жалуйся, ты сам на это пошел. Он всегда помнил про мой процент от концерта — он помнил, не я. Это большая редкость. Особенно если учитывать то, в каком угаре все эти концерты игрались. Такого, что «я забыл» или «сама, дура, не напомнила», — не

бывало.

Илья Бортнюк

Я ездил с ним в Нью-Йорк в октябре 2001 года. Это были первые серьезные гастроли «Ленинграда». Квасо отказали в визе по непонятным причинам, и Антоненыч играл партию тромбона. Я бы не сказал, что это сильно сказалось на качестве концерта. Позвал их такой человек Дэвид Гросс. Клуб человек на пятьсот был полный. На концерт пришел Женя из Gogol Bordello.

Битлы устраивали дикий трэш. Ромеро сразу по приезде купил себе ковбойскую шляпу. После концерта нас пригласили на какую-то вечеринку, Ромеро напился и стал с кем-то из гостей драться, причем реально драться. Потом то ли его кто-то вырубил, то ли он сам на что-то налетел, но только он упал на пол и лежит, не встает. Хозяин в ужасе, не понимает, чего делать, может, полицию вызывать, а Шнур и Пузо его успокаивают, говорят, что это нормально, это еще лайт-вариант, сейчас он полежит, придет в себя. Ромеро действительно полежал, встал, опять выпил, ну и все по следующему кругу. Стоит еще учесть, что никто из них вообще практически не говорил по-английски. Зато концерты были очень хорошие.

Митя Мельников

Нас позвали в последних числах декабря в ресторан «Прага». Новогодняя вечеринка «Нашего Радио» для всех типа суперрокмузыкантов. Приехали, там столы, фазаны какие-то, официанты в белых перчатках. Кто выступал, не помню, сам нажрался. Ромеро начал кидаться птицей. Официанты подбежали, отобрали ее. А мы присели с Дэном Калашником на диванчик, вдруг смотрим — появляется Рома, на ходу расстегивая ширинку, ни хуя не понимая, что происходит. Подходит к занавеске, пытается там спрятаться — официанты просекли, начали его оттуда выволакивать, тащат, а он ссыт по ходу на все вокруг, на стол, на Васю, который спит тут же на диванчике. Тут уже мы с Дэном подключаемся, ну потому что уже реальный пиздец творится. Кто-то бутылки пиздит со столов. Кое-как мы оттуда снимаемся, едем в эту ебаную «Табулу Расу». А там сцена двухъярусная, и мы наверху обычно ставили духовую секцию. Рома пошел в туалет, там заснул и в концерте вообще не участвовал. А Антоненыч тоже нажрался, залез на второй ярус зачем-то, хотя по идее внизу должен был стоять. И оттуда сверху он блеванул прямо на то место, где сидел я и стоял Микшер со своими колумбийскими перкуссиями. Там еще кабели были какие-то проложены. Ну, короче, он прямо на них блеванул. Мы

пришли, а уже ничего не сделаешь — концерт начинается. И Микшер весь концерт простоял на этих кабелях и скользил всю дорогу на этой блевотине. Между второй и третьей песней возникла пауза, Антоненыч спустился сверху и начал играть на своих клавишах. А у него клавиши были такие, за сто долларов, «Ямаха». И он спьяну нажал эту кнопку demo, ну и получалось так: Шнур в паузах объявляет, допустим, песню «Ковбой», а там, как обычно на этих дешевых клавишах, начинается какая-то нелепая веселая музыка. Все орут: «Антоненыч! выключи на хуй!» А он смотрит и ни хуя не понимает — глаза при этом добрые, светлые.

Сергей «Ободо» Бакалов

Тогда все нажрались страшно. Сашко играл то на трубе, то на саксофоне — он стоял с двумя дудками наперевес. Андромедыч спал на клавишах, а сзади Веич держал его за джинсы, чтобы он не упал.

Алексей «Микшер» Калинин

Разнузданнейший дали концерт после этой вечеринки «Нашего Радио». Был полный беспредел, музыки ноль, не игралось вообще ничего. Я, в принципе, хорошо к музыке отношусь, и меня это бесило по большому счету.

Александр «Пузо» Попов

Я однажды повторил подвиг Ромеро и тоже проспал концерт. В каком-то баре в Шереметьево мы играли.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

У меня после этой вечеринки «Нашего Радио» в сноубордических штанах скопился целый бар — золотая, серебряная текила, виски какой-то — нам же еще на концерт надо было ехать. Мы выходим из «Праги», и вдруг Веич мне говорит: смотри, Пугачева. Меня нахлобучивает выпитое, и я иду знакомиться. Это, разумеется, не Пугачева, а какой-то трансвестит. В общем, на «Нашем Радио» еще полгода в красках рассказывали истории про группу «Ленинград». Ромеро после этого случая стал притчей во языцех.

Роман «Ромеро» Фокин

В группе «Ленинград» главным был я.

Глава четвертая

Однажды Шнуров и Севыч сидели и пили в пустом придорожном кафе где-то под Краснодаром. В заведении не было ровном счетом ничего примечательного, кроме того, что здесь взимались штрафы за ругань. К стене был прикноплен лист бумаги с корявой надписью: «Один матюг — семь рублей». Мир словно бы робко пробовал остановить разгулявшийся оркестр.

В 2002 году у группы «Ленинград» наконец начались проблемы, от которых семью рублями было уже не отделаться. Их суть вкратце сводилась к следующему: Лужков группу запретил, а Шнуров ее разогнал. Основанием для первого решения была брань, поводом для второго — пьянь. Хотя на самом деле причина у всего была одна и та же — «Ленинграда» стало слишком много. С ним нужно было что-то делать — как снаружи, так и внутри. Если даже мало соотносящиеся с реальной жизнью концептуалистские фантазии В. Г. Сорокина едва не отправили автора за решетку, то вдвойне странно было попустительствовать оглушительному оглоеду и автору песни «Побрей пизду» у которого слово не расходилось с делом и чьи жесты с каждым годом становились все более широкими. С другой стороны, сам Шнуров не мог больше потворствовать той концепции пьяной несуразицы, которую он сам же и изобрел и которую с его легкой руки исповедовала большая часть группы. Сам факт запрета выводил Шнура на новый неблагодарный уровень. Ему понадобились чуть более вменяемые исполнители. Контрастной душой ансамбля пришлось пожертвовать.

В принципе «Ленинграду» стали угрожать санкциями уже с весны 2001 года, но поначалу это происходило не слишком настойчиво. (Например, на июньском фестивале «Крылья» «Ленинград» должен был выступать в 13.10. «Ленинград» действительно выступил, однако сделать им это пришлось в 10.30, поскольку за несколько дней до концерта устроители фестиваля получили предупреждение от представителя московских внутренних дел. Ну и что с того? В пять часов вечера Шнур повторно возник на сцене и со словами «нас просили без мата, вот мы и поем без мата» спел «Шоу-бизнес» в обществе Гарика Сукачева и его «Неприкасаемых».)

Первая серьезная мера пресечения настигла группу в ноябре 2002 года, когда без лишних слов взяли и отменили сольный концерт в Лужниках. Это было уже ощутимое вмешательство. Как высказался Шнур несколько лет спустя по другому поводу в студии Пятого канала, победа далека, пиздец близок.

Впрочем, осенний запрет распространился уже не на тех людей. Шнуров позвал на запись нового альбома «Пираты XXI века» старую питерскую ска-панк-команду «Спитфайр», которая из сессионных музыкантов сперва превратилась в аккомпанирующий состав, а потом и непосредственно в группу «Ленинград». Что касается саксофониста Ромеро, трубача Сашко, тромбониста Квасо, барабанщика Мити, а также неунывающего басиста Макса Колотушки, то они были отправлены в бессрочный отпуск без выходного пособия. Шнуров даже подумывал о том, чтобы позвать в гитаристы Григория Сологуба из «Странных игр», но предложения ему так и не сделал. Интересно, что для Сологуба это была уже вторая нестыковка — в конце восьмидесятых возникала смутная фантазия на тему его участия в «Гражданской обороне» (которые тогда собирались перебираться в Питер). Но она так и осталась фантазией. (Вообще все недовольные группой «Ленинград» всегда в один голос намекали на ее подсудную схожесть с группой «Ноль», однако никто почему-то не видел их предшественников в группе «Странные игры». Меж тем Шнуру очень нравились «С. И.» — особенно композиция «Уренгой — Помары — Ужгород».)

Из вновь прибывших музыкантов самым ярким (если не единственным) шоуменом был трубач Рома Парыгин — боевой, отчаянно пирсингованный и похожий на Мамочку из «Республики ШКИД». (Однажды, в связи с нависшей судимостью, Ромычу пришлось избавиться от своей грозди сережек, тогда в бессильной злобе он вставил себе в уши два огромных гвоздя.) Обычно на концертах в проигрыше «Терминатора» меланхолично насвистывал Квасо, теперь уже бывший тромбонист группы «Ленинград». Парыгин на его месте стал оглушительно крякать, как маньяк из фильма Лючио Фульчи «Нью-йоркский потрошитель», имитируя расхожий ди-джейский скретч.

Надо сказать, что Шнуров обставил смену состава единственно верным способом — он выдал ее за временный роспуск «Ленинграда». Все были настолько взбудоражены этой новостью, что никто даже и не заметил элементарной кадровой перестановки.

Переполошились, в частности, телепрограмма «Намедни» и журнал «Афиша» — тогда был короткий период их сотрудничества в рамках проекта под названием «Что-то будет». Решено было изготовить совместный реквием «Ленинграду». (С «Афишей», кстати, был неосуществленный проект пластинки, где Шнур, как пономарь, читал бы Библию. Затея не выгорела, причем не по шнуровской вине — воспротивился коммерческий отдел журнала. Вообще, с «Афишей» у Шнурова отношения как-то

традиционно не складывались — однажды он подписался участвовать в фестивале стэнд-ап комеди, братья Пресняковы даже написали для них с Акиньшиной какое-то подобие пьесы, однако Шнур в последний момент соскочил.)

Парфенову нравился «Ленинград» (в неподдельный восторг его почему-то приводила строчка «яйца пухнут по весне, словно почки у березы»), но у него были серьезные сомнения в шнуровской вменяемости, поэтому он просил, чтобы я выступил в роли не то переводчика, не то укротителя. Я, как мог, разубеждал его, рекомендуя Шнурова как самого делового и уравновешенного человека на свете. Парфенов послушал, кивнул и мягко резюмировал: «Все-таки давайте вы тоже поедете».

Я докатился до Шнурова промозглым топким питерским утром (Парфенов вылетел в Санкт-Петербург еще накануне и теперь ждал нас в гостинице «Европа»). Шнур жил на Петроградке, слушал группу «Пьянству бойз» и уже тогда давал по три интервью в день. Я разбудил его своим приездом, и мы сели слушать свежезаписанный альбом «Пираты XXI века». «Во клавиши какие, прямо Пугачева», — радовался Шнур, приплясывая в белом махровом халате под свежезаписанную «WWW».

К Парфенову мы опоздали на час с небольшим.

Вечером 16 февраля 2002 года грянул концерт в «Юбилейном», заявленный как прощальное выступление «Ленинграда». На сцену выбрались два состава — старики плюс «Спитфайр». В самом дублировании инструментов было что-то негожее, смахивающее на столкновение жены и любовницы. «Ленинград» и так, по обыкновению, напоминал утесовский коллектив «Дружба» из «Веселых ребят» в сцене драки, на сцене «Юбилейного» это сходство лишь возросло. Однако для самого Шнурова это, конечно, был триумф — он пребывал на пике всего, что умел и планировал. Он вышел с бритой башкой, в красной олимпийке и был похож на беглого каторжника, который все-таки добежал куда следует. На песне «Терминатор» к Шнурову прильнула парочка полураздетых стриптизерш — у одной была огромная грудь, у другой — всего ничего. Под занавес он, разумеется, разбил гитару. Расстояние до сцены было большое, поэтому драйв не очень прощупывался. Зато было много крови — тогда я впервые увидел, как под музыку «Ленинграда» люди избивают друг друга, тяжко и обреченно. Такого ранее на концертах не случалось — то есть люди дрались, конечно, но скорее из общего ухарства, беззлобно.

После концерта мы со Шнуровым много выпили, я пропустил свой поезд и остался у него на ночь. Мизансцена попойки была

довольно странной — Шнуров лежал под кухонным столом, за которым сидел я, и разговаривал со мной оттуда. Вылезать из-под стола он отказывался, да я и не настаивал. Бутылка с виски сновала со стола на паркетный пол и обратно. При всей нелепице диспозиции, не позволявшей даже взглянуть друг другу в глаза, мы тем не менее увлеченно беседовали о чем-то до самого утра — ни дать ни взять постаревшие Малыш и Карлсон.

Альбом вышел в марте. Определенная наглость сквозила уже в названии — в тот год борьба с пиратством была на истерическом подъеме. После «Дачников» «Ленинград» нельзя было не заметить. После «Пиратов» с их первосортной простотой и загребущим драйвом его трудно было не полюбить. Единственный недостаток альбома заключался в некотором переизбытке гарантированного наслаждения. В привычное для «Ленинграда» бешенство просочилась легкая вальяжность. «Пираты» были тем, что рок-энциклопедии называют зрелой пластинкой. Поначалу Шнуров вообще собирался делать двойник, но потом забраковал часть материала. Например, не вошла записанная в процессе той же сессии песня «Пятьдесят в лампочке ватт, я не доживу до пятьдесят», где Шнур играл на расстроенной бас-гитаре и колотил по какой-то арматуре. (Возможно, Шнур исключил ее по понятным суеверным причинам.) Зато была введена в оборот старая, петая еще Вдовиным, «Камон эврибади» с замечательной строчкой «а песня моя — она как птица, в воздухе летает и бешено орет».

Все это развеселое творчество совершенно не нуждалось в анализе — на такое принято показывать пальцем, и этого более чем достаточно. Шнур в третий уже раз привел русский рок в чувство, в чистое чувство — лишив его тем самым вечной озабоченности смыслом. Он ухитрился выразить запах и дух не в песнях даже, а в каких-то футбольных речевках, посвященных исключительно деградации и аморалке. Вся мыслимая экзистенция по-прежнему легко умещалась в противостоянии «плюнет-поцелует»; тексты песен снова были простыми и необходимыми, словно фото на документ.

«Пираты» как могли зафиксировали небывалую концертную оторопь последних полутора лет. Правда, в фиксации былой оторопи участвовали уже другие музыканты.

После эфира с Парфеновым Шнуров окончательно расположил к себе медийное пространство. Как ни странно, ярлык алкаша тоже сработал в шнуровскую пользу. Когда люди впервые сталкивались со Шнуровым и неожиданно обнаруживали в сочинителе песни «я алкоголик, ебаный придурок» сметливого и обаятельного острослова, им была обеспечена как бы двойная

порция восторгов — Парфенов не дал бы соврать. К тому же от Шнурова многого не требовалось. В конце концов, на два принципиальных для русской культуры вопроса ответы он знал — был в курсе того, как очищается политура, и знал, отчего умер Пушкин.

Похожий случай был у британского журналиста А. А. Гилла — его карьере также в немалой степени способствовали своевременные откровения о критической проспиртованности собственного организма. С умом и талантом из шарма алкоголика можно извлечь значительные дивиденды. Ум и таланту Шнурова были, не говоря уже о шарме алкоголика. У Эмили Бронте в «Грозовом перевале» встречается хорошее выражение — пьяный в лоск. Шнур был как раз таким. Как, впрочем, и Гилл.

Благодаря этой стратегии к началу 2002 года Шнуров снискал офигенную любовь каст: менеджеры среднего звена, журналисты, банкиры, бандиты, стилистки, начинающие и маститые кинематографисты, писатели и еще черт знает кто. Однажды глубокой ночью мы сидели большой компанией во дворике на Чистых прудах. Шума от нас было много — Шнуров периодически хватался за гитару, пел «На братских могилах» и что-то еще в подобном духе. В конце концов из ближайшего подъезда вышли два матерых бугристых мужика под пятьдесят в тренировочных костюмах и молча двинулись на нас. На обожателей группы «Ленинград» они были не похожи (в любом случае Шнур к тому времени уже свалил), и мы приготовились к худшему. Поскольку часы показывали четыре утра, худшее мы заслужили. Мужики приблизились на расстояние вытянутой руки, проще говоря удара. «Ребят, — откашлявшись, произнес один, — а это чего с вами, Сергей Шнуров, что ли, был?» Кто-то кивнул. «Видишь, мудак! — Мужик торжественно повернулся к своему напарнику. — Я ж тебе говорил, это он был! Ребят, а он… еще вернется сегодня?»

В тот момент я, пожалуй, впервые в полной мере осознал не творческую, но бытовую силу «Ленинграда». Это был июль 2002 года.

К тому времени «Ленинград» настолько забурел стилистически и коммерчески, что Шнур имел все основания подурачиться на стороне. Тренировочный проект «Три дебила» к тому времени уже прекратил свое существование, и Шнуров изобрел группу «Диоды», которой полагалось исполнять синтипоп (поп-проект всегда был мечтой Шнура, еще со времен «Латекса»). Правда, первая же песня называлась «Роботы-ебоботы», что несколько подрывало желанную поп-составляющую. Другим,

более основательным и продуктивным дурачеством стал концерт в ДК Ленсовета с измененными аранжировками песен.

Шнуров позвал гурьбу сторонних музыкантов — пила, домра, конги. Плюс половина «Спитфайра», плюс контрабасист Макс Колотушка. Пузо играл на столе, уставленном бутылками. Все они вышли в майках AC/DC — майки оказались огромные, пришлось обрезать. Шнур куртуазно начал концерт песней «Не могу я жить без Светки, хоть мне сердце, на хуй, рви» с посвящением жене.

Зимой в рамках все того же заслуженного отдыха от «Ленинграда» вышел шнуровский сольник — «Мистерия звука» издавала тогда серию «Шансон с нечеловеческим лицом», куда вошли пластинки Псоя Короленко и Гарика Осипова. Альбом назывался «Второй магаданский». То был довольно потешный и сугубо авторский блатняк, который в шнуровском исполнении традиционно вызывал массу противоположных нареканий — его то обвиняли в излишне глубоком погружении в мир шансона, то, наоборот, в измене его идеалам. Альбом представлял собой приятный оммаж Северному, а также самому себе; был, в целом, не блеск, однако не без находок — взять, например, архивную «Жопу» (частично вошедшую в первый «Бумер») или абсолютно свежую «Супергуд». Диск был дописан песней «Копейка» из одноименного фильма режиссера Дыховичного.

Митя Мельников

Был фестиваль каскадеров в Тушино — прыжки на автомобилях, все дела. Мы играли перед Линдой, а после нее уже шли Guano Apes. Естественно, приехали, как обычно, все уже нажратые. Играем, играем, и на песне «Космос» Шнур почему-то решил дать микрофон Роме. И Ромеро, бухой в жопу, играет, поет, ну и забывает слова, естественно. И из толпы стали ему показывать факи — ну потому что действительно какая-то хуйня происходит, музыка играет, а слова — не пойми чего. В ответ Ромеро вместо полагающейся строчки «Вы любите женщин, а я просто дрочу» выдает речь следующего содержания: «Вы любите женщин, а вот кто показывает мне факи, тех я в жопу ебал». А на празднике присутствовало какое-то руководство Москвы. После этого решили, что «Ленинград» в Москве не должен выступать. Это было весной 2001 года.

Сергей Шнуров

Мне тогда позвонили из «Комсомольской правды» и сказали, что в Думе слушается закон о запрещении брани в общественных местах. И говорят: ваши комментарии по этому поводу. Я им

сказал: «Знаете, они собираются закручивать гайки, но они забыли, что болты-то все спизжены».

Всеволод «Севыч» Антонов

Мы на самом деле дико ждали концерта, который так и не состоялся в «Лужниках». Очень готовились, репетировали. Если б его не запретили, это, конечно, был бы пиздец всему. Это был очень сильный облом. Все просто потухли. Потом разные люди говорили, что вот, мол, как круто придумал Лужков, какой он создал пиар «Ленинграду». Да ни хуя он не круто придумал.

Сергей Шнуров

Мельников, который делал концерт в «Лужниках», позвонил мне и сказал: можете не ехать.

Я подумал: ну, блин, и слава богу. У меня в тот момент особого рвения не было. Мы сидели на студии, писали что-то. Я как-то даже и значения этому не придал. Я понял, что это не шутки, когда запретили второй концерт где-то в Подмосковье, за подписью Громова. Даже помню формулировку — «в связи с проведениями масленичных гуляний».

Светлана «Колибаба» Шестерикова

На концерт в «Юбилейном» пришла пара в бальных костюмах — им за семьдесят, и они танцевали под «День рождения». На «Ленинград» вообще никто не смотрел, все смотрели только на эту пару.

Андрей «Дед» Кураев

Для меня это был первый в жизни стадионный концерт, и на мне как на басисте, по большому счету лежала большая ответственность. Правда, на сцене еще находился контрабасист, но он толком не играл. Я и сам играл достаточно скованно — типа, преодолевал некий рубеж.

Евгения Федоровская

Днем перед концертом в «Юбилейном» мы съели грибов, пошли к режиссеру Брашинскому, сели в какое-то стеклянное кафе, меня накрыло, а тут прямо по улице идет актер Борис Щербаков. Потом, слава богу, отпустило, пошли к шнуровской Светке за билетами или проходками. Там нас поразил его сын Аполлоша, который на вопрос бабушки «А как у нас папа денежки зарабатывает?» постучал кулачками друг о друга, а на вопрос «А как мамочка их тратит?» дунул с ладошки куда-то… Ребеночку было около года, наверно. Очень артистично-цинично у него это

все вышло.

Денис «Кощей» Купцов

После концерта в «Юбилейном» Шнур хотел все остановить, всех разогнать, у него была идея уехать на Алтай, что-то в таком духе. Но потом он пригласил сначала Рому с Дедом съездить с ним в Кишинев, а потом мы поехали в Хабаровск и Владивосток — я, Гриша, Рома, Дед, Андромедыч и Серега. И с тех пор нас проперло нереально от игры.

Сергей Шнуров

Музыка превратилась в полное говно. Уже понятно, что никаких взрывов не будет. Слава тебе Господи, что «Ленинград» еще хоть как-то запрещают. Сейчас же кого запретить? Все же «ля-ля-тополя». Я еду в машине, слушаю радио, а там какие-то кроссворды, ребусы мне суют, что ж это такое, и мелодии все витиеватые, кошмар. Надо, блядь, заниматься компьютерной графикой. Это самое перспективное.

Анна Маграчева

В какой-то момент Шнур вздумал подать в суд на «Гала-рекордз». Жаловался мне:

— Они охуели, альбомы расходятся бешеными тиражами, у каждого школьника уже, по-моему, есть альбом «Ленинграда». А авторское вознаграждение за прошлый год — четыреста баксов. По моим подсчетам, процент от продаж — минимум тысяч двадцать долларов. Они считают, что я дурак, ничего не смыслящий в бизнесе и бумажках. Пираты, и те лучше. Они, по крайней мере, честно признаются в том, что они — пираты.

— А как ты выяснил про «Гала-рекордз»?

— Да делать было нечего, пошел к Ускову и спросил: не должен ли мне, случайно, кто-нибудь. Оказалось, что должны…

— Ты сам собираешься судиться?

— Нет… я бы мог, но для этого пришлось бы потратить до хрена времени. У меня есть юрист. Мы им устроим. Мне это не ради денег — на деньги мне наплевать, — а ради принципа: неприятно, когда наебывают.

Анна Черниговская

Сережа и Светик хотели купить квартиру. И спросили, нет ли у меня в связи с этим каких-нибудь светлых идей, кому что можно продать. А у моего приятеля Саши Мнацаканова была идея записать какой-то концерт и издать его. Он встретился со Светой. Они договорились на альбом «Пуля», который, видимо, был тогда

свободен по правам, и решили его выпустить. Параллельно с этим Сережа с усеченным составом «Ленинграда» участвовал в сборном концерте памяти Дюши в июле 2000 года. Осталась запись, и предполагалось ее выпустить. Выпускающей компанией должен был стать «Триарий», потому что он, собственно, эту запись оплачивал. И со всеми на эту тему была договоренность. Был замечательный договор между мной и Сережей и между мной и «Триарием», что это должно выходить в формате сборника — «ДДТ», «Ленинград» и прочие. После чего Саша Мнацаканов, человек беззаботный, понял, что актуальность «Пули» небесспорна (а купил он ее втемную) и все это как-то фигово. А на том концерте Сережа исполнил ряд новых хитов, типа «Мани-мани». Мнацаканов взял и вставил их в переиздание «Пули», выходящей на «Музыкальном экспрессе», бонус-треками, никому об этом ни слова не сказав. Вышел диск, а ситуация была абсолютно бесправная, потому что выяснилось, что Сережа и то не должен был продавать, и тем более не имел права включать новые песни куда бы то ни было, кроме как в сборник «День рождения Дюши». Все договоры были черные, деньги наличные, вся эта история тянулась, тянулась и в результате перессорила весь издательский рынок. Оказалось, что все по цепочке друг другу должны. Довольно грустная история. Безусловно, разговоры о том, что Сергей Шнуров обманул «Гала-рекордз» и вступил в преступный сговор с Александром Мнацакановым, а также компаниями «Триарий» и «Музыкальный экспресс», являются абсолютной ложью. Сергея Шнурова подставили втемную, что называется, а вместе с ним подставили и меня. Саша Мнацаканов чудный человек, он во многом сделал этот издательский рынок, но он авантюрист. С другой стороны, в атмосфере двухтысячных годов Сережа со Светой довольно безответственно подписывали разного рода документы, и хорошо, что все это закончилось относительно мелкой сварой.

Сергей Шнуров

История на самом деле элементарная. Был записан концерт памяти Дюши, а потом это каким-то странным образом всплыло на переиздании «Пули». Права на «Пулю» принадлежали «ОГИ». Ровно в тот день, когда права кончились, я и продал эту «Пулю». Права были выданы на три года. Причем второе издание «Пули» было посерьезнее, по крайней мере, там был правильный порядок песен.

Параллельно началась судебная тяжба с «Галой», которая недоплатила мне денег. И «Гала» стала валить на меня — мол, вот он сам что творит. Наш юрист Усков призвал к ответу.

Собственно, по итогам суда я имел право на любые переработки песен.

Алексей «Микшер» Калинин

После концерта в Ленсовета Женька Ай-яй-яй сказал Шнурову: «Ты number one». Я это к тому, что люди, которые типа занимались серьезной рок-музыкой, они не предполагали, что в «Ленинграде» есть и креатив, и музыка. Они думали, это шуточки. Представь себе отношение рокеров в нашей стране к блатняку. Когда я в свое время начинал играть панк-рок, для нас самым жестким опускаловом было словосочетание «кабацкие музыканты». Типа не умели квинтами играть, и Sex Pistols им по хую, о чем с ними разговаривать. А у Сереги все получилось ровно в тот момент, когда зарабатывать деньги уже не считалось зазорным. К тому же он с большим юмором к таким вещам относится. Помню, он приходит на репетицию, нам надо срочно ехать на очередную корпоративку куда-то в Краснодар, а «Спитфайр» в этот момент где-то на гастролях. Тогда мы собираем следующий состав — я, Серега, Андромедыч, Севыч и саксофонист Леха Канев. Он называется «жопкин хор». И как он называется, так он, собственно, и звучит. Мы пробуем играть эти песни впятером, они что-то не очень получаются, а Серега смеется: «Да ну на хуй, за такие деньги…»

Александр «Сашко» Привалов

Я-то понимал, что с «Ленинградом» скоро лавочка закроется. Как мне сказал однажды Севыч — ты, Сашко, не с теми дружишь. Мы как-то со временем все больше отделялись — я, Ромеро и Квасо. Ну и Митька, барабанщик, частично. Появилась кличка битлы, это Пузо, кажется, придумал. Пузо у нас вообще такой… любитель Зощенко.

Алексей «Микшер» Калинин

Слово «битлы» я узнал от Димы Левковского, он когда-то был менеджером «Игр» и «Народного ополчения», в котором я играл. В больших коллективах всегда так бывает — они делятся на нормальных людей и так называемых битлов. Битлы — как дети, за ними надо следить. Ну и есть люди, которые за них отвечают. Деление было четким — отношения между Серегой, мной, Андромедычем, Пузо и Севычем были одни. Отношения между битлами и всеми вышеназванными были несколько иными. Собственно, ничего уничижительного в этом слове нет. Но легкий оттенок пацанского стебалова присутствует. Постепенно битлы совсем распоясались, выступали в непотребном виде. А у меня

тогда был собственный проект «Север-комбо», я пробовал каких-то музыкантов из «Ленинграда», в частности Сашко, но он долго не продержался, потому что регулярно опаздывал на репетиции на час, хотя приходил всегда с тортиком. Но я достаточно жесткий человек, поэтому с музыкантами расстаюсь легко. И я не один раз говорил Сереге, что пора уже этот сброд подубрать. Но Серега очень добрый человек — если уж он меня не убрал из группы… Но эти алкаши-трубачи уже элементарно переставали играть.

Александр «Сашко» Привалов

Последний раз мы со Шнуровым поговорили на концерте в Таллине. В бизнесе есть такой способ управления — когда ты меняешь полностью команду и из-за этого у тебя вырастает авторитет. Мне казалось, что Сереге не хватало как раз этого. Мы не боготворили его, мы вполне готовы были делиться с ним славой. А вот он делить ее с нами явно не хотел. Он мне сказал: я среди вас не ощущаю себя Наполеоном. Ну, типа, не армия вы ни хуя. На что я ему возразил, что Наполеон-то свою армию кормил. Ему это дико не понравилось.

Причина нашего увольнения явно была не в алкоголе. Если посмотреть на нынешний состав — все так же бухают на концертах. А я так вообще особенно не бухал. У меня до сих пор нет привычки похмеляться. Я даже иногда получал за концерты двойной оклад — когда Васо или Ромеро спьяну не играли, я дудел за двоих. Просто Шнуру было важно, чтобы рядом находились либо его друзья, либо люди, которые беспрекословно выполняют его команды.

Митя Мельников

В 2002 году Шнур уже начал играть со спитфайрами. А концертов мы тогда уже почти не играли. Были какие-то смешные деньги за запись музыки к сериалам — чисто на поесть. И кто-то узнал, что Шнур со спитфайрами летит в Венгрию играть для какого-то олигарха, а нам всем предлагает — уже после того, как они вернутся, — приехать на «Нашествие», где все играют бесплатно. Ну и как-то это нас задело, и не поехали мы на «Нашествие». И с тех пор Шнура я больше не видел.

Александр «Сашко» Привалов

Шнур сказал, что у нас каникулы, летний перерыв. А сам стал ездить играть концерты с другим составом. Как сказал нам однажды с Ромеро старый питерский хиппан Айболит — это ж наебулька была. Этот Айболит спиздил у нас бутылку, а мы

потребовали объяснений. Он и сказал: наебулька. Так и тут. Шнур же прямо ничего не говорил. Каникулы какие-то выдумал…

Денис Рубин

Серега сделал мудрый шаг, когда разогнал эту банду. Они офигенные все люди, но играть не умеют совсем — в смысле дисциплины. Взять того же Фокина, который неуправляемый совсем. Шнур сменил состав, поняв, что проект перерос в нечто большее. Старая команда уже элементарно не выдерживала того, что он хотел.

Денис «Вейч» Вейко

«Спитфайр», конечно, более вменяемые люди, но с ними в некотором смысле сложнее, потому что группа стала более поляризованная, со своими фракциями внутри целого коллектива. При старом составе Серега всех жестко держал в кулаке. Он и сейчас, конечно, всех держит, но не так авторитарно. Поэтому очень часто приходится идти на компромиссы. От этого моральный климат стал тяжелее.

Ира Седова

Ромеро меня однажды довел до форменной истерики, я два часа рыдала. Он, когда пьяный, вообще ничего не соображает. А иногда с ним весело было.

Илья Бортнюк

Первый состав «Ленинграда» был сложный сточки зрения организационных моментов, но по части первобытного драйва он, конечно же, затмевал «Спитфайр». И хотя профессионализма особенного не было, играли они в принципе нормально. Не было ощущения какой-то сплошной лажи. Делали ровно то, что было нужно. Сейчас же попер элементарный профессионализм и работа на публику, причем на довольно странную публику. В общем, мне немножко жалко. Таких концертов, как в «Спартаке» или в «Ирвинг-Плазе» в первую нью-йоркскую поездку, больше, видимо, не будет.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Сколько я ездила с ними по стране, кисляка на концертах нигде не было. Народ всегда перся по-честному. Самая дикая публика почему-то в Таллине, все лезут на сцену, тебя опрокидывают, ну пиздец, короче.

Сергей Шнуров

Все участники нашей группы родились в Ленинграде. Ну, кроме Деда, который из Кабардино-Балкарии, и Лехи Канева, который из Петрозаводска. Но штука в том, что такого города — Ленинград — больше нет. А в паспорте он значится. Получается, что мы родились в несуществующей хуйне. В городе-призраке. Но для русского человека идея важнее жизни, и любые фантасмагории приживаются быстрее, чем факты.

Александр «Сашко» Привалов

Сам Шнур с годами ни капли не изменился. Просто он от нас отдалялся. Друзья остались, а наемники сменились, вот и все.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

С уходом битлов появилась стабильность. Во-первых, новые парни гораздо лучше играют на инструментах. Без них не было бы такого… раггамаффин-звучания некоторых песен, как они это называют. Пианист любил говорить, что песня «Где же вы, бляди» это раггамаффин. Я, честно говоря, до сих пор не знаю, что это такое. Вообще, со сменой состава все изменилось как в кубике Рубика. Вроде бы грани те же, но цвет, отклик — все другое. Когда Серега играл на басу, был совершенно другой драйв. Когда ты играешь в коллективе, всегда есть главный инструмент, на который ты ориентируешься. И главным инструментом был бас. А поскольку Серегин грув совершенно безумный, он все и вытягивал. Этого грува и этого состояния сейчас очень мало.

Алина Крупнова

Антоненко первым в «Ленинграде» начал отдавать себе отчет в том, что в отношениях со Шнуровым нужно не спонтанное братание, а линия поведения. И он очень правильно сориентировался. В этом смысле были большие проблемы со Светой Колибабой, с которой он тогда жил. Она говорила, мол, вот, Шнур тебя зажимает, топчет и все такое.

Алексей «Микшер» Калинин

Шнуров очень часто увлекает за собой людей в бездны распутства. И люди начинают зарываться и не понимают, что с ними происходит, поскольку они вроде как попадают под его протекторат. Так, в частности, случилось с Ромеро. Сложности возникают в тот момент, когда человек перестает понимать, где заканчивается Шнуров и где начинается он сам. Шнуров умеет, что называется, воткнуть, но он не жесткий человек, поэтому все происходит достаточно вкрадчиво, и люди не успевают даже сообразить, что они уже изъясняются не своими словами и

думают не своими, а его мыслями. В нашем трижды мотострелковом коллективе многие товарищи не понимали простого принципа — что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку. Сережа в этом смысле очень опасный человек, он может увлечь за собой на дно, только у него хватает сил на следующий день выныривать, а у людей нет. Они вообще забывают о том, что у них есть собственное мнение и предпочтения во всем, начиная от алкогольных напитков и заканчивая рок-н-ролльными ритмами.

Роман Парыгин

Единственное, что мы аранжировали практически полностью, это «Пираты XXI века», поэтому до сих пор многие говорят, что это очень похоже на «Спитфайр», ну это факт, там действительно много ска-панка так называемого.

Илья «Пианист» Рогачевский

Я «Пиратов», по-моему, не записывал. Честно говоря, я не помню — можно на обложке посмотреть, там тогда еще писали фамилии участвующих. Окончательно я стал играть в «Ленинграде» с июня 2002 года. Все мои воспоминания об этой группе упираются в то, что в группе много народу, все пьяные, ну и весело.

Роман Грузов

«Спитфайр» — дети конца восьмидесятых, последователи групп типа «Пупсы», откуда вышли Женя Ай-яй-яй и Дусер, или «Буква 0», которая потом превратилась в «Ножик для фрау Мюллер»; или Swindlers, где, собственно, играл Кощей. По сравнению с тем, что тогда происходило в Ленинградском рок-клубе, это был мощнейший прорыв — по музыке, по внешнему виду, по самой идее не петь по-русски. Они одевались по-другому, они ездили за границу, смотрели, как там играют. Тогда же вышел сборник «Psycho Attack», первый, с крысой на обложке. Swindlers — главные в городе по психобилли вместе с Meantraitors — вылезли на улицу, играли на паперти у собора на Невском. Это было в 88 году. Отчетливое начало новой музыки. Составы перетекали друг в друга, это тоже была сугубо западная тема. Вдобавок в 94 году, когда приплыл «Штубниц», случилось мощное объединение тусовок, потому что ночи были отданы клубу «Тоннель» с его техно, а дни — клубу «TaMtAm» с его роком. Swindlers собирали в «TaMtAme» нереальное количество народу, это была дико важная группа. И ключевые музыканты «Спитфайра» — Дед, Лимон, Рома Парыгин — все они родом из

«TaMtAma». А вот Шнура я в «TaMtAme» не припоминаю.

«Спитфайр» играли в Европе на улицах, они вообще с самого начала стали бешено гастролировать. Так никто здесь не делал — может, «АукцЫон» только. У «Спитфайра», кстати, тоже был автобус. У них был совершенно западный подход, и со своим профессионализмом они неизбежно должны были приземлиться к какому-нибудь человеку типа Шнурова. Некоторый парадокс заключается в том, что абсолютно антирок-клубовская группа пошла в услужение к главному современному русскому рок-поэту.

Денис «Кощей» Купцов

Шнур был в «TaMtAme». Он играл в группе «Алкорепица», и еще какие-то проекты были смешные у него. Но это был совсем уже поздний «TaMtAm», он его совсем чуть-чуть застал. В основном он стал проявляться в «Манхэттене» и в «Арт-клинике». У меня до сих пор дома валяется флаерс, где «Ленинград» играет на разогреве «Спитфайра». Мы уже ездили вовсю, у нас уже был второй альбом, когда у них только вышел первый. Но все равно Шнуров тогда жутко всем нравился.

Митя Мельников

Тогда были какие-то обиды, реально детские, сейчас я понимаю, что сами все проебали и жаловаться не на что. Шнур охуительный менеджер, он все делает очень правильно. Просто когда денег не было, мы все решили, что мы вроде бы партнеры. А на самом деле ни фига не партнеры, а наемные работники. В принципе нормально, потому что по тем временам зарабатывать в Питере штуку долларов (как я) — это было очень круто. И это всех расслабило. Типа, денег до хуя, а чего еще надо. Не было стимула что-то дальше делать, придумывать, развиваться. Отыграли концерт, ну и заебись.

Алина Крупнова

А как эти люди могут злиться на него, если он ответственен за самый лучший период их жизни? Благодаря Шнурову у них был огромный зал, который бесновался под носом у того же Саши Привалова, и это забыть невозможно. Ты можешь впоследствии быть кем угодно, хоть академическим музыкантом, но многотысячный зал, который рвет на себе лифчики перед твоим носом и который уже не повторится, забыть нельзя.

Григорий Зонтов

Я познакомился со Шнуровым при следующих обстоятельствах. Прихожу на студию записывать партию

саксофона. А в студии в этот момент находятся Ромеро, Сашко и Васо из того состава. И Серега тут же выгоняет их со студии. Я помню, он им сказал: «Я не настолько богатый человек, чтобы проебывать тут все с вами». Я подумал: «Ничего себе, „Ленинград“ вроде бы все из себя распиздяи, и вдруг такой жесткач. Молодец, своего не упустит».

Александр «Сашко» Привалов

Если б я умел рисовать, я б изобразил эту ситуацию так. Есть некий автобус, все музыканты толкают его в гору. А Шнуров сидит в кабине и говорит: правее, левее, теперь прямо. А когда этот автобус на горку затолкали, чуваки, разумеется, подвыдохлись слегка. Так теперь можно и других чуваков взять. Тем более что автобус-то уже на ровной площадке. Можно его даже и под откос пустить — для веселья. Если честно, я до сих пор не понимаю, на фига он так сделал. Все же было… неплохо. Команда была раньше посильнее по духу. Новые ребята играют, может, и поровнее, но фишка-то была в другом.

Алина Крупнова

Это не первый вокально-инструментальный ансамбль в моей жизни, и я наверняка знаю, что когда много мальчиков занимается одним делом и при этом все находятся в разном статусе — это, в общем, нездоровое братство. Степень приближения к Сергею — всегда момент колеблющийся. Выборная должность любимого друга, она же существует.

Александр «Сашко» Привалов

Я считаю, что нам хоть что-то, но должны были за запись альбомов платить. Шнур ведь как сделал? В какой-то момент он собрал нас всех в «Грибоедове», раздал нам всем контракты. Вот, говорит, чуваки, ознакомьтесь. А мы, разумеется, не сильно разбираемся в контрактах. Понятно одно — мы от всего отказываемся, от любых прав на музыку. Ну и мы говорим: а на фига нам такой контракт нужен? Шнур отвечает: вы не понимаете, вы же все права передаете мне, и общая сумма будет, естественно, больше, потому что если ее делить, то там будут налоги вычитаться ну и все такое прочее. Ну, мы услышали, что сумма будет больше, и на радостях подписали.

Я долгое время думал, что мы получаем поровну. Мне казалось, что это нормальные деньги: сто-сто пятьдесят долларов за концерт. Но в какой-то момент стало выясняться, сколько на самом деле стоил тот или иной концерт «Ленинграда». Я бы, может, отнесся к этому нормально, если б мне спокойно

разъяснили. Уверен, что никто не был бы против того, что лидер группы берет больше денег. Я просто очень близко к сердцу принимал этот проект, мне казалось, что это дело жизни, был уверен, что у нас все происходит честно и по дружбе.

Илья Бортнюк

Шнуров очень талантливый человек, при этом он прекрасно понимает, как этот бизнес работает, как продать ту или иную идею. Он очень хорошо руководит своим бизнесом под названием «Ленинград». Он же единоличный владелец бренда и никому никогда не отдавал и не отдаст никаких прав на него. Это очень серьезный талант.

Сергей Шнуров

Со «Спитфайром» у меня никаких проблем не было. Они ж понятливые, и потом они изначально знали, кто тут главный. У них же на собственных репетициях чуть не до драки доходит. Они мне должны быть в этом смысле благодарны — я дал им возможность репетировать без срача. Просто у них в коллективе ебучая демократия, а она для искусства на хуй не нужна.

Олег Гитаркин

В какой-то момент Кощей надоумил Шнура, что у него должен играть «Спитфайр» вместо предыдущих музыкантов. Собственно говоря, правильно — они на куда более профессиональный уровень вышли в плане музыки. По-моему, глупо с благоговением вспоминать старый состав, этого Ромеро дебильного. Шнур сделал абсолютно правильный ход — он же оставил всех своих главных собутыльников, типа Севыча, Пузо, Андромедыча, которые фигурировали с самого начала. Поэтому душа «Ленинграда» как таковая осталась на месте, а то, что там трубач не Вася, а Петя, это всем по большому счету по барабану. Я считаю, что настоящий угар к «Ленинграду» пришел как раз в новом варианте. Хотя я лично эту группу за угарную вообще не считаю. Нет, в классическом понимании это, конечно, одна из угарных групп, потому что Шнур действительно может и в драку влезть, и испиздить своего друга, приняв его спьяну за врага. По сути, это угар. Но не в моем понимании.

Денис «Кощей» Купцов

Гитаркин все путает, как всегда. Это была шнуровская идея — сделать джем-сейшн для альбома. Мы встретились в ЛДМ, там был фестиваль, где играли и «Ленинград», и «Спитфайр». Мы затусовались с Серегой в буфете, сидели, бухали, Шнур говорит:

вот, Кощей, хочу пригласить вас на запись альбома. Я говорю, без проблем. Когда мы вошли в студию, мы ужаснулись от того, как работал его тогдашний коллектив. То есть было понятно, чего Серега хочет от этой группы, но было абсолютно непонятно, как этот коллектив собирается претворить это в жизнь. Ну, мы влились в работу, и нам жутко понравилось. Сереге понравилось, как быстро мы аранжируем вещи, причем сразу с ним вместе. А нам понравилось, что он вообще не запаривается над какими-то глобальными идеями. Принял решение — и тут же сделал. А потом он постепенно начал приглашать нас на сейшены, и в один прекрасный момент мы начали понимать, что какая-то хуйня происходит и мы подсиживаем ребят. Нехорошо. Серега там дописывал еще какие-то вещи и окончательно уже с ними разругался, ну и вынес такой вердикт — буду с вами играть, с ребятами меня не прет. Ребята тоже, естественно, напрягались, но в конце концов Серега очень долго их терпел. Он нас стал чаще приглашать, и мы перестали задавать вопросы. Нас друг от друга перло, и постепенно мы влилйсь в состав плотно.

Андрей «Дед» Кураев

В какой-то момент ценник группы сильно побежал вверх. И Шнур начал привлекать все новых музыкантов. Так постепенно все и стали играть. Хотя Шнуров, видимо, и сам сначала не понимал, надо это ему или нет. Он только разогнал одних и не был уверен, нужна ли ему новая орава.

Константин «Лимон» Лимонов

Я был в Германии, вернулся, меня Дед встречает в аэропорту и сообщает: знаешь, мы теперь играем в группе «Ленинград». Это все произошло без меня. Я первые концерты с ними сыграл в Германии. Собственно, знаменитый «голый» концерт в Нюрнберге это был мой второй опыт с ними. Я уже тогда подумал: пиздец, скучать в этой группе явно не придется.

Электричество на первых концертах со Шнуровым было такое, что меня просто выносило куда-то. Мы до этого играли много, но в основном по маленьким клубам, где все шло относительно спокойно. А тут я попадаю в группу, которая сразу же заряжена на стадионы. Нас засовывали в какие-то хоккейные комплексы во всяких Ростовах, Донецках, и везде зал вскрывался на каждом концерте. Током бьет от страха. Со «Спитфайром» у меня такое было только однажды — на фестивале в Вильнюсе, где было сорок тысяч человек. Я к «Ленинграду» привыкал где-то полгода. Я тогда понял, как развивается звездная болезнь: тебя просто накрывает волной и ты перестаешь соображать. Когда ты

ловишь волну, строго говоря, уже не так важно становится — пить или не пить на концертах.

Митя Мельников

«Спитфайры» делали то же самое, что и мы, но куда профессиональнее. Они очень много играли за границей, в Германии и еще где-то, поэтому у них западный подход. Они умеют не ошибаться и работать на публику — вовремя улыбнуться в камеру и все такое.

Всеволод «Севыч» Антонов

Я до сих пор считаю, что старые истории с битлами были гораздо интереснее. «Спитфайр» — дико хорошие все чуваки, но они устоявшаяся группа. А тогда был ебанизм от души, вдруг поперло. Все было очень искренне, и то, что битлы зазвездили, это тоже понятно. Они, конечно, совершенно охуели от навалившейся популярности, бухача, веселья и безнаказанности. Не было же вообще никакого давления. С одной стороны, правильно, что их нет. С другой стороны, с изгнанием битлов все смешные истории закончились. Ну, так чтоб совсем смешные.

Сергей Шнуров

Рано или поздно мы все соберемся, наверное. Но какое-то время просто не хочется общаться друг с другом. Устали. Реально. У нас ведь нет наемных музыкантов, все на товарищеских отношениях держится, поэтому сложно.

Алексей «Микшер» Калинин

С появлением «Спитфайра» мое участие в группе стало совсем эпизодическим. «Спитфайр» не совсем мой коллектив, к тому же я тогда перебрался в Москву, к подруге. А года полтора назад опять стал играть с «Ленинградом». Мне никто

Нет страницы 179

богатых в качестве образца нового русского джентльменства выдвигал сомнительную с точки зрения глянцевой эстетики фигуру. Тогда портфельные инвесторы еще только начинали переодеваться в дорогие костюмы и буржуазность была характеристикой форменной, а не содержательной. В журнале это формулировалось примерно так: поскольку в пиджак нужно наряжаться по-любому, остается два выхода из этой ситуации. Или быть в пиджаке и пидором. Или быть в пиджаке и со

Шнуровым. Выбор невелик, а поскольку большая часть аудитории не хотела становиться пидорами, ей пришлось в качестве единственной альтернативы держаться Шнурова.

Тогда же и началась мода устраивать корпоративные вечеринки, где белые воротнички плясали под «все заебало пиздец нахуй блядь».

Апогеем шнуровоцентризма стало читательское голосование «Человек года», где Шнуров впрямую конкурировал с Путиным. Для порядка там было еще несколько номинантов, но мне было заранее ясно, что основная борьба развернется между этими двумя.

Голосование шло несколько месяцев, и в конце концов Путин с незначительным перевесом победил.

Однако редакция GQ волюнтаристски переиграла партию в пользу Шнурова с формулировкой: конкурс называется «Человек года», а Шнуров больше похож на человека.

Церемония награждения проходила в ресторане «Белый квадрат». Там собралось человек триста московского бомонда. Шнуров должен был сыграть небольшой концерт. Из присутствующих еще мало кто слышал это живьем. Шнуров потребовал, чтобы у него была разогревающая группа, и сам привез с собой эту группу, состоящую из бывших музыкантов «Ленинграда» Ромеро и Сашко. Они часа полтора пели чудовищного содержания и бесконечной длины песни про каких-то уток, так что респектабельная общественность уже начала несколько охуевать, не понимая, что вообще происходит. Даже если бы Ромеро просто кричал «хуй, хуй» — это всех больше бы устроило, чем все эти непонятные страдания, в которых трудно было разобрать хоть полслова.

Директор издательского дома «Конде Наст», который издает GQ, умолял меня сделать что-нибудь с этим, потому что публика недоумевает и вообще кошмар.

Я сказал об этом Шнурову, но он только улыбнулся. И вообще он, кажется, был счастлив этим обстоятельством и готов был слушать песни про уток до бесконечности.

Наконец все это стало совсем уж невыносимым, я плюнул на уговоры и пошел выпивать в бар, предоставив вечеру идти так, как он идет. И тут на сцену выскочил Шнуров с «Ленинградом». Они в бешеном, хардкоровом темпе отыграли пять шлягеров, в основном из «Дачников», и Шнуров в три приема разбил в щепки гитару. Он тогда это делал на каждом концерте, но так удачно, мне кажется, у него ни разу не получалось.

Директор «Конде Наста» смертельно побледнел, предвкушая, видимо, в какую сумму рекламных убытков обойдется эта

выходка издательскому дому, зарабатывающему на том, что он самый респектабельный и буржуазный в мире.

Однако публика аплодировала, как будто балерина Павлова исполнила на редкость удачное фуэте.

Сергей Шнуров

Путин учился в 281-й школе, а я напротив — в 266-й. У Путина была дико гопницкая школа. Восьмилетка. Потом она стала десятилеткой, но все равно все гопники учились там. Она была химическая, и после нее можно было поступить в Технологический институт.

Летом 2002 года «Ленинград» отличился дважды — в Нюрнберге и в Раменском — и оба раза капитально. В Нюрнберге они играли вместе с «АукцЫоном» и «Гражданской обороной». Клуб, в котором все они выступали, был непотребно жаркий и душный. Однако если «АукцЫон» и «ГО» перенесли жару стоически, сохранив приличествующий человеку облик, то Шнур и его наперсники разврата не нашли ничего лучше, как раздеться догола и отыграть в таком виде концерт.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Там ни кондиционера, нифига. Нереально играть в такую жару, ну и они решили раздеться, а мы с девчонками сидели и сравнивали, у кого больше. Они еще друг другу говорили: надо хоть вздрочнуть, чтоб они больше казались.

Когда они вышли голые, какая-то пьяная девица выскочила на сцену, типа — что вы делаете? А Шнур ей говорит: «Ты чего, ебаться хочешь? Ну иди сюда». Господи, а все эти музыканты стоят, у них с концов капает пот, ну ладно Андромедыч с тубой, он хоть прикрыться может, а дудки-то ужас вообще. Зрелище отвратное, что и говорить. У лидера, кстати, все в порядке, уж не знаю, вздрочнул он или что, но у него все хорошо в этом плане.

Роман Парыгин

У певца яйца сам знаешь какого размера.

Егор Летов

Я «Ленинград» до этого вообще не слышал. Меня омские люди, которые занимаются пиратством, постоянно просили купить в Москве «Ленинград» какой-то там альбом. Среди них это было страшно популярно. Судя по уровню народа, который заказывал эти пластинки, я решил, что это какая-то невероятная топота. И мы до концерта с ними не встречались. Нас привезли на

площадку, мы настроились, ну и поехали назад в гостиницу. Звук, помню, был очень дрянной. А само помещение — нечто вроде бани. Пустой кирпичный ангар, у которого под крышей маленькие окна.

А меня всегда очень занимал момент, кто перед нами играет. Это вроде как не разогрев, но все равно важно — по энергетике, по воздействию. Как Led Zeppelin играл в свое время перед Iron Butterfly, ну и убрал этот Iron Butterfly. Мы приезжаем примерно к часу ночи играть, видим странную картину — из окон валит белый дым, ощущение, что там пожар. И я поднимаюсь по лестнице к сцене — смотрю, белый туман и в нем голая жопа! Я смотрю: группа полностью голая, некоторые в носках. И играют столь лихо! Я стал слушать, думаю: ебаный в рот, как они классно играют. Это был такой дикий панк-ска, залихватский, с риффами. Я даже испугался в какой-то момент — думаю, ну как после них выходить. Причем у них какая-то очень положительная энергия идет, веселая, жизнерадостная, видно, что люди просто играют с максимальным драйвом. Единственный выход в той ситуации был — противопоставить максимально белому максимально черное. И мы тут же на ходу составили программу совершенно мрачную, черную. В результате мы дали такого мрака, типа готики. Самой быстрой песней была «Тошнота». Ну и в результате народ раскачали уже в другую сторону. Но это было на пределе возможностей, я думаю, это последний случай, когда мы с «Ленинградом» вместе выступали, потому что после них очень тяжело играть.

После концерта мы со Шнуром поговорили, оказался — неожиданно — очень умный, рациональный, отчетливо просчитывающий ситуацию. Он такой крепкий, держится долго, в силу возраста, может быть. Лишнего не скажет, лишнего не сделает. Он просчитывает свои ходы, за это я его, в принципе, уважаю. Я вообще «Ленинград» уважаю даже не за творчество, а за то, что они делают со своим творчеством. Они гениально его подают. «Ленинград» — это на самом деле девяносто процентов подача. Такая ситуация в нашей стране сложилась, что нужно было в определенное время в определенной точке сделать вот то-то и то-то. И они это сделали на все сто, на триста, на четыреста процентов.

После этого еще виделись, на наши концерты он заходил. В общем, у меня такое впечатление, что мы одним делом занимаемся, только с разных сторон. Я много по стране езжу и много легенд про него слышал, как он там автоматы у ментов отбирал. Но сам я ни разу не видел его пьяным.

Вскоре после акции в Нюрнберге случился фестиваль «Нашествие», где хедлайнером работал «Король и Шут», Земфира выступала в маечке AC/DC (почти как Шнуров в ДК Ленсовета), а «Ленинград» сыграл едва ли не самый впечатляющий концерт в своей жизни. Они вышли на сцену часов в шесть вечера. Уже через двадцать минут беспардонному заклинанию «Все заебало, пиздец на хуй блядь» подвывало под открытым подмосковным небом без малого сто тысяч человек. Гитару Шнуров на сей раз разбивать не стал — возможно, потому что за несколько часов свой струнный инструмент на той же сцене ни с того ни с сего расколотил вокалист малоподвижных «Смысловых галлюцинаций». Сразу после «Ленинграда» вышел Гребенщиков и, чтобы как-то соответствовать атмосфере, с ходу зарядил «Пригородный блюз». Впрочем, это ему не помогло.

В дни фестиваля канал ТВС выходил с прямыми включениями из Раменского. Разумеется, эффект массового поражения фразой «все заебало, пиздец на хуй блядь» по телевизору не показывали. Зато показали другой любопытный сюжет. Воскресный эфир строился следующим образом: куски концертов перемежались короткими интервью на злобу рок-н-ролльного дня. Брал эти интервью Антон Комолов. В один прекрасный момент ему вздумалось что-то выяснить у лидера группы «Ленинград». Шнуров стоял, бледный от похмелья и гордости, обросший, и, пощипывая бороду, задумчиво смотрел куда-то в землю. Уже один его вид наводил на мысль о скорейших оглушительных неприятностях. Однако Антон Комолов подвоха не ощутил и бодро сунул Шнуру под нос микрофон. (Хотя у него к тому времени уже был горький опыт общения с отечественными рок-исполнителями — не кто иной как Петр Мамонов на телепередаче «Земля—воздух» разделал улыбчивого телевизионщика, как бог черепаху.) Шнурову разговаривать не хотелось, он отвечал вяло и невпопад, и тогда журналист предпринял смелую попытку оживить беседу. «Скажите, — Комолов хитро улыбнулся и, кажется, даже подмигнул в камеру, — я слышал, что на последнем концерте в Нюрнберге вся ваша группа вышла на сцену абсолютно голая. А для зрителей „Нашествия“ вы приготовили какой-нибудь сюрприз?» «Конечно, — с ледяным спокойствием ответил Шнуров, — на сегодняшнем концерте я отрежу себе хуй».

Он даже не взглянул в камеру, отчего эффект получился ужасающе мощным в своей обыденности. На дворе стоял 2002 год. В прямом эфире подобными заявлениями как-то доселе не разбрасывались. В общем, как выражается в таких случаях мой товарищ Андрей Карагодин, универсум дал сбой. Так или иначе,

выходка Шнура была сравнима разве что с легендарным генсбуровским «fuck» в адрес Уитни Хьюстон. Комолов посерел. Канал ТВС и так ходил в неблагонадежных, и единственное, чего ему не хватало, так это публичной матерщины в дневное время из уст человека, по которому только что не тюрьма плачет. В ужасе от последствий собственной провокации А. К. спешно поблагодарил Шнурова и провозгласил рекламную паузу. А что еще было делать?

Алексей Зимин

В Раменском «Ленинград» играл перед «Аквариумом». На сцене там было что-то вроде хоров, на которых толпились дожидающиеся своей очереди музыканты и их свита. До «Ленинграда» все что-то там свое выпивали и обсуждали дела, не обращая особого внимания на то, что делается в партере и на сцене. Но «Ленинград» так зажег стадион, что у всех, кто толпился на этих хорах, пиво застряло на полдороге к горлу. Гребенщиков сидел бледный и растерянный — видно было, что он просто не знает, как себя вести, что сказать и что такое сделать с публикой после Шнурова. Снять штаны? Разбить гитару? Закричать «хуй»? Лицо у него было, как будто ему только что разбили бейсбольными битами новую машину. «Ленинград» отыграл, и тут стало понятно, что Шнурову будет трудно уйти со стадиона, потому что толпа не прочь унести домой по его кусочку. Тогда ОМОН выстроил две живые стенки — от сцены до машины, — и под прикрытием камуфляжных туш Шнуров как-то ускользнул.

Борис Гребенщиков

Я с группой «Ленинград» не встречался, более того — музыки их не слышал, кроме одного раза, когда мы вместе играли на фестивале. Со сцены я сказать не могу, но реакция огромного поля — потрясающа. Эстетически мне это оценить сложно, потому что это, безусловно, не мое. А сам Сережа — я видел его два или три раза — произвел на меня очень хорошее впечатление. Человек, с которым можно иметь дело. Он себя уважает. И поэтому он уважает других.

Всеволод «Севыч» Антонов

На «Нашествии» было тысяч сто народу, и все орали: «Где ваши руки, бейте в ладоши, суки!» С одной стороны, дико приятно, с другой — реально страшно. Это ж не Tabula Rasa в пятьсот человек. После этого изменился даже не статус, а отношение самих к себе.

Алина Крупнова

Шнурову не очень идет большая сцена, поэтому он очень мудро на «Нашествии» в Раменском нагнал еще человек десять на сцену, для кучности — того же Сукачева с половиной группы. Впрочем, жесты у него узнаваемые. В любом случае — на кого, кроме него, приятно смотреть на концертах, причем все время и в промышленных масштабах?

Илья «Пианист» Рогачевский

Выезды были очень — мы же в России до этого практически не играли. И вот увидеть провинциальную реальность. Перелезать с балкона одиннадцатого этажа в городе Одесса, потому что друзья закрыли в номере, а нужно выйти, а наутро убедиться, что расстояние между балконами пять метров.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Бывали затяжные гастроли, по месяцу. Очень тяжело. И вот мы спим в поезде — Андромедыч, Пузо, Шнур, — все пьяные, вонючие, я говорю Шнуру: слушай, ну сними носки и иди помой ноги, наконец. А он мне: «Побрей пизду, пизда!»

Константин «Лимон» Лимонов

Я сбился со счету, сколько гитар он разбил на моей памяти, в том числе и дорогих. Было время, на гастролях специально покупалась гитара какая-нибудь, за сто бачей, и на месте расхуяривалась. С собой он гитару вообще перестал возить.

Илья «Пианист» Рогачевский

Главная прелесть большой группы состоит в том, что ты можешь естественным образом варьировать свой круг общения. Можно отдохнуть друг от друга, тасуя компании.

Сергей Шнуров

Люди просто ждут от «Ленинграда» этакого… некоего. Но это некое кончается. Я это чувствую яйцами, отсутствие воздуха. Раньше я мог писать по три песни за вечер. А сейчас я просто не хочу этого делать, мне неинтересно. Раньше я дышал, жил и мне было вообще по фигу все. Я мог писать альбомы в долг. Сейчас я этого делать не буду. Время другое. Век кончился.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Серега вообще сильно старше своего возраста, он думает на сорок, на сорок пять лет.

Анна Маграчева

Были с ним за городом, вышли к какой-то церкви. Шнуров, босиком, пьяный, с грязнющими ногами, подходит к священнику:

— Добрый день, батюшка. Я бы хотел исповедоваться.

— Нет, сегодня не могу, в следующий раз.

— Мне нужно именно сейчас.

— Нет, сейчас не получится. И потом, вы не в том состоянии.

— Примите исповедь.

Священник отворачивается от Шнура и знаками показывает нам, что алтарь нужно обходить по часовой стрелке. Шнуров продолжает:

— А зайти мне в церковь босиком тоже нельзя?

— Лучше не надо.

— Все понятно.

Отходит в сторону, на глазах слезы. Говорит: «Как же можно исповедоваться трезвым? Как?!»

Алина Крупнова

У нас был проект постановки «Сирано де Бержерака» со Шнуровым в главной роли. Он очень заинтересовался, тем более что режиссером планировали сделать Дыховичного. Дыховичный, надо сказать, с самого начала не собирался заниматься спектаклем. Ему просто нравилось за столом об этом поговорить. А делать что-то надо, уже был утвержден бюджет, и пошли косяком всякие другие режиссеры. Тут-то Серега и свалил. Потому что он рассчитывал работать с Иваном, и здесь он ошибся, потому что это театр, в котором Иван был еще больший дилетант, чем он сам. Шнуров вообще не очень любит ситуации, когда он не справляется. Он любит, когда его любят, при этом своей любовью не напрягают.

Денис Рубин

Шнур часто вписывается в истории, о которых потом жалеет, но никогда не сливается, как-то выруливает. Например, однажды я его втянул в историю с «Бойцовским клубом» на питерском канале, когда музыканты дрались друг с другом. Шнуров согласился — может быть, ему просто было неудобно, что я вообще ничего не заработал на «Ленинграде», когда был их директором, поэтому и согласился.

Через месяц он о сказанном, конечно, пожалел, но все равно пообещал приехать. В конце концов он накануне эфира сломал руку и в качестве компенсации предложил выставить вместо себя Талалакина, чемпиона, на секундочку, СНГ по боксу. «Отпетые

мошенники», заслышав про подобные перспективы, от боя отказались, но, к счастью, Талалакин учился в музыкальной школе с одним из «мошенников», он к ним пришел и пообещал сильно не бить.

Всеволод «Севыч» Андреев

Тема ездить втроем родилась очень просто. Когда выгнали битлов, то решили, что группа «Ленинград» распустилась. У нас была поездка в Челябинск и Свердловск составом, не знающим аналогов в мире. Серега на гитаре, я — бубен и маракасы, Саша Пузо — ладоши. Он почему-то решил, что ему не надо брать с собой барабан. И мы играли, блядь, полуторатысячный ДК. Сидячий! В Свердловске! Мы решили, что сначала выходит Серега с гитарой — чтобы было хоть какое-то шоу, — потом я, а потом выходил Пузо и хлопал в ладоши. При этом нас даже не убили. За день мы сыграли три концерта таким составом. Потом уже стал Андромедыч выезжать, как-то стало все осмысленнее, но первый эксперимент был именно таким престранным составом.

Андрей «Дед» Кураев

С Севычем я познакомился сильно позже. Мы уже отыграли какое-то количество концертов с Серегой, и тут вдруг случается концерт, где появляются Севыч и Пузо. Я тогда еще подумал: блядь, что эти люди делают здесь? Хуй с ним, мы-то хотя бы играем, а вот они здесь зачем, в чем их функция-то заключается? Один с барабаном по сцене ходит непонятно на хуя, другой с бубенцами этими своими приплясывает. Ну, сыграли вместе один концерт, третий, пятый. Постепенно я понял, что без них просто никак нельзя. Они могут вообще ничего не делать, но должны быть рядом.

Александр «Пузо» Попов

Когда были еще выезды в два-три рыла, а я еще умел играть на гитаре, я предлагал Сереге, давай я буду на гитаре, а ты будешь басить, но он возражал: не, Пузо, лицо группы потеряем.

Роман Парыгин

В Кишиневе был изумительный концерт. Называлось это все «Шнур со товарищи». Потому что месяца два до этого ребята ездили в Челябинск, и на афишах было написано «Ленинград», а приехали они втроем — Шнур, Пузо и Сева.

И их закидали бутылками. Поэтому решили перестраховаться. Сотоварищей было двое — Дед и я. Мы играли два концерта подряд в клубе «Черный слон». И у нас была идея

привезти с собой коньяка «Белый аист», и каждый, к кому мы с такой просьбой обращались, немедленно заявлял: да «Белый аист» говно, вот смотрите, что у нас есть, это гораздо лучше. Так продолжалось двое суток, сыграли концерты, и я помню, что в одной руке несу Сережу, гитару он уже разбил, а в другой — Деда, который еле волочит свой бас, и мы уже в аэропорту, проходим паспортный контроль, и тут тетка какая-то вслед кричит: «Ребята, ребята, гонорар-то заберите!»

Андрей «Дед» Кураев

Серега спросил: «Хочешь денег заработать? Поехали в Кишинев на три дня!»

Я поехал. Это был мой первый опыт погружения в совершенно другую реальность, напрочь бесшабашную. Совершенно не та атмосфера, которую я видел, годами играя в группе «Спитфайр». Совершенно другая энергия. Все по хую и все пиздато. Я не думал, что так бывает. Это как другая планета. Мы годами вытачивали все эти ноты, сидели на репетиционных точках целую вечность. И вдруг — выезжаем втроем, непонятно, что это вообще за состав такой дикий — гитара, бас и труба? Мы набухались, по большому счету никто вообще ничего не играл, однако народ это устраивало даже больше.

Константин «Лимон» Лимонов

Главные неприятности с «Ленинградом» — бодуны и постоянные переезды. Все остальное очень легко и понятно. Жаловаться грех. Распиздяйства много, но в нужный момент оно улетучивается. Встали, собрались, сыграли — ну идальше распиздяйничать.

Андрей «Дед» Кураев

История про то, как грамотно сыграть, — явно не про эту группу. Здесь это неважно. С другой стороны, все знают, что им играть. Если кто-то не смог, значит, он просто тупо забыл. Никаких сюрпризов на концертах у нас нет. К тому же Серега даже провальные концерты вытягивает на раз. Я всегда поражался, как он может парой фраз спасти ситуацию. У нас нет в компании таких людей.

Роман Парыгин

Мне лично на всех выездах «Ленинграда» ни разу не дали пизды, хотя было близко к этому. Народу-то много. Валить кого-то из компании в шестнадцать рыл довольно бессмысленно. Помню, как-то в самолете до меня доебался какой-то человек: ну

ты же пидор, пидор. Я говорю: ну да, я пидор. И тут за моей спиной встает Пузо: ну и я пидор. И за ним встают все пятнадцать человек.

Александр «Пузо» Попов

Вот Паваротти хорошо пел, но неестественно. А естественно петь так, как Аркадий Северный. Музыка ценна в том случае, когда если вдруг ты уже не можешь по пьяни играть, то ты ее поешь. У Сереги получилось. Это большая редкость, когда получается музыка, которую люди любят петь сами. Зачем Серега все это делает, я не знаю, но делает он это классно.

Андрей «Дед» Кураев

Главное, что Шнуров умеет наладить контакт с любым, причем на пустом месте. Даже если человек ему вовсе не нужен, он никогда не покажет этого. Ну, если, конечно, человек не совсем уж мудак.

Денис «Кощей» Купцов

Шнуров, надо сказать, прекрасно понимает, что у нас есть своя группа «Спитфайр» и еще Ska Jazz Revue, и он никогда не ставил вопрос так — поедете со мной, у нас тур, и никаких отговорок. Мы до сих пор умудряемся балансировать. Впрочем, на Западе почти все музыканты так играют, я таких аналогов видел миллион.

Александр «Пузо» Попов

В Питере все музыканты играют во всех группах. Я, правда, в своей жизни играл только в двух — в «Ленинграде» и в «АукцЫоне» — был у нас совместный концерт, я бумкал в свой барабан, а Борюсик мне свистел стоптаймы. После концерта, кстати, даже не ругал. Кстати, для меня до сих пор ничье мнение на наш счет, кроме «АукцЫона», не имеет значения. Потому что под «АукцЫон» все это молодое время и прошло.

Алексей «Микшер» Калинин

Когда Серега играет на гитаре, он заставляет бэнд подстраиваться под него. Для меня это вообще априори — люди в группе должны работать под того, кто поет. Потому что победить инерционные качества Деда как басиста и Кости как гитариста иногда очень сложно, и тогда песня теряет в груве и в элементарной скорости. А Серега задает на гитаре темп, и тогда уже никто ничего сделать не может. Он снимает огромное количество антагонизмов, когда сам играет.

Константин «Лимон» Лимонов

Я на «Втором магаданском» играл только потому, что Серега руку сломал в очередной драке. Я плавал в бассейне, и вдруг звонок: «Можешь срочно приехать на студию?»

Писали живьем и с ходу. Два раза на студии собирались. Я помню, сидим ждем, Шнур дико опаздывает, вдруг нарисовывается в рыбацкой панаме и с бутылкой шампанского. После записи поехали в клуб «Факультет» и там немедленно встретили группу «Ля-Минор».

Григорий Зонтов

Историй масса была, просто не хотелось бы маму расстраивать.

Сергей Шнуров

Однажды в Краснодаре после концерта ко мне подходит баба. Что-то мы с ней трем, я спрашиваю: чем ты занимаешься? Она говорит: я наркоманка (тут же показывает мне вены, а там дороги такие, что пиздец), воровка и проститутка. Я говорю: это то, что мне нужно. И потащил ее к себе. Сейчас бы я так не сделал. Вот, вкратце, в чем различие между старым «Ленинградом» и новым.

Глава пятая

К началу 2003 года маховик-затейник «Ленинграда» стал вырабатывать энергию в практически международных масштабах. Девать ее, однако, было некуда. В Москве «Ленинград» поприжали — все большие концерты (Лужники, Горбушка) последовательно отменялись, причем этот госконтроль постепенно начал распространяться и на другие города — таким же образом слетели выступления в Хабаровске и Ханты-Мансийске. Поскольку ансамбль находился на пике способностей и гонораров и уверенно балансировал между шиком и ширпотребом, то для скорейшего выброса слишком очевидной энергии оставались корпоративные вечеринки и зарубежные гастроли. Со вторым вариантом проблем не было — благо группа «Спитфайр», к тому времени полностью интегрированная в коллектив п/у Сергея Шнурова, была изначально заточена под западную сцену и имела крупный опыт соответствующих передвижений. По мотивам затяжных американских гастролей был даже снят документальный фильм и выпущен двойной диск под названием «Ленинград уделывает Америку». Песни на пластинках были сплошь старые и намоленные, однако забавы ради их решили разбавить пьяными и жутко матерными репризами музыкантов, записанными то в бильярдной, то в гостинице, то в автобусе. Это была неукротимая ахинея, производившая впечатление не вседозволенности даже, но какого-то всеобщего онемения мозга. Как выражался в таких случаях публицист Юрий Карякин — «Россия, ты одурела!»

Настоящим же золотым дном для группы стали корпоративки. Фактически это были аналоги домашних концертов — по крайней мере, так считал лидер группы. В конечном итоге «Ленинград» вернулся туда, откуда пришел, — в подвалы. Впрочем, это было в высшей степени бархатное подполье.

Поначалу корпоративки мало чем отличались от клубных концертов — Шнур выкладывался, как настоящий. Первый потешный срыв произошел в московском клубе Stone на какой-то потанинской вечеринке, куда были также ангажированы «Руки вверх!» и «Жуки». Мы сидели в баре в ожидании концерта — Шнуров, я и почему-то Крис Кельми. Помнится, я ни с того ни с сего услужливо попенял последнему: «Жаль, что вы много лет не выпускаете альбомов. Я бы уж писал на них рецензии».

На что лидер «Рок-ателье» сокрушенно заметил: «Вообще-то, у меня каждый год по два альбома выходит». Под эти речи Шнур

неожиданно напился до такой степени, что к началу представления буквально не держался на ногах, поэтому концерт пришлось играть сидя. Севыч снабдил меня бубном, и я тоже полез на сцену, стараясь спасти положение оглушительным аритмичным звоном. Шнуров не сумел ни спеть, ни сыграть ни одной песни. Крис Кельми смотрел на нас выпученными от жалости глазами. Минут через десять гостям стала окончательно ясна скользкая подоплека происходящего, и в нас полетела какая-то мерзкая снедь с элитных столов. Шнур слабо возмущался: «Олигархи, не кидайте в меня пельменями», но было поздно. «Ленинград» под общий гогот с позором сполз со сцены, на которую немедленно выпрыгнули стеклянно трезвые «Жуки». Мы покидали помещение под раскаты кретинской песни про йогурты-хуёгурты. Так прошел мой первый концерт в составе группы «Ленинград».

В конце 2003 года вышел альбом с категоричным названием «Для миллионов». Миллионы на него в самом деле повелись — липкая песня про менеджера среднего звена била в самое яблочко корпоративных сходок, а текст песенки «Вот такая хуйня» растаскивали на газетные эпиграфы. Я тоже повелся — хотя пластинка по прошествии времени кажется слабой и сумбурной. Такой она, в сущности, и была. Тем не менее безлимитный кредит доверия к Шнурову вылился у меня тогда в текст следующего содержания:

«Это, пожалуй, самая дикая пластинка группы „Ленинград“. Но описывать ее хочется по старинке, песню за песней, как это когда-то делали в журнале „Аврора“. Итак, альбом „Для миллионов“ начинается с вопля „Хуй!“, для верности повторенного четырехкратно. Вопль знаменует собой начало рэпа № 1. Рэп посвящен точечному охаиванию соседских музыкантов — от „Сплина“ до „Танцев минус“ — и сам, в свою очередь, является пародией на И. И. Лагутенко: „Меня зовут Шнур, меня зовут Шнур, я приду к тебе во сне, мон амур! Инвалидами и уродами! Наркоманами, мон ами!“ За ней идет песенка несколько проходная, но с хорошим рефреном „Бухаю-подыхаю“, а потом сразу — матерый клубный хит „Вот такая хуйня“. Потом еще какие-то сатирические рэпы, автобиографический боевик „Распиздяй“ — и вот уж мы у цели, на пике этого диска. Там куражится медленный бардачный хитяра с припевом „Дымит резина — кончает Зина“. Это совершенно выдающаяся мерзость — вполне в духе позднего Генсбура (не в плане музыки, конечно, а в смысле общей фаллоимитации). Настоящий втыкающий порнорок — куда там Peaches. Пожелания, которые лирический герой высказывает Зине в перерывах между комическими

куплетами, мне цитировать бы здесь не хотелось. За „Зиной“ начинается чехарда из четырех шлягеров — восхитительно-идиотский латино-закидон „Мамба-хуямба“, козырный элегический шансон „No Future“ с гениальными шнуровскими репликами („Заводы стоят, блядь, одни гитаристы в стране!“), размеренный, под „Ноль“, алко-эротический блатняк „Бабу буду“ („Бабы — это как конфеты, разверните-ка вот эту“) и, наконец, единственная мало-мальски серьезная вещь „Дороги“, сделанная под нетрезвого Высоцкого. Явно лишними на альбоме кажутся песни „Бегу“ (необязательный комментарий к шнуровскому opus magnum „Без тебя пиздец“) и „Папа был прав“ (несуразная рэп-версия песни группы „Секрет“). Лучше бы Шнур скинул на цифру зря забытые песенки „Забил-курил“ или „Моя Родина — наркодиспансер“. Но в остальном — вам понравится».

После этого диска становится окончательно ясно, почему Шнур — звезда, а все остальные — не очень. Потому что любую, даже слабенькую, песню он на раз вытягивает парой шуток, хрипов и плевков. Отчего-то любая глупость, размороженная его вечно отхаркивающимся голосом, начинает сиять содержательными красками. Типа — как скажет, так и будет. Вот, например, здешняя песня про «Зенит». Мелодия так себе. До тематики мне вообще никакого дела нет. Но как только во втором куплете возникает старик Хоттабыч («Чтоб выиграть этот ебаный матч, нашей команде нужен Хоттабыч»), я сразу готов идти за стаканами. Уже иду.

Становится ясно также и другое. Шнур взвалил на себя такой груз свободы, что назад уже дороги нет — ни ему, ни тем, кто принял эту музыку близко к сердцу и печени. Какой-то там закон термодинамики посвящен принципу необратимости, и именно этот закон сработал в случае «Ленинграда», обреченного на вечный угар. Шнур правильно поет: «Я воткнул так, что хуй вынешь». Это именно что отчаянное веселье, и уже не поймешь, на каком тут слове ударение. Ну а сейчас, перефразируя Шнура, будет злая и матерая цитата. «По своей собственной первоначальной сути эта песня могла и не таить в себе симпатии к смерти, а напротив — нечто глубоко народное, полное жизненных сил, но духовная симпатия к ней была симпатией к смерти; чистое благоволение; само простодушие, лежавшее в основе этой песни, — их, конечно, ни в какой мере нельзя было оспаривать. Но их результатом, их следствием были явления мрака». Томас Манн, «Волшебная гора». Можно, конечно, сказать и проще. Ну так Шнур и сказал недавно на одном концерте. Прощался с публикой: «До новых встреч». Подумал секунду и добавил: «А встретимся мы с вами в аду». Лично же мне он

говорил еще проще: «Мужчина! Нас ждет геенна огненная».

На самом деле вся интрига той пластинки заключалась в короткой, но принципиальной рокировке — бренд Сергея Шнурова вышел на первый план, обойдя миф «Ленинграда». (Шнуру вообще тогда нравилось слово «бренд» — немного погодя он даже изобрел применительно к собственной живописи термин «брендреализм».) Классический «Ленинград», державшийся на трех пластинках — «Мат без электричества», «Дачники», «Пираты XXI века», — остался в прошлом, уступив место новому стилю (Шнур стал активно осваивать рэп, да и вообще «Для миллионов» стал первым «ленинградским» альбомом, изначально спроектированным на компьютере), новому составу и принципиально новой установке. «Меня зовут Шнур» — объявлено в первой же песне. Это была своеобразная декларация независимости — в том числе и от «Ленинграда». Он даже перестал называть «Ленинград» группой, введя обтекаемый термин «группировка». На концертах Шнур практически перестал пользоваться гитарой — этим маневром он отделял себя от прочих музыкантов чисто визуально. Так, во время вторых американских гастролей он практически не притрагивался к инструменту. Замашки большого певца ему не слишком шли, поскольку концертная пластика Шнурова была изначально заточена под шести- или четырехструнный инструмент в руках. Впрочем, к тому времени детали уже никого не волновали — с гитарой, без гитары… Популярность Шнурова стала просто истерической. «Ленинград» как таковой уже растерял ту уникальную прелесть едва оформившегося поветрия, которая водилась за ним в двухтысячном году. В 2004-м «музацию» группы уже не слишком-то и слушали, зато самого Шнура исправно рвали на части. Он давал в день больше автографов, чем выкуривал сигарет. Как пожаловался однажды Олег Гитаркин: «Представляешь, приходим в китайский ресторан, а его даже китайцы узнают!»

Он не перестал быть героем, но теперь он стал еще и персонажем. Мир глянца окончательно записал его в свои люди после того, как Шнуров соблазнил школьницу. Школьницу звали Оксана Акиньшина. Она была самой красивой среди юных русских актрис и самой юной среди красивых. Шнур называл ее Ок. Она была яркой звонкой ершистой девкой — легко могла отколотить зарвавшуюся поклонницу (Акиньшина преданно моталась с «Ленинградом» на гастроли) или разбить самому Шнуру голову стаканом. У этой парочки всегда был вид, который сподручнее описать мечтательной фразой набоковского персонажа: «Славно, должно быть, они коротали время, эти двое».

В честь Акиньшиной Шнуров написал песню «Я так люблю тебя» со словами «у меня стоит, у тебя уже влажно». Они записали ее дуэтом. Однако не выпустили.

Тогда же выяснилось, что Шнур годится не только для интервью и фотосессий: он взялся вести колонку в русском The Rolling Stone — довольно замечательном издании, в первую очередь прославившемся блистательными интервью с отборными мудаками. (Кстати, еще в 2000-м я предлагал Шнурову вести в Playboy какую-нибудь колонку или даже рубрику, Шнур немедленно придумал ей название — «Рубрика рублика». Дальше названия дело не пошло, может, и к лучшему.)

В свете бесспорных событий местные рокеры с именами неохотно, но признали Шнура. Первым засвидетельствовал почтение хитрый Сукачев, за ним с вынужденно понимающими улыбками потянулись все остальные — от Скляра до Шахрина. БГ ворчал — ему мерещилось, что Шнур жлоб. Гребенщиковские нападки были, впрочем, вполне осмысленны и скорее напоминали известные претензии Ходасевича к Маяковскому: «Поэт может изображать пошлость, грубость, глупость, но не может становиться их глашатаем». У самого же Шнурова к Гребенщикову претензий не было. Как выразился он в интервью прибалтийскому телевидению, «Мы продолжаем традиции группы „Аквариум“ — так же плохо играем».

Шнуров ладил разве что с Летовым — по обоюдному согласию. В них вообще было что-то общее — на уровне четкого и своевременного прорыва. Если Летов в свое время открыл некие горизонты, то Шнуров подвел под ними жирную и скачущую, как хорошая кардиограмма, черту. Егор кричал «хой», а Шнур — «хуй».

По-настоящему зло на Шнура отреагировал только один человек, — естественно, это был Шевчук. Он придумал Шнурову кличку Веревкин, в эфире НТВ назвал его «вонючкой, обматерившей страну», сочинял какие-то частушки — при том что со стороны Шнурова никаких специальных провокаций не исходило. Была, конечно, малоизвестная песня со словами «Как пел Юрий, бля, Шевчук, я рожден в СССР — здравствуй, моя родина, наркодиспансер!», однако она так и осталась незаписанной, живьем исполнялась считаные разы, вряд ли Шевчук мог ее слышать. Еще «Ленинград» в свое время отказался выступать на шевчуковском фестивале «Наполним небо добротой». Но дело, разумеется, было не в песне и не в фестивале. Шевчук явно ревновал, причем сильно. Хриплый голос, питерская тема, борода, эстетика преувеличенной свойскости, околошансонное настроение, сценическое шутовство

(платье Шнурова самого конца прошлого века не так уж далеко ушло от пижамных штанов Шевчука образца 87 года), безудержное пьянство с рукопашным исходом — общего оказалось неожиданно много. Но в Шнурове было куда больше беспечной охальной радости, тогда как музыка Шевчука при всех ее психотерапевтических наветах («не стреляй!», «наполним небо!» etc.) всегда несла в себе некую глобальную черную спиртную пневму. Шнур баловался есенинщиной, а Шевчук — прямой пугачевщиной. И если Шевчук пас народы, то Шнуров просто слал их на все четыре стороны.

Вообще, Шнур плохо вписывался в здешний рок-н-ролльный контекст. Куда естественнее он смотрелся в пьяном импровизированном дуэте с «Иванушками-интернейшнл», «Дискотекой Авария» или какой-нибудь девицей из «Блестящих». Поэтому нет ничего удивительного, что первый основательный конкурент «Ленинграда» явился именно из этого окружения. Им стал украинский трансвестит по прозвищу Верка Сердючка (была даже корпоративка в «Шоколаде», где Шнур и Верка выступали в порядке общей очереди). Нелепое создание несомненно увело у «Ленинграда» часть огромной аудитории — при некоторой схожести рецептов буфетный фольклор Сердючки оказался чуть более сладким бальзамом на народную душу. «Ленинград» с его химерической харизмой и истовой апологией житейского шваха был излишне броским и болезненным явлением для вагона-ресторана, преодолевающего дальние дистанции. По большому счету Шнуров вообще не казался русским. Он был скорее очень здешним.

Когда весной 2002 года Шнуров публично пообещал закрыть «Ленинград», то на расхожие вопросы о планах он, по обыкновению, отвечал словом «киномузыка». Эти заявления звучали как горячечная бравада боксера, которого по возрасту и количеству травм головы списывают в тренеры, однако же Сергей Шнуров не соврал. Год спустя ему подвернулся лучший русский фильм той поры, и он сочинил к нему снайперски точную тему, заработав целое небольшое состояние на рингтонах. Фильм назывался «Бумер», и Шнур раззвонил его заглавную тему по всей стране — чуть не у каждого десятого телефон верещал по шнуровским нотам (которых он, к слову, не знает). Однажды я видел, как нищий ребенок играл ее на гармошке, ходя по вагонам московского метрополитена.

Эта тема отлично вписалась в концертную практику группы, — в сущности, единственное, чего не хватало «Ленинграду», это рьяной драматической увертюры. Со сменой состава группа потеряла во внутренней дикости, зато прибавила

во внешней мощи. Их стало еще больше на сцене. Стройная секция духовиков, никто из которых уже не падал со сцены, напоминала македонскую фалангу — их медь блестела почти как оружие победы. В каждой мелкой глупости чудилась торжественная содержательность. В конце концов, Шнур выстраивал эту фалангу не абы как — однажды он закатил Севычу основательный скандал за то, что тот во время лондонского концерта ушел со своего привычного места ошую и принялся играть на перкуссии рядом с Микшером, стоявшим в правом дальнем углу сцены.

Весной 2004 года Шнуров привез в Москву сидиар с дурацкой надписью «Бабаробот». Это был дебют «Ленинграда» в жанре рок-оперы. «Бабаробот» — мистерия-бух, в которой сошлись идиотский радиоспектакль, идиотская рок-опера и идиотский же концептуальный альбом типа «Ленинианы» Егора Летова. История состояла из одного-единственного получасового трека, не считая караоке-комментариев. Не поддающийся публицистическому описанию и записанный за полторы недели альбом «Бабаробот», с одной стороны, возрождал забытые драмкружковые традиции советского рок-андеграунда (группы «Мухоморы», «Коммунизм», «ДК», «Водопады имени Вахтанга Кикабидзе», «Проделки Z», в конце концов); с другой, напомнил о великом множестве старообразных виниловых сказок, где выли, ухали и блеяли народнейшие из артистов; с третьей, просто-напросто доводил до ума (точнее, до его отсутствия) трепливые фиксации репортажных пластинок «Ленинград уделывает Америку» (один и два). С рождением «Бабаробота» вернулось старинное ощущение от «Ленинграда» (слегка померкшее после крепкой коммерческой пластинки «Для миллионов»); ощущение, знакомое по «Мату без электричества», — можно то, чего не может быть. Вернулся тот квант дикости, которым всегда славился Шнуров. Он забавно вставил уже знаменитый звонок из «Бумера» в песню «Геленджик» — спустя несколько лет Тарантино схожим образом процитирует мобильную тему из «Убить Билла» в «Доказательстве смерти».

В довершение всего на пластинке запел Андромедыч — он исполнил арию «Я самый несчастный, я робот и баба, мне честь сохранить бы мужскую хотя бы». Андромедыч, серый кардинал «Ленинграда», был ближайшим советником Шнурова во всем, что касается собственно музыки и процесса ее записи. Если Пузо и Севыч обеспечивали концертный шухер, то Андромедыч с его музыкальным образованием и недурными способностями аранжировщика мудрил непосредственно на студии.

На песню «Геленджик» смастерили запредельно дикий клип с пляшущими куриными тушками — даже по меркам «Ленинграда»

это был чересчур. Впрочем, «Ленинград» практически никогда не следил за своим внешним видом. Клипы, обложки, афиши — все, как правило, было чудовищно. Такое ощущение, что Шнуров настолько полагался на афористичность собственного музыкального и поэтического мышления, что вопросы элементарной рекламной огранки ему казались попросту лишними. В конце концов, книжки афоризмов всегда ведь издают в ужасных переплетах.

В августе 2004 года «Ленинград» играл на «Нашествии». Шнуров предложил нам с Зиминым выступить в костюмах куриц. Поскольку мы оба уже имели некоторый опыт выступления с коллективом, то без колебаний согласились. Программу планировалось начать как раз с «Геленджика», на котором мы и должны были выскочить в соответствующих нарядах. Куриные костюмы поставлял «Мосфильм». В последний момент выяснилось, что администрация «Нашествия» отказывается оплачивать нам эти одеяния. Администрация «Ленинграда» тоже как-то не планировала лишних трат. Поскольку аренда одного куриного костюма стоила что-то около шести сотен долларов, акция сорвалась. «Ленинград» выступил мощно, но обыкновенно — это была скорее демонстрация мускулов, нежели заявка на рекорд.

За неделю до выхода диска «Бабаробот» мы сидели со Шнуровым и Акиньшиной в баре «Жигули». Было часа три дня, Шнуров напился. Он хлестал кружку за кружкой, удивляясь «Столько пью пива, а ни хуя не толстею!», раздавал автографы и издевался над Акиньшиной, уже ронявшей злые слезы. Шнур напялил на нее алую праздничную ленту с золотой надписью — в тот день у школьников был последний звонок. Тогда он впервые признался мне, что всерьез опасается за коммерческое будущее «Ленинграда» — все-таки «Бабаробот» был довольно отчаянным экспериментом. Опасения оказались напрасны. Ему, как обычно, все сошло с рук — и обиженная Акиньшина, и некондиционный «Бабаробот».

В ту же ночь он сыграл концерт в переходе на Пушкинской. Они со школьницей разругались вдрызг, он убежал из гостиницы «Минск», она тоже — в разные стороны. В подземном переходе на Тверской Шнуров отобрал у дежурных попрошаек гитару, привалился к стене и принялся горланить песню за песней. Через какое-то время по тревоге приехал Пузо. Он и увез Шнурова спать.

Иван Дыховичный

Когда Сереже запретили везде петь, я подумал: какие же они

там наверху иезуиты, причем подсознательные. Они прямо чувствуют, как лучше прижать человека. У них же прямо чутье на все лучшее. Они просто решили переключить Сережу на узкие тусовки, на закрытые вещи, на все эти корпоративки в надежде, что он там и растворится. Там же душно. Нет, вполне можно работать, можно зарабатывать деньги, но там реально душно.

Дмитрий Степанов

Пару лет назад мы собирались делать в саду «Эрмитаж» зимний алкогольный фестиваль, где в качестве хедлайнера планировался «Ленинград». В то время московские власти относились к шнуровским концертам без особого энтузиазма, и мы с одним чиновником из мэрии обсуждали, насколько это вообще реально. Он сказал: никаких проблем, можете даже писать про это в журнале, главное — не ставьте на афишах название «Ленинград». Напишите что-нибудь типа «самая известная рок-команда из Ленинграда», и все будет нормально. История ничем не закончилась — не нашли спонсорских денег в достаточном количестве.

Андрей «Дед» Кураев

Однажды летом мы должны были ехать играть в Литву. А у меня кончились страницы в загранпаспорте. Я приезжаю к Сереге в Москву, а он тогда ездил на этом своем растабайке трехколесном. Говорю, так и так, у меня проблемы. Он позвонил каким-то людям и сказал им примерно следующее: «У нас есть Дед, а в паспорте у него нет страниц, так что, если вы не заморочитесь и не решите этот вопрос, мы, на хуй, не поедем на ваш концерт». И люди реально запарились, приехали за моим паспортом, отодрали как-то эту визу, повезли этот несчастный паспорт в посольство. Шнур вообще имеет способности разруливать мертвую ситуацию. Причем он же упрямый. Ему предлагали с другим музыкантом слетать или вообще без басиста, но он ни в какую.

Роман Парыгин

В Ростове-на-Дону мы жили в гостинице на берегу Дона. Я стою, смотрю в окно и вижу, что какой-то мужик пристает к Пузо. О чем они говорят — непонятно, но потом вдруг идет резкий удар в щи от Саши, и человек падает в клумбу. Саша уходит. Я выбежал на улицу, чувак поднялся, он оказался каким-то ровным. Сказал, ну все, вам пиздец, я уже всем позвонил, вы доигрались. Я ему, как могу, объясняю, что он неправ. И тут из темноты едет машина, достаточно крупная. Выходят чуваки, я им говорю:

уважаемые, я администратор коллектива, ваш друг мешает ребятам отдыхать, получил по делу. Они посмотрели, взяли его в машину и уехали.

После этого случая Пузо подумал, что ему абсолютно все можно. Мы поехали во Владивосток, и там Саша опять перебрал сильно. Охранники начинают его выводить. А мне же больше всех надо, я начинаю их как-то останавливать, мол, что вы делаете да он там то-се. Тогда один охранник произносит фразу: «Вот к нам тут Scorpions приезжали — тоже пизды получили». Я спросил: «А что значит „тоже“?» Этот вопрос вызвал некоторое замешательство, в результате чего Саша под шумок был отправлен в автобус спать.

Всеволод «Севыч» Антонов

Нас отвезли на базу в какой-то бывший санаторий в какой-то бухте, километров пятнадцать от Владивостока, мимо вечно горящей свалки. Отвезли нас туда по той простой причине, что в городе Владивостоке не было горячей воды, а на базе она была. Десятое декабря. Серега все время спал, а мы с Пузо решили бороться со временем и жить по питерским часам. Ночь, день, нас не волновало, мы пьем, темно — типа шесть местного утра, мы думаем, нормально, у нас еще детское время. И вспомнили, что мы с той стороны Тихого океана купались в Сан-Франциско, а с этой — нет. И пошли. Минус десять на улице. Идем, видим — стоит Валдик, наш тромбонист, зеленого цвета. Мы не знали, что ему плохо, и взяли его с собой. Картина такая: ночь, мы голые купаемся в этой ледяной воде, которая все-таки теплее, чем воздух, отфыркиваемся, а Валдик стоит на берегу и блюет. Он неожиданно сказал: какая странная штука жизнь — кто-то купается, а кто-то блюет.

Андрей «Дед» Кураев

Выдающихся концертов у «Ленинграда» было не так уж много на самом деле. «Ленинград» вообще не так уж часто играл. Были скорее необычные поездки. Я помню Владивосток — попадаешь вообще не пойми куда, аппарата как такового ноль, а в зале какие-то странные люди сидят в шапках.

Роман Парыгин

В Норильске Сережа сильно выпил. Когда они с Пузом ввалились в гостиницу, подошел мент и поинтересовался, отчего они такие пьяные. Серега в ответ рывком снял у мента автомат с плеча, за что сразу получил другим автоматом в ебало. После чего они с Пузом были отвезены в вытрезвитель. Из вытрезвителя

они ни в какую не выкупались, поскольку ребята тамошние оказались идейные. Ну и пришел счет в Санкт-Петербург, со всеми делами.

Андрей «Дед» Кураев

Жутковато было, если честно. Там же мороз страшный, и мы неделю сидели безвылазно в гостинице и пили так, что вообще ничего не соображали. И когда случилась эта история с ментом и автоматом, я подумал, что могло бы все по-другому кончиться и крайне плачевно. Это ведь была полная бессознанка. Серега может иногда выкинуть номер такой, что мама не горюй. Стремно, но ничего не поделаешь. Он в этом состоянии недосягаем. Никто его не может образумить.

Сергей Шнуров

У меня есть четыре стадии алкогольного опьянения. Первая называется Сергей Владимирович. Вторая — Серега. Третья — Серж. А четвертая и последняя — Жорж.

Константин «Лимон» Лимонов

Был охуительный концерт в Алма-Ате. Там начались какие-то клановые разборки, один клан занимался привозом «Ленинграда», а другой рыл ему могилу. В результате натравили на нас мэрию. Пришли люди оттуда, сели в первом ряду. А еще поставили человека к рубильнику. Предупредили: хоть одно слово матом со сцены — сразу вырубается электричество и концерт окончен. Мы вышли, спели песен пять, сколько смогли наскрести без мата. А потом Шнур и говорит: «Следующая песня про разгильдяя, которая называется „Я распиздяй“». Вообще, стремно играть, когда стоишь и думаешь, вот сейчас точно выключат свет, ну вот на этой песне-то уж точно. Людям из мэрии так это все, видимо, понравилось, что так и не дали никакого сигнала.

Всеволод «Севыч» Антонов

В Америке вызываем такси в гостиницу, чтоб ехать в аэропорт. Приезжают три армянина. Мы понимаем, что мы в три машины не влезаем, и они по своей радиосети вызывают четвертого. И приезжает негр. И армянин-таксист отправляет его на хуй. Мы стояли ждали, пока не приедет четвертый армянин нас везти. И всю дорогу в аэропорт наш водила ворчал: «Блядь, понаехали черножопые! Они ж дикари, они людей едят, я по телевизору видел».

Андрей «Андромедыч» Антоненко

На гастролях в Архангельске наш друг Демыч сыграл роль Пелевина. Концерт был в каком-то Доме офицеров, с нами еще был Гарик Сукачев. Демыч сидел в углу и пил, ничего уже не соображая.

И Серега сказал кому-то из организаторов, что это Пелевин. Его в то время толком никто в лицо не знал. Через полчаса у столика Демыча выстроилась длинная очередь. Все перешептываются: вот ведь, пьяный в дымину, но в глазах что-то такое сквозит, сразу видно, что настоящий русский писатель. Демыч давал за стопку автографы. Организатор был в восторге: ну как же, приехали Гарик Сукачев, Шнуров, Пелевин, праздник удался, в общем.

Дмитрий «Демыч» Беляев

Я тогда действительно был похож на Пелевина. Был только один человек, который заподозрил неладное. Но когда я ему сказал отчество — Олегович, — он успокоился и тоже получил свой автограф.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Однажды мне запихали в клавиши, на которых я играл, огромный пакет со шмалью и забыли про него, он проездил со мной около полугода, в разные страны, вплоть до Израиля. Вообще, все эти гастрольные истории, они, конечно, веселые и интересные, но довольно быстро приводят к жесткой деградации. Работать на студии гораздо лучше, правда.

Александр «Пузо» Попов

Если написать всю правду о наших гастрольных поездках, то книжка была б — подтираться страшно.

Сергей Шнуров

Во дворцах играть неинтересно. Во-первых, практически везде плохой звук, во-вторых, без какого-то специального шоу, без всех этих полиэкранов выступать в таких местах нет смысла. Для того чтобы делать шоу, нужно нанимать специальную команду. Вообще, каждый сверчок должен знать свой шесток. Я, например, себе с трудом представляю группу Pink Floyd в клубе «Молоко» с двумя микрофонами.

Борис Хлебников

Шнур, когда выпустил «Для миллионов», хотел сделать клипы вообще на все песни и выпустить отдельный диск. У нас

был один прекрасный опыт с песней «Дороги», которым я как-то доволен, и один чудовищный абсолютно — с песней «No Future». То есть сама идея была изначально очень хорошая — хотели сделать под спектакль «Проснись и пой», где сидит алкоголик Шнуров и все рассказывает портрету Пугачевой, который висит над ним. Но я эту идею абсолютно провафлил.

Олег Гитаркин

При встрече он мне часто говорил: «Гитаркин, сделай-ка мне ремикс». Был у него какой-то проект на тему псевдовосьмидесятнической электроники, он дал мне какую-то песню странную, я что-то сделал, он мне заплатил триста долларов, ремикс он этот никуда не включил, по-моему, ему просто хотелось, чтобы я ему что-то сделал. Я и сам не слишком старался, поскольку песня мне не понравилась. Она уже звучала как ремикс, и я не очень понимал мои задачи — ну, сменил барабаны, ну а дальше что? Короче, подобное совместное творчество мне не понравилось, ему, по-моему, тоже, и тогда мы решили записать что-то вместе. Я предложил сделать какие-то смешные каверы, типа, на песню из фильма «Формула радуги» про синхрофазатрон. Вообще я хотел перепеть с ним дворовые песни типа «Анаши» и «Ярко светит луна». Мы записали три или четыре песни. Потом он пришел с каким-то приятелем ко мне в гости, я поставил ему оригиналы, мы послушали, выпили бутылку вина, потом вторую, потом пошли к нему в гости, он жил рядом. По дороге мы купили две больших бутылки какой-то бормотухи, что-то вроде крепленого мартини. Дома Акиньшиной не оказалось, и мы стали ее ждать в парадном и пить прямо там. Я с утра ничего не ел. Потом я помню, мы сидим с ним на кухне и слушаем его новый альбом «Хуйня». Пили, пили, пили. А потом я помню, как стою в ванной и дико блюю этим красным пойлом и все никак не могу в себя прийти. В итоге я там уснул и проснулся утром или даже ночью. Выполз оттуда — никого нет в квартире. Странно, думаю, пошел лег в их кровать и спал чуть ли не до вечера следующего дня. Потом прибежала Акиньшина, очень удивилась, что я еще дома. А с утра еще приходили какие-то фанаты Шнура из какого-то города, они притащили громадную бутылку водки. Я сказал им, что Шнура нет, и забрал водку. Я говорю: а где Сережа? Она спрашивает: а ты что, ничего не помнишь? Оказывается, мне стало плохо, а Шнур тем временем делал вид, что держится, но при это у него начался в голове сумбур, потому что, услышав какие-то звуки посторонние в ванной, он стал интересоваться у Акиньшиной, что там, в ванной, происходит. Она говорит: ну как, там Гитаркин, он, наверное,

моется. Он: а что он тут делает? Почему он там моется? Вы что с ним, ебались? И он стал думать, что я любовник Акиньшиной и он пришел домой и нас застукал. И он рвался туда, чтобы меня избить. Акиньшина кричит: ты что, не помнишь, вы же вместе пришли, вместе пили?! Слава богу, я всего этого не видел. В итоге он всю агрессию вывалил на нее, они дико поругались, он убежал куда-то без одежды на улицу, с кем-то там подрался, вернулся весь в крови, а потом вообще ушел в жуткий запой, его две недели никто не видел. Так мы начинали наш совместный проект. Потом стали встречаться, что-то писали. Но в результате все, что мы имеем, — это несколько записанных песен, которые нигде не изданы и нескоро их еще услышат. Мне кажется, мы оба делаем вид, что мы про это забыли.

Сергей Шнуров

В какой-то момент я понял, в чем смысл «Ленинграда». Все группы хотели чисто внешне казаться на сцене лучше, чем они есть на самом деле. А мы хотели казаться хуже.

Анна Маграчева

Два дня перед посещением зубного врача Шнуров не пил — боялся, что не возьмет анестезия. Пришел на прием, врач решил поставить временные протезы из пластмассы и назначил прийти через неделю с тем, чтобы заменить их постоянными. Но через неделю он забил на врача и в течение полугода ходил с пластмассовыми зубами.

Алина Крупнова

Шнуров же замечает только тех, кто ему интересен. Если не считать девчонок. А интересны ему по большому счету полтора человека. Это абсолютно его тема — из серии «никого рядом». С тем же «Ля-Минор» — если с барского плеча, то тогда мы, конечно, поможем. Когда все знают свое место, тогда пожалуйста. Но никакой конкуренции он не терпит.

Андрей Васильев

Я первый раз услышал группу «Ленинград», когда ее называли группа «Ноль» и руководил ею другой человек, дядя Федор Чистяков. Поэтому когда мы пришли в клуб Ministry Of Sound на концерт «Ленинграда»ˆ первым делом заорал: «Дядя Федор, Ноль!» Подошел к сцене. Мне был сам черт не брат, я взял бутылку «Дом Периньона», ну и… понятно. Этот их толстый человек стал размахивать зажигалкой, а я забрался на сцену и прикурил от нее. Вот такие у меня, вкратце, отношения с группой

«Ленинград».

Ник Рок-н-ролл

«Ленинград» — это жалкая пародия на «Ноль». Первый раз я встретился с ансамблем в МДМ на фестивале «Неофициальная Москва» — с ними играл такой человек Леша Микшер, которого я знал еще по временам Свиньи. Мне что не понравилось изначально — я же помню, как они перетусовывались с рюкзачками, такие ребята хорошие, а потом вдруг начался весь этот беспредел деланный. Понимаешь, Джо Страммер сказал: грязь не смывается грязной водой. А это ровно то, что я вижу сейчас в этом ансамбле. Шнуру не катит быть эпатажным. Он же просто артист, и все. А уж когда ты кидаешь в зал тяжелую статуэтку, это просто жлобство.

Дуня Смирнова

«Ноль» Чистякова — это самое оригинальное явление во всем русском роке. Он скрестил западное понимание рока с национальной мелодикой, с национальным чувством беспредела. Рок как социальная функция всегда был сильно напитан антибуржуазным пафосом. Федя грандиозно пересадил этот пафос на почву ненависти ко всему советскому — не в смысле политического строя, а в сторону бытового проявления социализма. Шнуров берет более или менее тот же способ аранжировки, тот же образ, ту же мелодику, но это бунт для менеджеров среднего звена. Это все провокация в рамках корпоратива. Это вроде как беспредел, но беспредел на уровне загула бухгалтерии. Людмила Путина, пляшущая под «WWW», это символ шнуровской глубоко буржуазной игры в антибуржуазные вещи. Потому что представить себе Людмилу Путину, пляшущую под чистяковский «Говнорок», невозможно. Шнуров — это звезда корпоративок. Это когда скованные закомплексованные чрезвычайно регламентированные и ограниченные ребятки в галстуках два раза в год позволяют себе отрываться. И Шнуров очень хитро все это вычислил. «Ленинград» это вообще очень головное явление. Я не без уважения к этому отношусь, просто меня несколько задевает, когда меня держат за дурочку. Я видела настоящее безумие и настоящее заглядывание в пропасть, и не надо выдавать мне за пропасть комнату страха в парке культуры и отдыха. Для меня «Ленинград» по сравнению с группой «Ноль» — это комната страха в парке культуры и отдыха. Она же комната смеха. Даже если тебе не очень смешно и не очень страшно, ты будешь подзаводить себя алкоголем, плясками, чтобы почувствовать этот драйв. Для того, чтобы почувствовать драйв

Феди Чистякова, ничем себя подзаводить не надо. Это само по себе очень смешно и очень страшно. Ты можешь это слушать совершенно один. Для этого не нужно коллективное тремоло, ощущение, что мы все тут распустились и отвязались. Для того чтобы войти в общее состояние с тем, что делает Шнуров, тебе нужна компания. Для меня Шнуров — это не панк, а массовик-затейник, который прикидывается панком. Очень грамотный, очень одаренный, очень неглупый, очень обаятельный. Но он абсолютно из анекдота про похуистов. А нам все по хую. А деньги? А деньги — нет. А как же так? А нам по хую. Для меня это совершеннейший портрет Шнурова.

Все эти хрестоматийные рокеры — от Моррисона до Хендрикса — заплатили свою цену за то, что посмотрели туда, куда смотреть не нужно. И Федя заплатил. Он посмотрел и показал, что там. А Шнуров сам туда не заглядывает, но при этом изображает, что ад — он такой. Мне это смешно. На мой взгляд, «Ленинград» — это в высшей степени буржуазная история. Как танцы менеджеров на стойке. Для меня Billy's Band в некотором смысле даже честнее, потому что не претендуют на статус лихих ребят. Для меня это явления одного порядка по степени своей неоригинальности и своей офисности. Он делает все для того, чтобы цивилизованные люди немножко побыли нецивилизованными. Я думаю, что Сергей значительно умнее, холоднее и рассчетливей, чем тот рубаха-парень и придурок из его песен. И при этом осторожнее. Это не упрек, и слава богу. Он никого не зарежет, не сойдет с ума и не станет свидетелем Иеговы. Если начиналось это как отвяз, то сейчас Шнур превратился в дежурного плохого мальчика на вручении премии «Муз-ТВ». Я опять-таки не могу представить себе Федю Чистякова на вручении какой бы то ни было премии. А если бы он появился, то премия, судя по всему, тут же и приказала бы долго жить. Это не то, что выйти с бутылкой водки и очень расчетливо, грамотно ебануть в зал тарелочку. Я с удовольствием наблюдаю за талантливым авантюристом. Шнур прикидывается. Группа «Ленинград» — это менеджер среднего звена с ирокезом. Это абсолютный, талантливо сделанный маскарад. Вообще, «Ленинград» плоть от плоти сегодняшнего времени. Смотрите, ведь все творчество группы «Ленинград» пронизано глубоко позитивным зарядом путинской эпохи. Это глубоко радостные произведения. Группа «Ноль» в самых залихватских своих произведениях чрезвычайно мрачна. «Ноль» — это гедонизм в камере смертников. А «Ленинград» — это гедонизм в хорошем кабаке.

Шнуров вообще не Стенька Разин. Он не бросит княжну в

воду. Он взамен даст десять интервью про то, как он бросил ее в ванну. Да, пожалуй, это верный образ. Шнуров — Стенька Разин, который свою княжну бросает в ванну. Да, в одежде. Да, девушке неприятно, у нее тушь течет. Но вот вам и вся катастрофа.

Сергей Шнуров

Единственное приятное с «Ленинградом» — то, что это не рок. Единственное, что радует.

Григорий Зонтов

Как-то в клубе «Дача» мне под Новый год сломали нос. Шнуров пришел в дикую ярость, раскричался, что в группе «Ленинград» носы не ломают. Мы с ним вдвоем поехали разбираться. А того охранника в тот день на месте не оказалось. Шнуров спросил у кого-то из персонала: «А он здоровый? Ну ладно, тогда домой за пистолетом поедем. А завтра мы опять приедем в шесть часов, приводите кого угодно, я при всех объясню, что он гондон». И мы ушли.

Приезжаем на следующий день — Серега в красном шарфике, повязанном пионерским образом, с полиэтиленовым пакетом с пластинками.

А там собралась целая туса — ждали, что мы приедем оравой с автоматами, видимо. А мы — красный шарфик и полиэтиленовый пакетик. И Шнур начинает разговор — очень быстрый и четкий. Все закончилось хорошо — человек понял, что он не прав, извинился, мы выпили.

Но потом Шнур зашел в каптерку и сказал: «Следующий сломанный нос будет стоить тридцать тысяч. Поэтому носы никому не ломаем». Подумал и добавил: «Причем евро». Ну правильно, концерт-то отменился.

Александр «Пузо» Попов

Мы как-то шли с Серегой, пили на ходу пиво и несли какой-то усилитель. Откуда-то из-за угла нарисовались трое пьяных мужиков. Я помню, решил: значит, придется драться. Тогда я ставлю бутылку на пол, засучиваю штанину. Пока я раздумывал, один из этих мужиков начал уже вовсю ногами махать. В ту же секунду Серега разбивает свою бутылку об стену и говорит: «Если будешь охуевать, я воткну тебе эту штуку в ногу». Мужики решили не связываться и отвалили. Шнур посмотрел на эту розочку и посетовал: «А пива там было до хуя».

Анна Маграчева

Едем как-то на день рождения к шнуровскому однокласснику.

Шнуров уже очень пьян.

Многие из гостей — однокурсники Шнура по архитектурному училищу. Кто-то из них произносит фразу, которая его нешуточно задевает. Что-то типа «будь мужиком». Шнуров набрасывается на него и орет: «Он сказал, что я не мужик». Подбегают люди и начинают их разнимать. Шнуров настаивает, что его оскорбили: назвали «не мужиком». Кто-то из разнимающих пытается что-то Шнурову объяснить, это вызывает очередной приступ бешенства у Шнура, и на этот раз он кидается на защитника. То ли из уважения к имениннику, то ли из хорошего отношения к Шнуру тот не отвечает на его удары и еще раз вежливо пытается продолжить переговоры: «Серега, ты же нормальный мужик. Ты неправильно понял…»

На этих словах получает очередной удар по лицу.

У Шнурова, нужно заметить, удар хороший, отработанный. Даже Севыч, который считает себя хорошим бойцом, сказал, что в поединке Севыч—Шнур ставил бы на Шнура.

Тут терпение защитника оставляет, и он в свою очередь бросается на Шнура.

Именинник, который до этого момента не вмешивался в конфликт, тоже подходит и удивленно не без раздражения говорит:

— Серега, зачем ты так? Я знаю Леху и за него ручаюсь. Я уверен, что он не мог никак тебя оскорбить.

— Он защищал того…

— Он с тобой разговаривал… Зачем ты? Ты меня обидел…

— Извини. Но он защищал ублюдка.

Шнуров потом еще долго повторял:

«Что мне было делать? Он сказал, что я не мужик».

Сергей Шнуров

Вообще, все компенсируется. Однажды я ехал из Москвы в Питер на поезде, году в 2001-м примерно, сидел в вагоне-ресторане, пил текилу, напился, подрался и в результате очнулся весь в крови и лишенный пятисот долларов. Пизды получил конкретно. Ребро даже, кажется, было сломано. Собственно, это был не вагон-ресторан даже, а буфет, там много столов, углов — побиться несложно. В прошлый Новый год я наебенился жутко и понял, что мне необходимо получить пизды. Ну и вклинился в толпу гопников в районе парка Победы. Был тоже нешуточно отпизжен. Гематома только недавно прошла. В каком-то городе на гастролях в каком-то клубе чувак бросился на нас с Севычем вместе со всей своей с охраной, мы отбивались от него стульями, но безуспешно. А потом чувак, когда узнал, кто мы такие, поил

нас коньяком. Это оказался хозяин клуба.

Всеволод «Севыч» Антонов

Мы играли какой-то странный корпоратэ в составе я, Серега и Андромедыч — в общем, скрипка, бубен и утюг. Дело было на Яузе, в каком-то ресторане. В зале сидели Юрий Николаев и Никита Михалков. А там все танцуют, и мы выходим: гитарка, гармошка и бубен. Ну, мы отыграли песен десять, все это длилось минут двадцать, потом нам резко надоело, и поняли, что пора ехать. В гардеробе встретили группу «Смысловые галлюцинации», которые расчехляли свои инструменты, чтоб играть следующий сет. И самый мордатый из них нам сказал: «Ну вы, ребята, даете…» Они, конечно, в диком ахуе — что вообще происходит в русском шоу-бизнесе, что за абсурд.

Василий Уткин

Когда мы снова начали делать передачу «Футбольный клуб», мне захотелось, чтобы Шнуров написал песню. Вообще говоря, для музыкантов песни для телевидения это серьезная статья дохода. Но у меня не было денег для Шнура, кроме какой-то символической суммы, которая, наверно, покрыла бы расходы на аренду студии, ну и что-то такое в этом духе. А Шнур тогда как раз закончил писать патриотическую песню к этому фильму про гебистов, забыл, как он назывался. Я почему-то сразу подумал, что песня не станет хитом, что с ней, собственно говоря, и случилось.

Он согласился, сказал: «Ну хорошо, спизжу где-нибудь три аккорда, как обычно». Мы с ним встретились в ресторане «Твин пикс» около Останкино, поели, поговорили. Насколько я понимаю, песню он написал по дороге в аэропорт в машине. Мой водитель его подвез, и по приезде в аэропорт он мне прочитал уже два куплета, а там всего три. А на альбоме он дописал еще маленький речитатив по моему собственному адресу.

Борис Хлебников

Я снял клип «Дороги». Мы встретились со Шнуровым у памятника Достоевскому — утверждать клип. Он говорит: знаешь, у меня сейчас сломался магнитофон, пойдем в магазин. Мы пошли в первый попавшийся в магазин, «М-Видео», его там, кстати, никто не узнал. Он сказал: ребят, я хочу вот эту видеодвойку купить, можно ее проверить? У нас кассета есть. Вставил диск, мы посмотрели. Он говорит, все отлично, заебись. Так происходила приемка клипа. Мы потом пошли в ирландский паб, он страшно хотел поставить и там, но уже не оказалось

подходящей техники.

Василий Уткин

У него практически на каждом альбоме есть какая-то песня про футбол. Шнур, конечно, к спорту имеет мало отношения, он скорее в антураже болельщической культуры. Один раз, впрочем, я его встретил на футболе, совершенно случайно. И я видел, что его не слишком радует это постоянное похлопывание по плечу. То есть, конечно, он себя с этим не полностью отождествляет. Во всяком случае, такие большие темные очки, как на Шнуре в тот день, я видел только в фильме «Настоящая любовь».

Артемий Троицкий

Единственный мой вялый вклад в группу «Ленинград» заключается в том, что я вписал их в восточноевропейский фестиваль в «Барбикане». Мне пришлось совершенно неожиданно для самого себя проводить вполне нешуточную работу, а также заниматься лоббированием и даже интриганством, потому что на это сладкое место претендовало довольно много всяких промоутеров, и все тащили свои команды, поскольку у них был профессиональный, а также денежный интерес. У меня же никакого интереса не было, я выступал просто как независимый и не-в-рот-ебательский советчик. А их как раз Лужков запретил в Москве. И у меня было для англичан несколько веских аргументов в пользу «Ленинграда». Во-первых, это первая за пятнадцать лет запрещенная группа, во-вторых, это группа очень популярная и на нее со стопроцентной гарантией припрется вся молодая русская диаспора и скупит все билеты. Хотя организаторы, по обыкновению, прикидываются бессребрениками, на самом деле им это еще как важно. Сам я на концерт не пошел, я тогда уже из Лондона уехал. С этим концертом, кстати, связано одно мое маленькое разочарование. Концерт прошел очень хорошо, насколько я знаю, а Шнуров мне после этого даже не позвонил. Мне, разумеется, на фиг не нужны никакие моральные откаты. Но хоть бы позвонил, это же так естественно! Сказал бы: прощай навеки или пошел на хуй, неважно. Меня это по-человечески немного разочаровало. Я понял, что мы со Шнуровым никогда дружить не будем, потому что он человек пользующийся и при этом ответной теплотой особо не раскидывающийся.

Василий Уткин

Однажды мы попросили Шнура написать песню для трансляции чемпионата мира. Но она, конечно, была значительно

менее удачна. Она нам полностью подошла, но на хит даже в нашей компании она не тянула. Там были слова: «Мировой чемпионат — это из эмоций град». И такой куплет: «Это вам не первая лига, здесь играют Роналдини и Фигу, не футболисты, а звери — Шевченко, Зидан и Терри». Я, помню, сбрасывал эсэмэской Шнуру имена футболистов, которые более-менее известны.

Роман Парыгин

«Ленинград» — это далеко не самая моя любимая музыка. Более того, даже «Спитфайр», который я очень люблю, это тоже далеко не самая моя любимая музыка. Просто труба достаточно специфический инструмент, а «Ленинград» дает возможность исполнять максимально тяжелую по драйву музыку, которую вообще можно играть на трубе. «Ленинград» группа совершенно непредсказуемая, ты не знаешь, что будет в следующую минуту. Бывают очень веселые концерты, бывают охуенно сыгранные, бывают просто пиздец. Это группа по большому счету одного человека. Я просто играю в этой группе на трубе. Я помогающий, не более того. Потому что, если шестнадцать человек каждый на репетиции будет высказывать свое мнение, можно ебнуться.

Всеволод «Севыч» Антонов

Сначала все заработанные деньги делились поровну, потом появилась некая зарплата. Что, в общем, совершенно нормально.

Алексей «Микшер» Калинин

В прежние времена «Ленинграда» все было проще. Не было моментов в музыке, когда приходилось объяснять, что так вот не надо делать. Сейчас периодически возникают эпизоды, когда Серега просто спрашивает: «А на хуя так делать?» В прежнем составе такого представить было нельзя. Музыканты были, может, и послабее, поэтому все, что им оставалось, — это играть как можно веселее. «Спитфайр» группа коллегиальная, и поэтому людям там часто приходят в голову такие странные идеи о музыке, которые только Серега может подавить своим авторитетом. Потому что, если, например, я буду им говорить, что это херня, меня просто никто не послушает. С ними надо договариваться. А с Серегой договариваться не надо, он сразу выбирает оптимальный вариант. Если репетиция хуево идет, то зачем тянуть ее полтора часа? Огромное количество тараканов не попадает в музыку группы «Ленинград», потому что Сереге это на хуй не нужно. Ему есть что сказать, ну он и говорит.

Роман Парыгин

Все эти корпоративки — это просто уроки ненависти. Но это тоже часть игры. Ведь что такое «Ленинград»? Высокооплачиваемая репетиция на хорошем аппарате плюс уроки ненависти.

Денис «Кощей» Купцов

Корпоративки «Ленинграда» — это настоящий панк-рок, каким он изначально должен быть — гламурным, циничным, по-макларевски. Чтобы в рот всех ебать со сцены, в супергламурной обстановке, и еще деньги за это получать.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Была корпоративка вообще без Шнура. Он просто не приехал. На теплоходе было дело. Все напились. Сева с Андромедычем выкинули за борт бронзовую статую Ленина. Потом расплачивались.

Алина Крупнова

Меня по-девичьи восхищали его взаимоотношения с текстильной промышленностью. Я сталкивалась с самыми разными молодыми людьми, талантливыми, красивыми, такими-сякими, и ни у кого эти взаимоотношения не отличались естественностью. Можно было, конечно, удавиться и кого-нибудь нарядить на концерт или написать инструкцию по походу в магазин, но толку все равно не было. Как-то не так заправит рубаху, не так подтянет джинсы и все равно будет как мудак. Кроме Шнурова, я знала только одного человека, его сейчас уже нет, который тоже умел одеваться. У остальных это выглядело либо нарочито, либо никак. А Сережа круче любой бабы — всегда умел из подручных средств, из любой помойки отыскать единственно верное решение, оно само к нему прирастало. Чужую майку, которая валяется в гримерной, он мог надеть за неимением своей, и выглядело это отлично. Секонд и помойка складывались на нем в совершенно удивительные картины. Это было предметом зависти всех женщин вокруг, даже красавицы Акиньшиной. Это прямо магия. Они сами его зовут с полок, все эти помоечные вещи, эти женские майки.

Я, помню, подарила ему женскую майку с револьвером, он ее надел и был прекрасен. Он умеет напялить самые дрянные джинсы ровно на ту высоту, на какую нужно, и они смотрятся. Большая редкость, когда взаимоотношения так гармоничны, и эту гармонию нельзя придумать. Я знаю, что, например, Лагутенко — он все-таки очень тщательно и с любовью одевает себя. Другие же

мальчики обычно прибегают к помощи. Как ни пошло звучит, но Шнуров в этом смысле прямо настоящая рок-звезда. Я, помню, в детстве сидела в Америке в аэропорту, и прямо мимо меня вдруг продефилировала Шер. Она была одета не пойми во что — чуть ли не в мужские вещи своего любовника. Но это «не пойми во что» — оно на ней прямо дышало. И здесь этот эффект из людей, которых я знаю лично, повторил только Шнур. Я ни одной женщины такой не знаю, честное слово.

При этом дело же не в секонд-хенде — он точно так же налаживает отношения с дорогими вещами, в пять минут. Я же помню все эти фотосессии, когда девочки из магазина Le Form сидели и, раскрыв рот, смотрели, как ловко он управляется с одеждой.

Михаил Ефремов

Звонят мне как-то из «Коммерсанта» и говорят: «Поздравьте Шнурова с днем рождения». Я говорю: я не знаком с ним, но с удовольствием поздравляю…

У «Ленинграда», конечно, есть какая-то похожесть на группу «Ноль», это такие сугубо питерские дела, то есть как бы мы плохо звучим, но на самом деле очень музыкальные и все прекрасно понимаем. Это как фильм «Вавилон» — типа, камера у меня дрожит, но вообще все круто. Я думаю, что Шнуров очень скоро чем-нибудь другим займется. Не уверен, что это вообще будет относиться к искусству. Я познакомился с группой «Ленинград» на праздновании какого-то из новых годов на канале Ren-TV. Миша Козырев делал «Неголубой огонек». Серега не бухал. И Харатьян не бухал. А мы с Севычем и Андромедычем — как раз наоборот. И вполне серьезно. Говорил, правда, тогда один я. Все ждали песен от группы «Ленинград», хрен чего дождались, мне было важно многое рассказать людям.

Сергей Шнуров

Мы с Башметом познакомились на какой-то новогодней программе, которую придумали Козырев с Меньшиковым. Башмет подыгрывал группе «Ленинград» — причем очень нехуево — на клавишах. Вообще, это явно кармическая связь. Башмет тогда пришел к нам, уже бухнувший изрядно. И говорит: ребята, у вас есть что-нибудь? Мы отвечаем: ну разумеется, есть. Он обрадовался, говорит: ну, слава богу, а то вокруг все какие-то музыканты великие, а людей что-то и нет. А там вся эта шлоебота — «Би-2» и так далее. Ну и нашел, короче, людей в нашем лице. А потом на съемках общались, Рождество вместе встретили. В конечном итоге мы с Башметом договорились, что он будет

играть в группе «Ленинград», рано или поздно это должно случиться.

Глеб Владиславлев

Ходили как-то со Шнуровым на футбол. «Зенит» — «Динамо». Шнуров, как был, в тапочках, спускается в метро, едем. Встречаем в вагоне какого-то дядьку. С удочкой, в плащике. Шнур здоровается. Потом спрашивает меня: знаешь, кто это? Это ж один из братьев Жемчужных.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Серега в плане музыкальных способностей дает фору всем музыкантам, которых я вообще знаю.

Роман Парыгин

Я видел последователей Tequillajazzz, того же «Спитфайра», но я не видел еще ни одного реального последователя группы «Ленинград». Люди вокруг, конечно, пытаются написать песню с матом, да только ничего не получается.

Михаил Ефремов

Истории о том, что Шнуров так бухает, что просто умереть, конечно же, легенда. Но на этот миф охотно покупаются — это явление из серии «а я обманываться рад». Ой, да ты что! И еще три бутылки? Ну не могу! Ну, а утром? Ну, и утром! Пять бутылок портвейна минимум. Ах, ну конечно же, он на портвейне — голос-то какой!..

Это вообще заблуждение обалденное.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Старый состав насчет денег не заморачивался — ну, сколько дали, столько и дали. У «Спитфайра»-то все про деньги в значительной степени. А раньше на первом месте была пьянка и тусовка. Он на самом деле все это любил, но когда они уже начали наглеть… Серега же не будет ни за кого бороться — пару раз сказал, ну а раз нет, так и все.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

За те пятнадцать лет, что я его знаю, Шнуров совершенно не изменился. Может, стал циничнее, но это обычная возрастная история. Оцинковка.

Анна Маграчева

Трофи-рейд «„Золотая бочка“ — Ладога» — одно из

крупнейших в мире соревнований на бездорожье. Проходит по множеству сложных участков в Ленинградской области. Из 70 экипажей, участвовавших в ралли, до финиша доехали 46. Половина машин сошла с трассы из-за технических неисправностей, остальные вылетели на обочину или в кювет. Экипаж Громов—Шнуров занял второе место в своем классе.

Дмитрий «Демыч» Беляев

Машину он никогда не водил. У нас в свое время была «победа», у меня были права, и я рулил, а Серега управлял коробкой передач. Все это закончилось уже на второй вечер, поскольку он неожиданно включил заднюю скорость, хотя мы ехали вперед. Коробку пришлось менять. После этого случая он, по-моему, вообще перестал притрагиваться к машинам. Однажды ему захотелось мопед, но Светик ему не дала. Ну и правильно сделала. Это не его. Вот на велосипедах мы с ним много в юности гоняли. А вообще он любит странные машины предыдущих эпох, ну и собирает их. Хотя и не ездит. Он в некотором роде романтик от автомобилизма.

Митя Мельников

У Шнура была «победа», они со своим другом Демычем на ней катались, и когда проезжали мимо клуба «69», он имел обыкновение высовываться и кричать: «Пидарасы!» Как-то в этот самый момент у них машина заглохла.

Анна Маграчева

Шнуровская бабушка по линии отца умерла, когда он еще учился в школе. Она была единственным человеком, который когда-либо являлся для него авторитетом.

Бабушка была неординарной личностью, неоднократно посещавшей психиатрические лечебницы.

Отсутствию алчности и многим другим жизненным принципам Шнуров обязан именно ей.

В квартире бабушки стоял шкаф, в котором лежали всякие старые вещи. В блокаду бабушка жила в Питере. Однажды Сережа извлек из шкафа клейстер. Бабушка сказала, что во время блокады люди варили его и ели, благодаря чему выживали.

Сережа спросил, какой он был на вкус, и бабушка предложила сварить клейстер. Они сварили так же, как это делали в блокаду, и съели.

Сереже понравилось, он даже спросил, почему мы все время не варим клейстер.

Как-то они пошли с бабушкой гулять. Но важно было

вернуться к восьми часам для просмотра любимого Сережиного мультфильма. Чтобы не пропустить время, в авоську бабушка положила заведенный на полвосьмого будильник.

На похороны бабушки Сережу не взяли: был еще маленький. Говорит, наверно, и к лучшему. Иначе не знает, как бы он себя повел: может, прыгнул бы за бабушкой.

Алина Крупнова

«Бумер» произошел совершенно случайно. Его вообще могло не быть, потому что Петру Буслову требовалась совершенно другая музыка. Он был фанатом Gotan Project с одной стороны, и жесточайшего рэпа, с другой. Ничего другого Петр Буслов слушать не хотел. Они с Дэном Калашником уже придумали, какая должна быть музыка, и все у них было хорошо. Но к тому времени мне было уже проще продвигать «Ленинград», потому что появилась песня «Мне бы в небо». Она была без мата, она была вообще другая. Это было философское полотно, скажем так. И, размахивая этим самым философским полотном, я за час убедила продюсеров и, собственно говоря, насильственно внедрила туда Шнурова. Они очень долго с Петей общались через меня. Шнуров куда более адекватный собеседник и дипломат, нежели Петр Буслов на тот момент. Тяжело у них все было, Петя издевался над разными треками, в частности, над финалом стебался страшно. Все это было через ругань, через кидание трубок. Сначала я общалась с Члиянцем, но Члиянц такой человек, что если уж он доверил кому-то бюджет, то он доверяет ему во всем. Он говорил: «Мне надо, чтобы Петя был доволен, и все тут. Уговаривай его сама».

Я в конечном итоге проявила слабость, допустив в фильм постороннюю музыку. В результате получился какой-то сборный саундтрек «Нашего Радио». Никого не хочу обидеть, но это абсолютно Сережино кино — только с его звуком все было бы намного лучше. Я не знаю, зачем Члиянц туда напихал чужих песен.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Серый сам придумал концепцию с мобильником. Он наиграл тему на акустической гитаре. У меня был какой-то старенький телефон «Самсунг», на который мы это быстренько забили. Таким образом я стал первым обладателем такого звонка. Но мне не понравилось. Я вообще не люблю музыкальные звонки.

Иван Лебедев

Я работал с ним на двух «Бумерах», и меня каждый раз

немного раздражало его отношение к делу. Он недостаточно внимательно относится к композиторству. Особенно это проявлялось на втором «Бумере». Мне казалось, что музыка должна быть более вдумчивой, что ли, по отношению к изображению. У него же все строится на недоделках, а этот подход, который он всегда использовал в группе «Ленинград», не очень подходил к кино. Но каждый раз, что на первом, что на втором «Бумере», оказывалось, что мудак я, а он абсолютно прав, потому что те недоделки, практически демки, которые он приносил, были лобово точны и окрашивали кино в единственно нужные тона. С его музыкой потом приходится очень долго работать именно монтажно — резать, думать, где начать, где оборвать, потому что он вообще не умеет работать под изображение. Все попытки попросить его доработать ни к чему не приводили, и в результате в окончательный вариант всегда входил тот трек, который он приносил первым. Он все делает на моментальном озарении. Хотя если бы он додумал и развил те идеи, которые он использовал во втором «Бумере», получилась бы настоящая композиторская музыка. Но до этого Сережа никогда не доходит.

Сергей Шнуров

История «Бумера» — это же не история Буслова. Это в первую очередь история продюсера Члиянца. Он эту хуйню придумал и продвигал. Мне Алина Крупнова позвонила и сказала, что какие-то ребята снимают какой-то фильм про смерть и хотят песню «Мне бы в небо». Я говорю, да берите. Потом я встретился с Члиянцем, он мне рассказал всю историю, показал фотографии. Я, честно говоря, не поверил. А потом уже появился Петя Буслов, который меня убедил в том, что это действительно будет охуенная хуйня. Он один из немногих режиков, который реально умеет давить.

Митя Борисов

В Питере ему после всех этих историй с «Бумером» дали кличку Серега Рингтон.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Для «Бумера» придумали простой способ записывать скрипки. Приглашаешь одну скрипачку, она записывает все партии, ты их накладываешь одну на другую, и получается гораздо точнее, чем с симфоническом оркестром.

Алина Крупнова

Начались бесконечные фотосессии в поддержку картины «Бумер». И это живо напоминало мне первый шнуровский выход в Горбушке. Потому что настоящий гламур из него попер чуть позже, а на первых порах ему, конечно, было неуютно — все эти гримеры, наряды, кронштейны с пиджаками. Прирожденным самовлюбленным принцем он не был. Он вел себя как нормальный пацан, которого привели краситься и фотографироваться. И когда потом я стала его замечать в журналах в куда более расслабленных позах, я поняла, что с этим он тоже освоился.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

У меня случился разрыв с девушкой, которая уехала в Москву, и Серега меня спасал как только можно. Мы с ним тогда жили в одной квартире. После нового года появилась песня «Роботы-ебоботы», и мы решили делать проект в стиле восьмидесятых, «Диоды». А потом не помню — то ли Земфира как-то сама позвонила или списалась с Серегой, то ли мы в каком-то интервью прочитали, что ей интересно, что это за новый проект такой Шнурова, но только в результате мы пригласили ее на студию. Мы записали с Земфирой песню «РС». Земфира, конечно, прекрасный артист, но она в своем образе. А для этого проекта нужна была баба, которая трясет сиськами и вызывает совершенно определенные реакции и ощущения.

Меня после первой встречи с Земфирой перло дня три, наверно. На встречу с ней мы с Серегой здорово опоздали, как настоящие подонки. Наконец встретились, привет, привет. «Ну что же, — говорит Земфира, — надо мне проснуться». И достает косячину жутчайшего гидропона. Ну Серега-то стойкий боец, а я улетел тут же. Она говорит, ну ладно, теперь пойду посмотрю на вашего звукооператора. А мы с Серегой смотрим друг на друга и понимаем, что запись-то уже закончилась. Мы с ней не совпадали по ритму. Она же, например, может барабаны месяца по три делать. Это не наш подход, видимо, из-за этого нестыковка и произошла.

А с Дэнсом, нашим звукачом, у нее, наоборот, был очень хороший контакт, они могли подолгу обсуждать разные дубли одного и того же. А я разницу реально не слышу. То есть вообще. Для меня процесс записи музыки — это прежде всего увлекательная игра, а тут как-то этого не получалось.

Потом мы нашли девушку по имени Наташа Павлова, она певица, в Юрмале выступала. У нее все было вообще замечательно. У «Диодов» было три концерта.

Но к тому времени покатилась вся эта волна восьмидесятых,

«Ласковый май» очнулся. Стало уже несмешно, и мы бросили это дело.

Сергей Шнуров

Что вообще я думаю по поводу электро-попа? Конечно, непонятно, как это возможно слушать, если честно. А тем более ходить на концерты. Это определенное состояние. Вообще говоря, если посмотреть всю историю — рок-н-ролл, он появился вначале на алкоголе, потом подключилось ЛСД, и вот когда алкоголик начинает употреблять ЛСД, у него с башней происходит полная хуйня, и получается электропоп. Наверное, вот так.

Олег Гитаркин

Мне нравилось наблюдать за взаимной творческой ненавистью Шнурова и Вдовина, эти люди друг друга не любят, примерно так же как я не люблю Кострова. Это не какая-то человеческая вражда или конфликт, а вполне обычная история, все музыканты друг друга не любят. Шнур мне смешно рассказывал, как он встретил Земфиру и та ему подарила пластинку, а Вдовин, типа, до этого долго всем рассказывал, что он продюсер пластинки, а в итоге там всего один ремикс, и вот как его поделили, ха-ха-ха. Ну и то же самое Вдовин может сказать, что он давно уже не тот Шнур и все это уже никому не надо и так далее. Мне нравится наблюдать, как они друг про друга что-то такое смешное говорят.

Всеволод «Севыч» Антонов

«Бабаробот» записали за три дня, я писал какие-то авторские тексты, сам же их и читал. Там было изначально энное количество песен, а все остальное Серега дописывал ну как для спектакля, уже по ходу дела, ну всякие там арии сантехников. А так весь альбом на кухне сочинился. Мы никак не могли найти с Серегой точек соприкосновения по поводу финала. Они, собственно, так и не нашлись, Серега настоял на своем финале про теракт, ну а я остался при своем мнении.

Сергей Шнуров

Севыч мне предлагал, чтобы они в финале уплывали на надувном матрасе. Блядь, ну куда это годится?

Григорий Зонтов

Я спел куплет в песне про джентльменов удачи — мы ее разложили со Шнуровым и Севычем на троих, типа как Вицин, Моргунов и Никулин. Очень хорошая песня. Непонятно, почему

мы ее не играли на концертах, я неоднократно этот вопрос поднимал, но Шнуров почему-то не велся. А с Серегой же как — с ним надо либо очень серьезно говорить, либо вообще не разговаривать.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

«Бабаробот» спасла группу в тот момент от полной девальвации. Из-за этого альбома «Ленинград» не превратился в команду типа «Агаты Кристи».

После всех устраивающего альбома «Для миллионов» никто не ожидал такой вещи от группы «Ленинград». В Ленинграде висели огромные плакаты по всему городу — «Бабаробот», «Бабаробот». Все ринулись покупать, а потом дико плевались.

Сергей Шнуров

«Бабаробот» — альбом «Ленинграда», где Шнура вроде как и нет. А ведь Шнур сейчас больший бренд, чем «Ленинград».

«Бабаробот», конечно, самый недооцененный альбом. Народ, который совсем народ, — он испугался. А радиопостановки — это великое дело, по идее. В эпоху, когда музыку слушают в основном в автомобиле, а не в компании, в пробках или когда ты летишь на курорт — самое то!

Глеб Владиславлев

Мы поехали с подружкой в Краснодар. А Серега был где-то там на местности.

Встретились в Кабардинке и остались на неделю. Драйв безумный был. Серега даже в караоке пел. Сукачева. Потом поехали к Серегиным норильским друзьям. Объехали Кавказ и поехали в сторону Краснодара, на полпути повернули к горам, бросили машину. Там нас ждал «Газ-66». Мы на нем ехали шесть часов со скоростью тридцать километров. Доехали до места. Там живет общага хиппи. Это бывшая зона, поселок при ней. Там своя цивилизация. Этот дядька на «газе» возит им продукты. Там Серега устроил концерт у костра под гитару. Под звездным небом, такой КСП настоящий. В какой-то момент меня моя подруга начала тормошить: мол, я не могу здесь, здесь ужасно. А мы в тот день еще ходили на экскурсию, зону смотреть, наскальную живопись зэков, в общем, колорит соответствующий. И тут Серега ко мне подходит и говорит: «Глебыч, а давай ее убьем и в реку скинем». А она в двух шагах от нас и все слышит. Я смотрю — она вся белая и явно опасается за серьезность его намерений. Потом приехали в Геленджик, там он и написал строчки: «Я приехал в Геленджик, охуенный я мужик», изначально

там именно так было.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Я в то время капал Сереге на мозг, что надо какой-то мультфильм сделать и обшить его песнями. Мы тогда с Серегой жили вместе на Достоевского, что-то придумывали, Джанго Рейнхардта пытались какого-то сделать. Самой первой была записана песня «Геленджик». Потом откуда-то появилось странное выражение «бабаробот», стали прикидывать, как его можно применить. Я предложил историю про то, как чуваки сварили какого-то робота. Серега возразил: ни хуя они его не сварили, они просто из чувака его сделали и продали. Севыча подключили и за пару вечеров записали недостающие песни.

Михаил Рябчиков

Я однажды в 98 году жил у Сереги дома пару дней. Сидели, пили, разговаривали и он мне ставил Tiger Lillies. Разумеется, тогда и речи не было о том, чтоб совместно записываться. Он мне говорил: «Понимаешь, Миха, „Ленинград“ — это ж история такая, что на ней денег не сделаешь, но вот у меня есть куча других проектов с девасиками, нужно будет сними что-то придумать, чтобы уже нарубить как следует».

Андрей «Андромедыч» Антоненко

«Тигровые лилии», в принципе, похожи на «Ленинград», но на поверку они оказались так себе. Когда мы записывали этот альбом, я прослушал восемь их пластинок, взяв на себя функцию отборщика. Серый был в разъездах, попросил выбрать песни. Я выудил с восьми пластинок четыре песни, причем одна из них это «Дикий мужчина». Скрепя сердце наскребаю еще три. Мало там музыкального материала. Они интересно играют, но у них масштаб не тот. Пластинку в итоге мы записывали четыре дня.

Мартин Жак

Я бы не назвал «Ленинград» непрофессионалами. Они неплохие на самом деле музыканты. Студия тоже была неплохая, дизайн там смешной. У Шнура мощная харизма. Запись была несколько спонтанная и анархическая, но, по-моему, так и надо подобного рода музыку писать. Я вообще Шнуру благодарен — он, насколько я понимаю, здорово популяризировал нашу музыку в России. Я немного удивился, когда они предложили мне спеть пару их песен. Я, кстати, до сих пор пою «Vodka is the best». Мы со Шнуром так толком и не поговорили, потому что он не знает английского, а я, соответственно, русского. Но по-моему, он

истинный поэт.

Денис Рубин

Презентация совместного с Tiger Lillies диска была в «Платформе». Протекала она следующим образом: Шнур вылез на сцену, поприветствовал собравшихся, потом сказал: ну все, теперь иду с вами бухать. И сел за стол. А в зале начали крутить фильм про Tiger Lillies. Все остались довольны, никакого концерта уже было не надо.

Роман Грузов

Французский писатель Джонатан Литтел написал книжку «Доброжелатель», которая неожиданно забила во Франции Гарри Поттера по продажам. Французы так удивились, что присудили ему Гонкуровскую премию. А сам Джонатан сидел в этот момент то ли в Бейруте, то ли в Барселоне. Ему звонит опешивший агент, говорит: дали Гонкуровскую премию, надо ехать присутствовать. А Джонатан не знал сперва, что ему ответить, а потом догадался. Он почему-то послал агенту в ответ несколько mp3 с диска «Ленинграда» «Huinya». Такой был ответ Джонатана гонкуровскому комитету.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

С «Лилиями» это навязанная история. Ее придумал и лелеял директор «АукцЫона» Сергей Васильев, если бы не он, ничего бы не произошло. Я думаю, что «Huinya» — это худший альбом группы «Ленинград» и лучший альбом группы «Тигровые лилии». Больше мы никаких совместных проектов ни с кем не затевали — а на фига? Любой эксперимент проще сделать самим.

Михаил Рябчиков

В 2004 году в Москву приехал Алик Копыт, и у кого-то возникла идея сделать совместный концерт со Шнуром, спеть вместе. Уже была группа «Ленинград», второй состав — финансово мы бы не потянули, да и группа в Москве была уже под запретом. Шнур тогда был в Москве и был ведущим на «Муз-ТВ», сказал: за вами водка, а Алик человек хороший, почему бы нет. И по радио откуда-то пошла реклама, что сегодня в «Проекте ОГИ» концерт группы «Ленинград». Был ужасный стрем, я думал: во попали — мало того что приедут от Лужкова нас всех вязать, так еще и клуб порвут напрочь. Концерт был смешной. Шнур дал Борисову по морде, а потом подъехали все ребята, и второе отделение было, по сути, концертом группы «Ленинград». Алика окончательно потеснили, и он, конечно, немного обиделся на нас.

Хотя мы, благодаря тому что люди пришли на Серегу, отбили аликовский гастрольный тур. А Серега не взял ни копейки.

Сергей Шнуров

Я еду на такси домой на Петроградку, через пробки. Вдруг таксист мне говорит: вон человек голосует, давай его подбросим. Я говорю: ну давай. А я ж слепой, вижу плохо. И тут на заднее сиденье влезает в тачку Андрей Петров, царствие ему небесное. Я говорю: опа! И он такой: опа! Как старые знакомые. Он мне говорит: я видел, как вам премию какую-то давали. А я когда получил первую свою музыкальную премию, то сказал со сцены: «Андрей Петров все равно круче». Он говорит: ну, давайте, пока я жив, к нам в Союз композиторов вступайте. Но я по своему распиздяйству так и не вступил. Теперь жалею, все проебал, как всегда. Мы с Петровым потом раз пять еще общались. Еще при жизни выходил трибьют ему, Юрий Шевчук там отличился, еще кто-то. А я даже и не посмел.

Олег Гитаркин

Единственный минус нового состава «Ленинграда» в том, что многие музыканты играют по инерции, как на завод ходят. Эта вещь, как правило, музыкантов подкашивает, они много начинают ездить, их перестает что-либо интересовать. Образуется пустота из такого мегаэкшна. У Шнура плюс, что он контролирует всех. Шнур начинает периодически устраивать свои творческие чистки, но наутро всегда извиняется.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

«Спитфайр» вообще достаточно консервативно относятся к музыке. Я думаю, что со временем из них получится очень хороший эстрадный оркестр. Для «Спитфайра» это нормально — мотаться на гастроли, а мне тяжело.

Олег Гитаркин

Шнуров мне в свое время хвастался, что может просто выходить в зал с бумажкой и читать стихи. Впрочем, как показывают последние творческие вечера Малькольма Макларена, можно и этого не делать. Просто сидеть, сигарету курить.

Алексей Зимин

Приехали со Шнуровым в Ригу — у него там была выставка картин, он их тогда только нарисовал, еще краска не просохла. Для их перевозки понадобился целый автобус. Тогда он, кстати, и

придумал термин «брендреализм». А параллельно там проходил кинофестиваль российского кино. Мы сидели в каком-то «Кока-кола-центр-плаза», где Шнур после восьми, что ли, коктейлей доебался до режиссера Алексея Учителя: «Слушай, как ты можешь жить с такой фамилией? Чему ты учишь? Ну вот скажи, чему ты кого научил? Ты что, сам не понимаешь, какое говно снимаешь?» За столом находилось еще несколько человек, все были трезвые, за исключением Шнурова. Учитель в какой-то момент молча встал и ушел.

Евгений Лаврентьев

Мы попросили Шнура написать песню для фильма «Личный номер», просто потому что он тогда был дико популярный — логика была ровно такая. Подходит его музыка к фильму, не подходит — это вообще не рассматривалось. Если бы на тот момент была актуальна София Ротару, значит, на фильм «Личный номер» пригласили бы ее. Я встретился с ним несколько раз, у него был совершенно деловой подход, он был очень адекватный, вел себя спокойно, посмотрел трейлер фильма. Я, в принципе, заказывал ему песню про некую борьбу офицера с врагом и победу в этой борьбе. У него было два варианта песни, но все они были под такой гитарный дембельский бой. Мы ожидали какой-то песни типа «террористам пиздец», строго говоря, не понимали, что он вообще будет делать. Потом он прислал окончательный вариант — я подумал, что песня не очень-то получилась по гамбургскому счету. (Впрочем, потом я услышал финальную песню в «Статском советнике» и понял, что может быть еще хуже.) Я почему-то вспоминал тогда Окуджаву, который всегда отказывался петь на концертах «Горит и кружится планета», мотивируя это тем, что песня написана на заказ. Тут в принципе ситуация была похожая — Шнур мог бы, по-хорошему, постараться и написать что-то помощнее, но уж… как вышло.

За песню он получил пятьдесят тысяч долларов.

Сергей Шнуров

Я никаких бюджетов никогда не осваивал. Я все деньги заработал своим потом на концертах. И ни копейки никому не должен — ни налоговой полиции, ни ментам. Слава Аллаху, что они никогда не охраняли меня на концертах. Потому что я знаю — я выйду на улицу, я буду сам за себя. И вы, ребята из государства, пожалуйста, тоже давайте сами за себя. Я чувствую их безответственность по отношению ко мне и хотел бы, чтоб они чувствовали мою ответную безответственность по отношению к ним. Я не хочу ни за что платить! За что? За эти уебищные

коммунальные услуги, за то, что вода из крана течет? Спасибо царю-батюшке, который проложил водопровод. Вода, которая течет у меня из крана, в план Путина точно не входит. Бог бы с ней, с водой — есть и пожестче тема. Беслан Путина. Вот как можно было так поступить? Вот что они там три дня сидели — чтобы потом всех уничтожить? Это какое-то нечеловеческое отношение к людям. И я всегда помню, что государство мне не друг.

Алексей Зимин

Когда Шнуров поссорился с «Галой», он решил открыть свой собственный лейбл. Причем заниматься не только звукозаписью, а всем подряд — чуть ли не голубцы консервировать с кетчупом.

Звонит мне из Питера и говорит:

— Я все придумал. Лейбл будет называться «Шнурок». Ты будешь главным редактором.

— А ты кем?

— Я буду замдиректора. У меня даже трудовая книжка есть, там написано «Шнуров Сергей Владимирович, профессия — замдиректора».

Я, кстати, три года спустя видел эту книжку, не соврал.

— А кто директором будет?

— А какая разница. Светик будет. Севыч. Или вот Семеля назначим.

— И что я буду редактировать? Группу «Ленинград»?

— Все будешь. У нас большие планы. Завтра по этому поводу устраиваю пресс-конференцию.

Пресс-конференция действительно состоялась. Я уже не помню, о чем там шла речь. Видимо, о больших планах.

Собственно, из больших планов едва не состоялся только один. Осенью мы со Шнуровым некоторое время носились с идеей создания двухпартийной системы в стране и собирались выдвинуть в Думу две организации: «За всех» и «Против всех».

Партию «За всех» должен был возглавить Севыч. «Против всех» — Шнуров. У партий был один на двоих гимн. Шнуров потом издал его в альбоме «Хлеб» — под названием «Суть-хуйнуть».

В процессе выяснилось, что для регистрации партий нужны официальные ячейки во всех субъектах Федерации. Причем ячеек нужно много.

Такого подвоха мы не ожидали, но тут нам в голову пришла светлая мысль. У «Ленинграда» есть поклонник — Евгений Чичваркин, хозяин «Евросети». А магазинов «Евросети» по всей стране — тысячи. Что, если на базе каждого магазина создать

партийную ячейку?

Мы в состоянии душевного партстроительского подъема взяли еще литр красной этикетки и даже, кажется, не голубцов, а какой-то мясной нарезки. Напились и звонили пару раз Чичваркину, но он, на свое счастье, был недоступен.

К утру мы допили красную этикетку и цедили рижским бальзам, который пить вообще невозможно. Он года полтора простоял у меня в холодильнике невостребованным. Сто раз была возможность его выпить. Но мы всегда предпочитали сходить в магазин, чем пить эту жуть. Однако в тот раз — то ли мы были так пьяны, что нам было все равно, то ли по другой какой причине — бальзам был выпит. Я до сих пор вспоминаю об этом с содроганием.

Утром я спросил Шнурова про партию. Он посмотрел на меня хмуро: «Ну ее. Политика — это грязное дело».

Сергей Шнуров

Когда я совсем в депрессии, я слушаю «Ленинград».

Роман Грузов

Шнур однажды был ведущим благотворительного аукциона, который устраивала «Афиша». Дело было в Питере, в ресторане «Москва». В частности, один лот представлял собой годовую подшивку газеты «Сусанин». И началось с пятидесяти рублей, народ как-то вяло велся, и тогда Шнур сказал: «Газета хорошая, я, пожалуй, ее сам куплю. Десять тысяч!» И действительно отдал деньги.

Василий Уткин

Я, наверное, уже заебал всех своей любовью к «Ленинграду», но ничего поделать нельзя. Мне кажется, самое главное его качество — это органичность. Он практически всему органичен. А значит, он органичен времени. Поэтому у него все получается.

Алексей Зимин

В 2002–2003 годах Шнуров в многочисленные приезды в Москву часто останавливался у меня, в Аптекарском переулке. Туда он однажды вернулся после съемок фильма «Игра мотыльков» с новой подругой — Оксаной Акиньшиной. Вместе они смотрелись очень эффектно. И это совсем не был традиционный дуэт «красавица и чудовище», как это клише было многократно продано в прессе. Они были совершенно органичной парой не благодаря противоречию. Противоречия ни внешнего, ни внутреннего в них не было. Они так эффектно смотрелись как

раз потому, что были совершенно одинаковые. И это был не коктейль виски-сур, а двойной виски.

Они жили у меня по нескольку дней подряд, потом уезжали — концерты, съемки. Потом возвращались, и Шнуров совмещал наши с ним запои с оголтелыми любовными страстями. Квартирка в Аптекарском маленькая — и там в воздух просто вибрировал от электрического напряжения: алкогольный угар и брюсовские какие-то страсти.

У Шнурова уже тогда было неплохо с деньгами, но это не слишком поменяло его привычки.

Его физиономию стали узнавать на улице где-то к 2003-му. Осенью 2002-го мы еще могли неузнанными дойти до метро и купить еды и алкоголя. Потом это стало невозможно, и дорога в магазин превращалась в бесконечную автограф-сессию.

Весной 2003-го мы пили красный «Джони Уокер». У Шнурова уже было достаточно денег, чтобы позволить себе любые напитки, но красный «Дж. Уокер» — это, пожалуй, был максимум алкогольной буржуазности, которую он себе позволял. У него вообще не было в плане денег той консьюмеристской метаморфозы, которая обычно происходит со всеми рок-звездами, неважно, здесь или там. Денежного сора. На машины там или хотя бы алкоголь, одежду, баб и проч.

Красный «Джони Уокер» — вполне себе плебейский, самый заурядный виски. Такой могут пить все, зарабатывающие в месяц тысячу долларов. Это абсолютно немаркированный алгоколь. Рок-звезде в положении Шнурова положено пить розовую «Вдову Клико» или «Кристаль». Так делают почти все. Но это как-то даже в голову не приходило.

Мы пили красную этикетку и закусывали ее болгарскими консервированными голубцами. Их надо разогреть прямо в жестяной банке. Страшная вещь, с привкусом железа.

Я вообще не помню, чтобы Шнуров когда-либо выказывал какие-то гастрономические капризы. Голубцы, грибной суп — вот, собственно, и все. И дома у него почти никогда не было ничего съедобного. Я однажды жил у него в Питере, в квартире на Мучке. Открыл холодильник, а там музей кетчупов и початых майонезов. Буквально по двадцать банок и того, и другого. И все едва початы. Видимо, ходили ночью в магазин, покупали пельмени или сосиски и к ним кетчуп или майонез. И так всякий раз, потому что Шнуров просто не помнил, что у него в холодильнике уже музей этих кетчупов.

Я их выкинул все. Получилось две большие сумки.

Алина Крупнова

Они с Акиньшиной в тот момент были самой красивой парой в масштабах страны. Даже и это он сделал. Когда он пошел навстречу глянцевым журналам, он в какой-то момент сообразил, что Джонни Деппа с Ваннессой Паради у нас нет. И он взял и подарил людям эту историю. Это был, разумеется, абсолютно спонтанный и естественный роман, но тем не менее люди, которые отказывались восхищаться Певцовым с Дроздовой, нашли себе достойный объект для любования.

Сергей Шнуров

То, что в метро узнают, это все хуйня. Самое страшное — когда ты понимаешь, чего от тебя ждут. Вот это пиздец.

Алексей Зимин

Роман Шнурова с Акиньшиной, разумеется, аукнулся в прессе массой мощных исторических аналогий. Чаще всего, понятно, вспоминали Володю и Марину. Шнуров с Акиньшиной даже пару раз сфотографировались в духе парадных портретов Высоцкого и Влади. Потом были еще съемки а-ля Джон Леннон и Йоко Оно и пр. Шнурова это развлекало, а Акиньшину бесило. Как-то раз я напечатал в GQ профайл Сержа Генсбура: как он жил, что у него было с бабами, сколько пачек он выкуривал в день и т. д. Вручил номер с этим текстом Шнурову, вот, дескать, фактически про тебя написано. Он уволок журнал с собой в Ленинград. Через месяц приезжаю, Акиньшина на меня чуть ли не с кулаками: «Зачем ты ему дал это почитать?! Он меня теперь со свету сживет. В Лондон к Джейн Биркин переезжать придется».

Сергей Шнуров

Кремлевские работники подарили мне телефон Vertu.

Светик даже предположила, что там стоит жучок.

Дело было так. Я снимался в документальном фильме для Пятого канала. Март месяц, я был заебанный совершенно. И тут мне звонят и говорят, что неплохо бы мне прилететь на встречу с Сурковым. А он тогда еще не был таким известным персонажем. Я говорю: занят, не могу. Мне в ответ: мы тебе все оплатим, только прилетай. А съемки были как раз рядом с аэропортом, ну, думаю, слетаю. Встреча происходила в гостинице. Собралась вся рок-н-ролльная пиздобратия. Ко мне тут же подбегает человек, говорит: давайте нам ваш билет, мы вам деньги отдадим. Я говорю: спасибо, но я за свой счет. Потом пришел Сурков с двумя какими-то кренделями. Ну и начались разговоры про передовое общество, про новую Россию, ну и все в таком духе. Общие фразы в основном. Ничего конструктивного. Гребенщиков представлял

кремлевскую позицию, Земфира делала «фи», что, однако же, не помешало ей вскоре выступить на сборище «Наших». Группа «Чайф» просила создать профсоюз, чтоб музыканты на пенсии получали деньги. Я сидел, слушал. Но когда «Би-2» сказали, что неплохо бы побороться с пиратством, я не выдержал. Да вы, говорю, охуели — вы налоги с концертов платите, тогда у вас и лицензионные диски будут продаваться. Сурков сказал: поднимите руку, кто из вас ни разу не играл на политических мероприятиях. Я поднял руку и Земфиру заставил поднять, хотя она-то как раз где-то играла. Потом Сурков заметил, что ни один великий художник не существовал без мецената, и я ему тут же привел массу примеров обратного. В общем, с Сурковым говорил один я.

Бутусов за все время встречи не проронил ни слова. Когда все закончилось, я его обнял и сказал: «За что я тебя, Слава, люблю, так это за твое красноречие».

Вера Рейнхат

Кроме обычных кнопок на телефоне «Верту», как известно, имеется особая — для связи со специальным диспетчером, который действует по типу справочного бюро, а также оказывает некоторые услуги типа вызова такси на такой-то адрес (например, находясь в Англии, можно связаться с диспетчером, и он закажет такси, чтобы встретили тебя в аэропорту Франции, ну и так далее). Короче говоря, наши были в Германии, напились, как обычно. В какой-то момент Пузо нажал на волшебную кнопку и произнес следующую речь: «Мы находимся в Кельне, как нам связаться с местным наркодилером?» Диспетчер вежливо ответил, что в Германии наркотики противозаконны. После этой истории телефон «Верту» быстро всем разонравился, и Пузо использовал его как открывашку для пива.

Сергей Шнуров

Мне очень нравятся деньги. Особенно большие суммы. Но когда мне предлагают пиздец какую сумму и говорят «только тебе придется быть не собой», я, к великому сожалению, вынужден отказаться. Я не собой быть не умею. Это в моем случае элементарно нерабочая концепция. И поэтому я честен до конца. Я чувакам из кремлевской администрации так и сказал: ну не получится, поэтому давайте вы сами по себе, а я сам по себе. Я перекроиться не смогу. Чего доброго, возьму деньги и наебу потом, а зачем мне людей подводить? Я же все равно не смогу написать песню про последнюю осень. Разве что про первую.

Роман Парыгин

Меня удивляет русский народ в очередной раз. «Ленинград» начинался как шутка. Продолжался как стеб. А сейчас «Ленинград» — уже полнейший стеб, поливание говном абсолютно всех — так же, как раньше, но еще более доступным языком. То есть если даже на альбоме «Дачники» — он еще был элитный, грубо говоря, альбом — никто ничего не просек, то что уж говорить про сейчас… Смешно, когда ребята от души глотают это дерьмо.

Что ж, посмотрим, что будет дальше.

Глеб Владиславлев

Шнуров однажды научил нас хорошему простому коктейлю. Красное вино и какая-нибудь соленая газировка. Типа «Боржоми».

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Я начал пить коньяк во втором классе.

Всеволод «Севыч» Антонов

История да и вообще весь смысл группы «Ленинград» — это одна большая пьянка. Ни хуя не шоу-бизнес, а просто пьянка со всеми вытекающими последствиями. Которая никогда не надоест.

Глава шестая

К 2005 году мода на «Ленинград» прошла окончательно. Спрос, однако, остался, причем серьезный. Хотя группой никто уже не восхищался взахлеб и вслух (журнал «Афиша», например, наотрез отказался даже в свете грядущего альбома «Хлеб» ставить Шнура на обложку, предпочтя украсить текущий номер скорбной физиономией драматурга Вырыпаева), немая статистика была красноречивее любой кавер-стори — за выступление на новогодней корпоративке «Ленинграду» причиталось сорок тысяч евро. При подобных тарифах Шнурову становилось не с руки выкрикивать привычное «а денег ведь нам платят как кот наплакал». Он придумал неуклюжую замену — стал петь «как слон наплакал». Тема «руки-из-карманов-где-твой-документ?» тоже себя исчерпала — менты теперь если и подходили к Шнурову, то исключительно за автографом. Как-то в Питере мы со Шнуровым ловили машину — причем занимались этим на такой улице, где машины в принципе проезжают раз в час. В конце концов мимо пронесся милицейский воронок. Вдруг он притормозил и медленно поплыл назад в той безошибочно угрожающей манере, какая бывает свойственна только отягченным властью колесам. Мы стояли уже довольно сильно пьяные и вдобавок со стаканами мохито, которые Шнур вынес из ближайшего кабака под названием «Крокодил» (в свое время, кстати, он нарисовал для него логотип). Шнуров к тому времени приобрел несносную привычку платить не только за напитки, но и за посуду. Из окна высунулся прочный мент с автоматом и неожиданно поинтересовался: «Простите, а вас не Сергей Шнуров зовут? Нельзя ли с вами сфотографироваться?» «Легко, — обрадовался Шнур, — только вы вот мужчину подвезите, куда он скажет». Мент кивнул, я сел в машину, и они молча и бесплатно отвезли меня по адресу. У одного из автоматчиков была серьга в ухе.

Запрета на московские концерты «Ленинграда» никто вроде бы не отменял, но на нем специально и не настаивали. В декабре 2005 года группа преспокойно выступила в «Олимпийском» — дело было на юбилее «Неприкасаемых». Конечно, выступлением это можно было назвать с известной натяжкой — «Ленинград» сыграл одну песню, да и ту идиотскую, «Оборотень с гитарой». Знаменательно, что на сцене находился бывший тромбонист «Ленинграда» Квасо — он теперь играл у Сукачева. (Музыканты из первого состава пристроились кто где — Сашко играл в «Пакаве Ить», Макс Колотушка какое-то время поигрывал в «Ля-

Минор», Ромеро основал группу «Писк гада», Митя Мельников переехал в Москву, устроился на человеческую работу и музыкой не занимался.)

Фрондирующий коллектив стал потихоньку возвращаться в большие московские клубы — в «Точку», в «Апельсин». Но чаще всего Шнурова и компанию можно было застать на корпоративных праздниках — фактически «Ленинград» был закрыт на спецобслуживание. Как ни странно, даже такие шефские концерты производили сильное впечатление. Если «Ленинград» играл концерт для галочки, то росчерк последней все равно бывал порывист и выразителен. На какой-нибудь жлобской свадьбе Шнур контраста ради мог закатить такой шалый концерт, который не каждому европейскому клубу снился. Шнуров ненавидел расхожие барские установки русского рока (для этих играем, для тех — еще подумаем), возможно, поэтому он умел раскачать самую оседлую массовку. Ему достаточно было поинтересоваться у зала: «Ну че, поорем?», как все принимались если уж не орать, то по меньшей мере скидывать пиджаки. «Знаете такую песню? — спрашивал он на первых аккордах „Группы крови“. — Виктор Цой сочинил!»

«Ленинград» шел по пути обычной рок-группы первого ранга — встраивался в систему в режиме friends only. Дошло даже до выпуска тетрадей «Ленинград». Школьникам предназначался синий табель с красной каймой; на обложке — Шнур, Севыч, Лимонов и Парыгин, сверху нарисован член, а на обратной стороне приведены названия песен-рингтонов (хорошо хоть, хватило ума заменить название «Распиздяй» на «Раздолбай»). Однажды в саду «Эрмитаж» я встретил двух близнецов в майках «Ленинграда». Мальчикам было лет по пять максимум. Девятого мая 2005 года в Санкт-Петербурге состоялась премьера «Малой Ленинградской симфонии» — первого классического сочинения Шнурова. Шнур вышел на сцену в тельняшке и пиджаке. В довершение всего про Шнурова сняли документальную ленту с дурацким названием «Он ругается матом». В этом фильме на тему группы «Ленинград» высказывался, например, Аркадий Инин («он омерзительно интеллигентен» — Инин о Шнурове) и другие странные типы.

Хулиганский коленкор «Ленинграда», его анкетная прямота и умение распорядиться самой жизнью так или иначе вышли в тираж, что было обидно, хотя и совершенно естественно. В конце концов, Шнурову было уже за тридцать. Однажды Троицкий пригласил нас с Сергеем принять участие в лекции на журфаке МГУ. По ее окончании за автографами к Шнуру подошло человека три, если не меньше. Одна девушка застенчиво раскололась: «Это

вообще-то для моей мамы. Ей вы нравитесь больше, чем мне».

Многие удивлялись, как это Шнуров в один год умудрился написать броскую песню в защиту Ходорковского, построенную на кипеловском вопле «я свободен», и ужасную агитку на финальные титры эфэсбэшной киноленты «Личный номер». Журнал «Большой город» даже внес его за такие дела в список самых удивительных персон года. Особенного противоречия здесь, в общем-то, не было — служил же Пушкин певцом империи и свободы одновременно. Другое дело, что обе категории со временем несколько поизносились, как, впрочем, и их певец. Будучи человеком глубоко традиционным, Шнуров охотно разделял все предрассудки местной культуры. «Ленинград» же, по сути, никогда ничего не изобретал, он лишь активно преобразовывал очевидные, казалось бы, вещи. В вопросах государственности Шнуров руководствовался логикой столь же парадоксальной, сколь и убедительной. Он объяснял: «Мне, как настоящему патриоту, по хую, кто находится наверху. Я не собираюсь никуда отсюда уезжать, соответственно — какая мне разница, что там происходит наверху. Мне ж все равно здесь жить».

Несмотря на вполне искренний патриотизм, Шнурова вскоре едва ли не чаще можно было застать за границей, и дело было вовсе не в гастролях — НТВ подписало его вести программу «Шнур вокруг света». Путешествовать ему не нравилось, но он, скрипя вставными зубами, принимал долгосрочные перелеты как еще один неизбежный атрибут здешней крутизны. Летал же, в конце концов, Высоцкий на Таити.

«Ленинград» оставался статусной командой еще и потому, что оспаривать этот статус было элементарно некому. Культы если и возникали, то сугубо локальные и очень временные, типа группы «Пятница». Открытием 2005 года по всем меркам стало малоприятное, но с хорошо подвешенными языками и ценниками трио «Кровосток», горячо одобренное скучающей столичной богемой, а также Ильей Лагутенко. Торжество «Кровостока» дало ход целой ораве речистых рэперов с прозвищами, похожими на синтезированные звукоподражания — Гуф, Кач etc. На территории стадионов ансамбль п/у Сергея Шнурова очень скоро потеснила тинейджерская группа «Звери». (Шнур, воодушевленный аналогией Animals — The Doors, говорил, что вслед за «Зверями» должна вот-вот возникнуть группа «Двери», лидера которой будут звать Степа Дверь.) В общем, интересного было мало. Шизоидная канадская группа под названием Les Georges Leningrad производила и то большее впечатление.

В декабре 2005 года «Ленинград» выпустил пластинку по имени «Хлеб». Она появилась в самый последний момент, когда

итоги года были ясны как день. И хотя у Шнурова были вполне гениальные конкуренты — альбомы «Реанимация», «Слияние и поглощение» и «Таял», — «Хлеб» выдержал сравнение с ними. Итоги года пришлось скорректировать.

«Хлеб» вообще-то замышлялся как хардкор-рэп с песнями типа «Пиздец-гламур» (вообще не вошла в окончательный вариант) и «Кто кого» (была кардинально переделана), но в процессе записи неожиданно съехал в тряскую стилистику сайкобилли. Сайкобилли были очень питерской темой — местные команды The Swindlers и Meantraitors в свое время пробили ее с неслыханной доселе энергией. Первый сборник «Psychoattack» (тот, что с крысами на обложке) произвел в городе фурор в самом начале девяностых. И Шнуров, и Пузо хорошо знали эту пластинку — я помню, как однажды на «Добролете» они крайне лихо в две гитары сыграли тему из The Waltons. Да что там «Psychoattack» — Шнур признавался, что в юности ему нравились даже «Мистер-твистер».

Политическая песня — скверная песня, как говорил тайный советник Гете. «Хлеб» же, как ни крути, был как раз наиболее протестным диском «Ленинграда». С другой стороны, Шнурову было необходимо записать нечто подобное. Он ведь так толком и не откликнулся на запрет московских властей, так и не выпустил пластинки прямого действия, откупаясь от реальности то вполне дурацкой спевкой с The Tiger Lillies, то изобретением рингтонов, то рок-оперой про смычку робота и бабы. Памфлет «Суть хуйнуть», сочиненный еще в период работы над пластинкой «Для миллионов», восполнил пробел. Шнур радостно говорил, что под такую песню нужно громить французские кварталы — тогда как раз начались массовые беспорядки в Париже. Но наилучшей социалкой была все-таки не многословная «Суть», а короткая четкая «Нефть», помимо роскошного припева «Вот-вот-вот! Не ебет!», содержащая еще и слова «новый поворот, и мотор ревет». Специально звонили Макаревичу, спрашивали разрешения. Макаревич радушно отмахнулся: «Пойте что хотите».

Шнуров не обманул с названием — альбом в результате получился по-настоящему насущным. Рок-н-ролл до отвала и хрипоты; шестнадцать коротких бедовых песен, одержимых отборным матом, тяжким зоологическим драйвом, галлюцинаторной социальной критикой и денежным бешенством. В очередной раз настроив гитару «под еб твою мать», Шнур сохранил как удивительный навык не быть жлобом даже в самых жлобских контекстах, так и умение обрисовать любую ситуацию в двух словах (да и то порой не своих). Например, открывающая альбом песня «Ленинград» на три четверти состояла из

притянутых за уши цитат — при этом получилась одна из самых удачных и точных песен, которые вообще когда-либо складывали об СПб.

Без пары вещей («Багдад» и «Небесный теннис») можно было бы, наверное, и обойтись, однако прочие композиции сделали все для того, чтобы немедленно отключить впечатлительному слушателю мозг и крепко засесть у него же в печенках. У Владимира Дашкевича был позаимствован очередной (после «Собаки Баскервилей») рифф для нужд песни «Одна гитара на всех». Загадочная фраза «одна сигара на всех» также являлась цитатой — из Ливанова-Холмса.

На смену старой непуганой считалке «Кокаин хорошо, ну а водка лучше» явился темный, перебирающий косточки инструментал «K@k@in». Композиция была весьма ко двору, поскольку как раз примерно к середине нулевых кокаин в Москве и Питере окончательно перестал быть суетным аксессуаром богемы и бандитизма и распространился на довольно неожиданные слои населения — к порошку по каким-то причинам пристрастились люди, для которых пределом падения еще недавно являлось нефильтрованное пиво по выходным. Народившаяся простодушная популяция курносых нюхачей очень скоро превратила кокаин в своеобразное подобие девятой «Балтики», некий эрзац извращенности и повсеместности. Шнуров в какой-то момент тоже взялся подбивать ноздрю — но увлечение оказалось недолгим и быстро сошло на нет.

Коронным номером «Хлеба» стала «Свобода». Сокровенная вещь, звучащая на лучших минутах второго бусловского «Бумера», в новой версии превратилась в настоящую былину, в некое смысловое огниво всего альбома — кипеловский сэмпл был ликвидирован, вопль «я свободен» стали исполнять вживую, и этот хор напоминал спевку пожизненных зэков. «Свобода» стала второй общенациональной надрывной удачей Шнурова со времен песни «Мне бы в небо». Шнуров в очередной раз сочинил хит по мотивам чужой песни — почти как Генсбур со своей «Chanson de Prevert». «Свобода» была наиболее человечным номером с «Хлеба» — пластинки грохочущей, колючей и мизогинической. Все шнуровские альбомы были негласно посвящены конкретным особам, и только «Хлеб» посвящался не женщине, но разрыву с ней — у Шнурова с Акиньшиной к тому времени все уже было не слава богу, и под занавес 2006 года они расплевались окончательно.

Так или иначе, на примере «Хлеба» «Ленинград» — при всей своей плотскости и грубости — в который раз зарекомендовал себя тонкой и трудноуловимой субстанцией. Кому перегар, а

кому и легкое дыхание. Я бы сказал, что «Ленинград» — это торжествующий куравлевский выдох Жоржа Милославского в момент, когда он с экрана сует всему миру в лицо пачку красного Marlboro (сам Шнуров, кстати, как раз Marlboro и курит).

Пока писался «Хлеб», в «Ленинград» зачислили веского новичка. Звали его Стас Барецкий. Это был сокрушительно грузный бритоголовый поэт без определенного возраста, похожий на американского борца Тора Джонсона из фильмов Эда Вуда. Щедрые шрамы на его большом лице напоминали зарубки древних, толком не изученных цивилизаций. Барецкий работал охранником на рынке в городе Ломоносов, параллельно выступая текстовиком и фронтменом в электронной группе «Елочные игрушки». Шнур с ходу вставил в «Хлеб» аж две песни на его стихи, а потом пригласил и самого автора в основной состав «Ленинграда». С внедрением Стаса группа окончательно стала напоминать некий передвижной цирк жестокости. Поначалу его роль на концертах была сугубо декоративной — он сидел на стуле в шнуровском котелке и довольно похоже изображал из себя настоящее идолище: корчил жуткие рожи, хлестал «Русский стандарт» из горлышка и надсадно ревел: «Сука-а-а-а-а-а!!! О-о-о-о!!! Ебать ту Люсю-у-у-у!!!» Московская премьера Барецкого в составе «Ленинграда» состоялась на одной из елок в декабре 2005 года. Фактурный говорящий бугор посреди сцены сперва всех огорошил, но к нему быстро привыкли. Барецкий врос в группу споро и естественно. Вскоре он начал читать свои оголтелые рэпы под музыку «Ленинграда». Выходило мощно — он пиздел, как мешки ворочал. В конце концов за ним закрепилось стихотворение «Дом», которое он и оглашал благим матом между вторым и третьим куплетами «WWW». Иногда Барецкий брал на себя разрушительные функции Ромеро — пил много и невовремя, крушил стулья, однажды перед концертом в «Точке» спьяну бросился на несчастных корреспондентов «Нашего Радио». Впрочем, последняя выходка носила скорее предупредительно-устрашающий характер. Вообще же, это был дружелюбный и рассудительный человек — в группе его называли Колобком.

Так в «Ленинграде» появился третий — после Пузо и Севыча — и, очевидно, последний тотем. Впрочем, официальная должность Стаса Барецкого в группе называлась «имидж».

В самом конце 2006 года, когда скачивание музыки из Интернета перешло из режима эпидемии в ранг жизненного норматива, а новый Бонд явил миру в высшей степени пацанскую харю и замашки, которые впору было озвучивать шнуровской песней про агента 007, «Ленинград» выпустил альбом под названием «Бабье лето». Девизом этой пластинки вполне мог бы

стать возглас из «Москвы — Петушков»: «О пустопорожность!» Альбом действительно был вполне проходным, а впрочем, забавным. Как выразился бы Гарик Осипов — музыка не препятствовала нашему разложению.

Ветрогоны из группы «Ленинград» в своем теперешнем статусе напоминали проносящуюся мимо машину с мигалкой — ажитация неизбежна, хотя повод не разобрать, но и не суть важно. Шнуров все так же уникален в своем ненормативном драйве, он все так же смешно козыряет ниже пояса, но при этом группа впала во вполне номенклатурное дионисийство; суть нового альбома — это совсем уже какая-то беспробудная лафа из дома вечного отдыха. Дача, баня, пабы.

«Бабье лето» — альбом-пустяк, комплимент от шефа, полная противоположность черствого гитарного «Хлеба». «Ленинград» будто бы испытывал терпение — песни строились на сэмплах из Никулина и Боярского, пародировали Crazy Frog и самих себя — «вот опять уходит телка от меня, от меня, хотя денег до хуя, до хуя». На общем фоне выделялась феерическая композиция «Губошлеп», исполненная совершенно оглушительной глупости, какая встречалась разве что на некоторых номерах альбома «Пуля». Сам Шнуров полагал равной ей по идиотизму разве что песню про сапожника в исполнении А. Б. Джигарханяна. Удача иного толка — это «Life Is Fuck», действительно очень хорошая песня, особенно сильно действующая в ускоренном концертном варианте.

В альбом по каким-то причинам не вошла предназначавшаяся для него (и весьма ударная) композиция «Пусть яйца мешают, я буду танцевать» — в качестве оправдания Шнуров сослался на некоторую сырость материала.

Практически одновременно с выходом «Бабьего лета» я бросил писать сиди-обзоры в «Афише» — собственно, прощальным отзывом и стала рецензия на «Бабье лето». Там, в частности, сообщалось:

«„Ленинград“ практически не дает в Москве концертов (хотя, как показывает недавний прецедент в „Точке“, способностей своих совершенно не растерял), с головой уйдя в пространство корпоративных вечеринок. Это ведь совершенно отдельное пространство — большая нервозная жратва с очень странной публикой, с очень специальной аурой, с очень дополнительными, как выражался в советское время Жванецкий, деньгами. „Ленинград“ всегда чутко реагировал на окружающее безобразие и одновременно был социально близок всякому довольству, и мне кажется, что „Бабье лето“ — это как раз реакция на какую-то вселенскую корпоративку. Песни с пластинки будто специально

написаны так, чтобы над ними в случае чего мог просиять спорный приговор караоке: „Вы поете великолепно“.

Уже довольно много лет „Ленинград“ служит универсальным зарядным устройством. С конца прошлого века Шнуров последовательно прибирал к рукам всевозможную публику: богему, бандитов, ментов, журналистов, футбольных фанатов, клерков, олигархов — малых и относительно больших, совершенно разных, мягко говоря, кинорежиссеров П. Буслова, И. Дыховичного, Б. Хлебникова, С. Соловьева и Е. Лаврентьева, телевизионщиков, ценителей девятой „Балтики“ и просто тех, у кого есть мобильный телефон. В этом смысле „Бабье лето“ — это всего лишь расширение пространства гульбы. И, подобно всякому затянувшемуся разгулу, „Ленинград“ периодически (а на новом альбоме довольно часто) достигает тех областей, где уже попросту неинтересно. При этом энергии ничуть не убывает. Это все-таки редкая сноровка — нести ахинею и оставаться живее других».

«Ленинград» действительно не изменился, но корпоративные гуляки были уже не те. В 2007 году любой из резидентов Comedy Club занимал их, пожалуй, больше, чем песни про то, что «нет квартиры и машины нет». «Ленинград» воспринимался ими всего лишь как часть праздничного заказа — что, в общем, было логично, хотя и досадно. Денежная тема, которой Шнуров всегда любил бравировать, начала оборачиваться против него, и Шнур стал свирепеть, поскольку «Ленинград» в его понимании всегда был товаром, но никогда — услугой. Однажды на каком-то дне рождения на Рублевке Шнур, пропев несколько песен, пристально посмотрел в зал и поинтересовался: «А кто вы вообще такие? Не пошли вы все на хуй?» В ответ, впрочем, только рассмеялись. На собственный концерт в «Дягилеве» Шнур пришел с бутылкой коньяка — на входе ее отобрали. Причем охрана сделала вид, что его не узнала. Шнур тоже сделал вид, что ничего не случилось. Концерт не клеился, публика ни на что не реагировала, тогда Шнуров предложил: «А давайте мы больше не будем играть, а будем прыгать». И действительно спрыгнул в зал. За ним по очереди последовали все музыканты, за исключением Барецкого. Концерт продолжался минут тридцать. Заказчики несколько удивились, но промолчали. На следующий день в ресторане «Горки» Шнур не стал даже и прыгать, а просто послал всех присутствующих на хуй и ушел со сцены на второй, кажется, песне. Однако заказчики в «Горках» оказались посерьезнее, чем в «Дягилеве», поэтому сорок тысяч евро пришлось вернуть, причем незамедлительно. В тот вечер еще намечался концерт в «Орленке», но директор Веич от греха подальше отменил его

вовсе. Таким образом, общий убыток от шнуровских эскапад составил восемьдесят тысяч — музыканты возвращались в Питер злые как черти.

Иногда шнуровское пьяное остервенение выливалось в абсолютно гениальные концерты — так, например, было на празднике не пойми кого в каком-то нелепом шатре в Екатерининском парке. Для начала Шнура как следует вырвало «Баллантайнсом», после чего он вышел на сцену, с ходу потребовал: «Девки вперед, мужики назад!» — и заиграл телефонную тему из «Бумера». И хотя я слышал эту вещь живьем бессчетное количество раз, и хотя я понимал, что играет ее усталый невменяемый человек, и хотя я знал, что все музыканты думают в данный момент только о том, как поскорее свернуть эту халтуру, ком в горле уже парализовал работу мозга. Передо мной была без дураков великая группа, играющая для трех-четырех десятков случайных зевак один из лучших своих концертов. В «Ленинграде» не было ни грана озорства и кривляния — одно лишь тупое и несомненное величие. За кулисами Шнуров, пошатываясь, предупредил меня: «Если напишешь хуевую книгу про „Ленинград“, я тебя убью». После концерта все потащились в Петрозаводск — Шнур умудрился протащить в поезд свою новую подругу Матильду, у которой не было ни билета, ни паспорта.

Десятилетие группы «Ленинград» прошло без помпы и, как мне показалось, без особой радости — даже несмотря на то, что оно совпало с днем рождения самого Шнура. Ему исполнилось 34 года. Концерт играли в «Б1», теперь уже главном рок-клубе города, визитной карточкой которого стали отвратительный звук и бестолковая охрана. По всему городу висели афиши, народу было хоть отбавляй. Но ликования не получилось. Я подарил Шнурову книжку «Прошу, убей меня!», а участники группы «Ленинград» — факсимильный клочок бумаги с надписью «СЕРТИФИКАТ НА ВСЮ ХУЙНЮ». Концерт прошел нормально, не более того. Никаких приглашенных гостей, никаких сюрпризов, никаких намеков на прошлый репертуар. Разумеется, никого из старого состава, кроме разве что Светы Колибабы — она вышла спеть «Терминатора». Из старых вещей сыграли только «Пулю» — из всего вдовинского репертуара Шнуров только ее и не чурался.

Осенью журнал GQ в очередной раз назначил его человеком года — совершенно неясно, за какие достижения (все произошло в тот момент, когда альбом «Бабье лето» был уже благополучно забыт, а «Аврора» еще не появилась). Ничего особенного не происходило, если не считать того, что Шнуров записал аудиокнигу («Москва — Петушки»), запустил под своим именем линию обуви (с предполагаемым лозунгом «Ботинки „Шнуров“ —

похмелья не будет»), а также снялся в кинокомедии «День выборов», где исполнил песню со словами «Выборы-выборы, кандидаты-пидоры». Ужасная правда заключалась в том, что песню написал не Шнуров, а Алексей Кортнев.

В тот год больше всего шума было вокруг скверного фильма Алексея Балабанова «Груз 200». Шнур вышел с премьеры обескураженный, презрительно произнес: «У меня жизнь страшнее». Вышла первая за бог знает сколько времени и весьма значительная пластинка «АукцЫона» — с приглашенными американцами (Марк Рибо, Джон Медески, Нед Ротенберг). Но Шнурову и она не понравилась. Он заметил: «Эта музыка вводит не в транс, а в ступор».

В 2007 году Шнур чуть не погиб — по дороге на дачу в Новотоксово Subaru не вписалась в поворот, перевернулась и упала в болото. За рулем сидел Пузо. Отделались царапинами. Шнур выполз из болота, таща на руках подругу. Набежали люди, кто-то сразу же потребовал автограф. Впоследствии Пузо не без некоторой гордости сокрушался: «Чуть не угробил национального героя!»

Летом я встретился с национальным героем в Лондоне — «Ленинград» выступал на русском экономическом форуме. Бродили по Сохо, Шнур чуть не купил цилиндр. В один из дней, вернувшись с упаковками сидра в гостиницу, мы включили телевизор, из которого даже не говорящему по-английски Шнурову стало ясно, что умер Ельцин. «Ну вот, — вздохнул он, — эпоха и кончилась». Стали собираться на концерт — играть предстояло почему-то в Ministry Of Sound. Шнуров надел на правую ногу зеленый кроссовок, а на левую — черный. Мы вышли к Гайд-парку, поймали кеб. По дороге я предложил: «Может, споешь песню „Ельцин, вернись“?» «Не получится, — Шнуров покачал бритой башкой, расцарапанной кошачьими когтями. — Никто из музыкантов ее не вспомнит».

Сергей Шнуров

Лужков уже не тот. Да и мы не те. Борьба с ветряными мельницами закончилась. Хотя, конечно, мирного договора до сих пор не подписано. Ну а хули с мельницами подписывать его? Они как мололи, так и мелют.

Андрей «Дед» Кураев

Когда на новогодней вечеринке Серега отказался петь, мне сперва стало неприятно — все-таки ты выходишь на сцену, люди от тебя чего-то ждут. Но буквально через час понимаешь, что ты этим людям до пизды, по большому счету. Они даже порадуются

тому, что все сорвалось, тому, что такое вообще бывает. Мы просто отдали без лишних разговоров обратно котлету денег, собрали инструменты и уехали. После таких историй понимаешь, что море, в общем-то, по колено.

Александр «Пузо» Попов

У нас же как? У нас же не выгоняют из коллектива. Нас бы давно уже с Севычем выгнали, потому что толку-то от нас мало. А не выгоняют, потому что толку от нас много.

Алина Крупнова

Шнур очень умный. На самом деле умный. Роскошный собеседник, если хочет, и абсолютно некомфортный, если не хочет. Идеально умеющий себя вести человек. Когда ему нужно было, чтобы все развалилось и ушли лишние люди, оно развалилось. Когда нужно, чтобы все братались и всем становилось хорошо, всем становилось хорошо.

Сергей Шнуров

Айпод — это фуфло. К тому же я не люблю наушники, и мне очень не нравится, если музыку ты слушаешь один и не с кем даже поделиться или если соседи звонят в панике. Самая хорошая музыка — это которая на концерте. Вторая тема — это когда она орет дома из колонок, это чуть ближе к концерту. А когда наушники — это извращение какое-то. Айпод вообще зло, потому что нивелирует абсолютно всю музыку в принципе — ты можешь слушать абсолютно все, для тебя это не событие никакое. Хуже радио.

Дмитрий «Демыч» Беляев

Серега в юности был очень подкован в западной рок-музыке — это от старшего брата у него. Потом начал интересоваться авангардистской классикой — Шенберг, Штокхаузен, Айвз. А когда он сам музыкой начал заниматься серьезно, особенно уже ничего не слушал. Ну а чего слушать, если ее и так уже хватает?

Олег Гитаркин

Шнур на самом деле неплохой музыкант, но ему не хватает вкуса. С другой стороны, он ему не особо нужен. Да и вообще дело во внутреннем драйве. В конце концов, весь «Ленинград» держится на Шнуре, а не на ровных барабанах Кощея. Он мог бы один выступать или с тремя людьми, я вообще не понимаю, зачем ему пятнадцать человек. Я видел, как он играет на гитаре и на басу, — он на самом деле хороший музыкант. А как певец, он

просто выдумывает себе разные истории. Мы вот писались, он говорил: надо выбрать манеру, могу как Папанов, могу как Миронов, могу как этот… ну есть у него манера дурацкая под этого джазиста, не помню, как зовут. Ну и если послушать внимательно все его альбомы, то понятно, что у него всего две или три манеры. Ну, он ими овладел, молодец. У многих вообще нету никаких манер.

Сергей Шнуров

Какой-то вес мое поведение имеет, но я не унываю по этой части. Вписываюсь во всякое говно, чтобы, собственно, душой не стареть. Премии веду, награждения всякие, стараюсь не забывать о своей юности.

Стас Барецкий

Смысла мало в жизни. А Шнур мыслит реально, он не летает в облаках. Как он сохранил эту черту, я не знаю.

Иван Дыховичный

У Шекспира сказано: они поймали общий тон, и он выносит их на поверхность. Шнурова, разумеется, стали использовать и так или иначе подставлять, это нормально. Но Сережа правильный человек, широкий. Не надо себя экономить. От этого хуже не делается.

Дмитрий «Демыч» Беляев

Я Сереге неоднократно говорил, что я бы уже лично просто сдох, если бы существовал в таком эмоциональном ритме, как он сейчас.

Сергей Стишов

Шнур неожиданно позвонил, говорит: завтра буду у вас в Гоа, приезжаем на пять дней снимать передачу. Встречай! Передача получилось полное говно, но, как ни странно, не из-за пьянства Шнурова, а из за распиздяйства съемочной группы. Один из операторов сразу же отвалил в Моржим к Буслову, больше мы его и не видели, а Шнур фактически не бухал. Шнур ел! Я показал ему несколько европейского уровня ресторанов, где подают стейки, так вот он оттуда и не вылезал, съедая по три штуки за раз, особенно ему приглянулся еврейский ресторан «Зурис», тем более за все платило телевидение, я тоже пару раз поучаствовал в халявной трапезе. Гоанская тусовка неоднородна в своих музыкальных пристрастиях, но в основном это транс-туса, люди, которые проводят по полгода в Гоа, ну а потом начинают

колесить по миру, посещая различные трансовые фестивали, естественно, никто из них не ведет счет отечественным поп-рок проектам, даже таким скандальным, как «Ленинград». Меня попросили познакомить с несколькими русскими, которые живут в Гоа, чтобы Шнур взял у них интервью. Большинство либо отказались из-за нежелания светиться на ТВ, либо спрашивали, сколько им заплатят денег, но те, кто согласился поговорить, совершенно были не в курсе, кто такой Шнур. Мы сидели в Чапоре в джус-центре, люди подходили, здоровались, спрашивали у Шнура, как его зовут. Шнур даже начал немного напрягаться, но виду не подал. Окончательно добила ситуацию девушка Надин, которая умудрилась три раза переспросить у него, как его зовут. Единственный человек, который узнал Шнура, был какой-то питерский торчок, который подвалил к нам в джус-центре и пытался навязаться Шнурову в друзья, еле мы от него отделались. По большому счету в Гоа каждый сезон отдыхает довольно большое количество звезд, и узнают лишь Дельфина (который там живет уже лет десять), Жанну Фриске и Титомира, остальные скляры и анфисы Чеховы остаются незамеченными. Кстати, и на Мика Джаггера особого внимания в прошлом сезоне никто не обращал. Там свои кумиры и свой мирок, все голые и нет авторитетов, кроме Шивы.

Шнуров со съемочной группой передвигались на автобусе с водителем и переводчиком. Переводчик учился в Симферополе, сравнительно недавно, поэтому вместо русского языка он говорил на украинском, так что съемочная группа так и оставалась в неведении, что же происходит. Понять украинский с индийским акцентом было для них сложнее, чем хинглиш. Шнур привез с собой свой телефон «Вирту», и в какой то момент, находясь в автобусе, мы обнаружили, что телефончик-то спиздили. Стали мы на него звонить, а тут водитель к нам высовывается из своей кабины и, улыбаясь, как лучший друг, спрашивает: «Вы телефончик не теряли, друзья, а то я тут трубку нашел, ну и положил к себе, чтобы никто не украл». Оказалось, что кнопка выключения телефона «Вирту» незаметна, если не знать, где она расположена, иначе говоря, водитель спиздил телефон, но не смог его выключить.

Стас Барецкий

Мне как-то передали, что, типа, Шнуру нравятся мои песни. А у меня было два альбома записано, до «Игрушек» еще. Песни я писал для себя, никакой славы не хотел. Не знаю, где он их услышал. Забили стрелку в офисе, приехали, ну и забухали, потом полетели в Москву, там отдыхали, ходили по музеям.

Сразу сошлись. Что-то он во мне разглядел, удивительно даже.

А потом еще раз встретились в офисе с ним и с Андрюхой Андромедом. Говорят: давай в «Ленинград» к нам. Я: ну, хуй знает. Были у меня большие сомнения, не сразу я согласился. Я и фанатом-то «Ленинграда» никогда не был. Хотя тема, безусловно, пацанская. Умирали же, реально, с песнями «Ленинграда» — вот у меня пацана убили знакомого, а в машине нашли окровавленную кассету группы «Ленинград». У нас в Ломоносове реальный культ группы. «Ленинград» — это же фишка для простых людей из маленьких городков. Я как-то пригласил Шнура в клуб к себе в городе, так его просто стали рвать на части. Невозможно было посидеть, в результате мы прыгнули в тачку и уехали.

Сергей Шнуров

Песню «Кредит» сделали за полчаса на студии. Барецкий принес бумажку с текстом, я сказал «сейчас» — и все заиграло. Просто мир стал более социален за последние несколько лет, не по части России, а вообще. К тому же «Ленинград» всегда была социальная группа, как ни крути.

Станислав Ф. Ростоцкий

Меня привели в так называемый «офис» «Ленинграда» — это большая квартира недалеко от Московского вокзала. Уже довольно поздно. Были Шнуров, Барецкий, Севыч, Семеляк, может быть еще кто-то, точно не помню. Выпивали. В какой-то момент Севыч вспомнил, что сегодня день рождения Аркадия Северного, поставил соответствующий диск. Настроение улучшилось. Я неосторожно возьми да и ляпни что вот, мол, у меня тоже скоро день рождения, 20 апреля, в один день с Гитлером. Шнур страшно обрадовался. «Надо, — говорит, — тебе подарок сделать! Давай тебе татуировку сделаем — усы как у фюрера!» А я к тому моменту уже был очень хороший. «Давай, — говорю. — Усы так усы». Шнур начал названивать своим знакомым татуировщикам, типа, брат, тут человек из Москвы приехал, надо его уважить, день рождения, то-се, а попутно все больше и больше распаляется. «Гулять так гулять! Давай уж тогда нормальные набьем, большие!» Тут я смотрю — Семеляк уже напрягается, потому что понимает, что добром все это не кончится, и повезет он меня обратно в Москву с выколотыми усами. «Да ладно, — говорит, — Серега, бог с ним, обойдется он и без усов». А у меня уже у самого пьяный кураж играет. «Нет! — кричу. — Сказано — сделано! Я за базар отвечаю!» Тут и Стас Барецкий уже начал проявлять беспокойство, но Шнур никого не слушает, все названивает то одному кольщику, то другому, а время уже к пяти

утра, кажется, идет. На том конце провода, слава богу, все сонные, все отказываются ехать, кто-то говорит, что краски нет, кто-то еще что-то, а Шнур продолжает гнуть свою линию. Я слышу, Семеляк с Барецким тихонечко переговариваются, вроде того что ладно уж, приедут, сделают ему какую-нибудь наколку, все и уляжется. Главное, чтобы не усы. Но никто не приехал. Так и остался я без усов.

Сергей Шнуров

Куда бы мы ни приезжали снимать «Шнур вокруг света», везде происходили какие-то ужасы. Были в Венгрии — там ураган. А потом революция маленькая. Были в Кении — там зарезали русского посла. Были в Таиланде — там произошел военный переворот. Поэтому я называл нашу съемочную группу не иначе как конница Апокалипсиса. А в Японии мы с оператором после двух литров виски решили показать, как мы умеем ебошить стены. Но мы же не знали, что они из гипрока! Ну и разъебали в гостинице две стены. Приехали два отделения японцев, познав, что русские буянят. Вначале просили пять тысяч долларов за проломленную стенку, но мы штукой откупились. Вообще это раздутая история насчет того, что надо куда-то обязательно ездить. Воту меня отец никуда в жизни не ездил, и я не считаю, что он ущербный. Счастливее люди от путешествий не становятся. Что такое туризм? Когда ты тратишь деньги и ничего при этом не приобретаешь. Что до так называемого секс-туризма, то он вообще возможен в одном отдельном клубе. Ходи в один клуб каждый день — и у тебя все время будут разные. Сейчас и в Питере, и в Москве полно каких угодно. На хуй, спрашивается, самолет? Выебал какую-нибудь бабу приезжую из Владивостока, вот тебе и секс-туризм. Для этого даже во Владивосток ездить не нужно. Все наоборот.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Мне кажется, Шнуров больше стал бухать в последние годы. Три дня не попьет, потом опять срыв. Родители его сильно переживают из-за этого. Они у него, кстати, замечательные. Очень интеллигентные, со всеми этими старыми традициями, со всеми всегда на «вы». А он даже по телевизору хвастается: могу, мол, выпить за день две бутылки вискаря, и это не предел.

Я заходила на их концерт по поводу десятилетия — постарел Шнур, конечно, и Севка тоже, худые такие, видок ужасный.

Я заметила, он с группой уже особо не общается — то ли они все друг другу надоели, то ли поругались из-за чего-то.

Стас Барецкий

«Ленинград» — хорошие образованные люди, у них есть чему поучиться. Да и потом я думаю, что надо плыть по течению, а сейчас оно правильное. Все лучше, чем в тюрьме сидеть или бухать. Хотя мы, конечно, бухаем. Охуенно бухаем. Но это грамотное бухалово. От него появляется какой-то смысл. Какая-то движуха, очень интересная. Многие об этом мечтают. Люди, в принципе, души продают за такое. Но мы души не продаем. Мы просто бухаем.

Алина Крупнова

Я так и не постигла смысл нахождения Стаса Барецкого в группе «Ленинград». Как когда-то не могла постичь смысл Севыча — он, конечно, отличный человек, с ним приятно общаться, но… все-таки зачем?

Олег Гитаркин

Один мой знакомый недавно сказал, что у Шнурова был шанс, но он его проебал. В принципе я тоже так считаю. Шанс в том смысле, что он мог стать звездой мирового масштаба. А он не то чтобы пошел на потребу быдлу, но как-то… не использовал себя до конца, по-моему. То ли не поверил, то ли не понял.

Денис «Кощей» Купцов

Мы в «Хлебе» принимали участие постольку поскольку — кто успевал записаться, тот и записывался. А создавался он так: Серега у меня спросил, кто был главный в сайкобилли. Ну, я дал ему несколько имен, названий. Он послушал и сказал: ну, мне все равно больше всего Ministry нравятся. Я говорю: ну да, правда, к сайкобилли это не имеет никакого отношения. Шнуров хотел, чтобы смешалось дикое рокабилли с Ministry. Я говорю: ну можно так сделать. Главное, чтобы постоянно бочка колотила. Плюс он еще сам там сыграл на контрабасе какие-то партии. Ну, в конечном итоге и получилась смесь Ministry и сайкобилли. Все это довольно необычно, потому что там еще вдобавок дудки, плюс тексты эти совершенно бешеные и сумасшедшие. «Нефть» — это вообще пиздец, одна из моих любимых песен. «Хлеб», кстати, здорово пошел на Западе. Его в Германии сразу издали на East-block, и он очень всем покатил.

Ира Седова

В «Китайском летчике» у меня было прозвище Ира Министри. Однажды Пузо, с которым я не была еще знакома, должен быть передать мне какие-то ключи.

Приходит Пузо, крепко выпивший, и говорит: «Мне тут надо отдать ключи какой-то Оле Продиджи. Где она?» С тех пор меня в «Ленинграде» так и называют — Оля Продиджи.

Олег Гитаркин

Меня немножко смущает, что Шнур становится слегка эклектичен. Если уж ты решил записать пластинку в стиле сайкобилли, то зачем туда пихать RnB?

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Кощей на альбоме практически не играл, там все барабаны нарисовал наш звукорежиссер Дэнс. Первоначально альбом «Хлеб» носил название «Цой мертв». Что по питерским меркам было страшнейшим богохульством. Но потом концепцию пересмотрели, и все рэп-вещи, которые изначально были записаны, переделали.

Сергей Шнуров

Когда умер Цой, у меня ничего не дрогнуло. Умер и умер. Я к пятнадцати годам вообще русскую музыку практически перестал слушать. Слушал Led Zeppelin. И The Cure.

Стас Барецкий

Музыкой я вообще никогда не увлекался. Я вот был на концерте Цоя в свое время, мне не понравилось. Я склонялся либо к блатняку, либо к тяжеляку типа AC/DC. Но «Ленинград» слушают миллионы, и мне в конечном итоге заебись, если мои тексты услышат миллионы. Серега сейчас хочет с этой мелодией из «Бумера» что-то замутить, попросил подкинуть ему текст.

Денис «Кощей» Купцов

«Ленинград» хорошо принимают на Западе. Правда, в Европе на концертах примерно семьдесят процентов местной публики, а в Америке девяносто процентов русских, что очень часто обламывает. Потому что в основном это такое быдло, что мама не горюй. Из-за этого Серега не очень хочет туда ездить больше. А в Европе вообще класс.

Алина Крупнова

Года три назад я была в Тулузе и своими ушами слышала, как люди из какой-то местной богемной тусовки играют ранние песни «Ленинграда», имитируют русский язык, разучивают партии. Какая-то группа даже тубу купила для этой цели. А несколько русских, живущих в Тулузе, пишут им правильные тексты. Я даже

лесбийскую группу там обнаружила, которая тоже поет песни «Ленинграда». Собственно, они как раз и купили тубу, эти девочки.

Андраш Фэкете

В Будапеште все чаще и чаще можно услыхать «Ленинград» — в кафе или по радио. На последнем Sziget где они выступали, фанаты установили в зале огромную, метра под два, елку из пивных банок. «Ленинград» играл на малой сцене, а на большой в этот момент были The Killers.

Но «Ленинград», по-моему, был лучше всех, один венгерский портал так примерно и написал. Они сыграли три или четыре песни на бис. Елку в процессе выступления разъебали, и пивные банки разлетелись во все стороны. Диким успехом у публики пользовался этот их толстый человек, особенно когда он зубами раскусывал пивную банку.

Денис «Веич» Вейко

Несколько лет назад я был уверен, что «Ленинград», как ни печально, изживает себя. Но на последнем концерте в Берлине у них открылось какое-то новое дыхание. Они как раз отрепетировали песни с нового альбома, который, по-моему, стал ключевым для группы.

Всеволод «Севыч» Антонов

В Берлине Веич нечеловеческим образом обкурился. Сидит в гримерке, ничего не соображает. И вдруг вваливается какой-то чувак, ну и начинаются обычные телеги: «Ах, группа „Ленинград“, да какие вы крутые, да как я вас люблю, да давайте выпьем» и все такое. Веич смотрел-смотрел на него, а потом простонал: «Чувак! Не обламывай позитив!»

Алина Крупнова

На концерте в Вене Шнуров ударил человека. Просто вытащил кого-то из зала на сцену и нокаутировал. И половина зала после этого удара просто развернулись и вышли. Потому что тот человек, которому он врезал, вообще не представлял никакой опасности. Моим русским друзьям, живущим в Вене, еще долго приходилось оправдываться за шнуровскую выходку. Вообще, это странно, потому что я раньше за ним подобной распущенности не наблюдала. Я поездила с разными крупными петербургскими коллективами и видела обратные ситуации: когда, в общем, и надо было бы за себя постоять, за себя или за девушек, которые рядом, никто этого не делал.

Сергей Шнуров

Про русский рок все понятно. К тому же сейчас они вообще позорно смотрятся, эти истории из прошлого, колорита в них никакого нет. С точки зрения сегодняшнего дня все эти рок-герои так называемые — это лузеры. Самые обыкновенные. Когда чуваки держали ларьки и занимались подпольным бизнесом каким-никаким — ну, там, шили свитера и кожаные куртки, — музыканты эти были просто лузеры. Нытики. Ну не герои ни хера. Не AC/DC. Никто не умер от передоза на золотом унитазе. Во всем этом русском роке нет ни Есенина, ни Шаляпина, такого настоящего кутилы, чтобы «ах, еб твою мать, раззудись плечо!». Нытье сплошное. Шевчук мог таким быть, но не стал. Шевчук, блядь, должен ездить на «хаммере» в собольей шубе и уж не знаю там, в ресторане «Астория» ставить всех на уши. А его самого в этой «Астории» Киркоров нагнул. Есенин вот, казалось бы, тоже провинциал глубокий, однако же ему было дозволено.

Андрей «Андромедыч» Антоненко

Волшебство в «Ленинграде» осталось, но я чувствую его чаще в студиях, нежели на концертах.

Станислав Ф. Ростоцкий

Случилась как-то корпоративная вечеринка группы «Ленинград» в очень пафосном московском ресторане «Серебряный век» — лепнина, бронза, статуи. Публика соответствующая. Музыканты играют на сцене, Стас Барецкий пляшет с дамами в вечерних туалетах. А команде поддержки тем временем ужасно хочется выпить. И пошли мы с большим другом группировки Алексеем Зиминым за кулисы — в надежде, что по райдеру музыкантам хоть что-то да проставят. Пройдя в зал, переоборудованный под гримерку (а раньше там были бани, поэтому обстановка соответствующая, особенно запомнился крутящийся корабельный штурвал), мы с Зиминым обнаружили, что все полагающееся для «Ленинграда» бухло уже было благополучно употреблено. Поэтому мы просто сидели и разговаривали на всякие отвлеченные темы. Но выпить хотелось чудовищно. И тут дверь распахивается и входит милая девушка, которая говорит: «Здравствуйте, ребята! А кто у вас тут главный по группе „Ленинград“? Я, так сказать, арт-директор данного заведения». Зимин, недолго думая (я вообще ни разу не видел, чтобы кто-то о чем-то настолько недолго думал), говорит: «Я!» «А как вас зовут?» «Веич», — говорит Зимин, и на лице у него такое выражение, что вряд ли кто-то сумел бы усомниться, что он Веич

и есть. «Ох, — говорит девушка, — как хорошо! Мне бы с вами нужно обговорить возможности дальнейших выступлений вашей замечательной группы в нашем ресторане. Сколько, скажем, стоит, у вас получасовое выступление?» Зимин надувает щеки и говорит: «Ну, барышня, вы знаете, график у группы очень напряженный, все вопросы такого рода надо решать конкретно, в общем, созвонимся. Арт-директор собирается уходить, и тут Зимин небрежно так ей замечает: «Да, кстати, не могли бы вы нам организовать бутылочку водочки?» И через паузу: «А лучше — виски». «Для вас, — расцветает милая дама, — конечно же!» Но, судя по всему, что-то в голове у нее щелкнуло, и вернулась она без всякого виски, а с поллитрой (не ноль семь, как мы рассчитывали), да вдобавок еще и открытой. Тем не менее даже и этим она очень помогла друзьям группы, да и самой группе тоже.

Сам же Веич ко всему этому отнесся весьма философски, потому что и без этого у него было немало дел. Так, например, в телефонном разговоре с какими-то важными людьми он, не меняясь в лице, говорил следующее: «Нет, понимаете, песню „Жопа“ группа играть не может — она разучивала ее в другом составе, понимаете? Так что песни „Жопа“ — вы слушаете? — не будет. Понимаете?»

А надо сказать, что в пресловутой гримерке лежали распечатки трек-листов всех альбомов «Ленинграда», где организаторы мероприятия отмечали композиции, которые им хотелось бы слышать. Особенно трогательно, что кто-то выделил в одном из трек-листов композицию «Бабаробот». Целиком, на полчаса. Ее, правда, как и «Жопу», тоже не сыграли.

Денис «Веич» Вейко

Раньше все делалось однозначно: надо играть — значит, надо играть. Сейчас вопрос ставится по-другому: можно играть, но надо ли? Очень часто в последнее время Серега сам не знает, хочет ли он играть. Большей частью он играть не хочет. Но нужно ведь как-то поддерживать и проект, и музыкантов.

Светлана «Колибаба» Шестерикова

Шнуров прагматичный человек, он всегда знал, к чему движется. Все по схеме. При этом если что-то сразу не получается, он не будет к этому возвращаться. Но он все-таки гениален. Я после «Ленинграда» поработала с Сукачевым, тогда-то я и поняла, насколько Серега гениален. Сукачев, конечно, великий манипулятор, его все слушают, но, например, импровизировать, как Шнуров, он никогда не сможет. А Серега в любой сфере найдет свою тему. Даже если «Ленинград» растеряет

популярность, он что-то новое придумает. Да и никакого нового героя все равно так и не появилось.

Станислав Ф. Ростоцкий

Как-то раз сидели в «офисе» группы «Ленинград», взяли нормально. Я, как человек истеричный и подверженный всевозможным нехорошим излишествам, в какой-то момент схватил кухонный нож и начал, по обыкновению, пилить себе вены (происходило это неоднократно, в связи с чем я получил от Шнурова прозвище Жмур, которое на удивление прижилось и до сих пор не теряет своей актуальности). Шнуров смотрел-смотрел на все это безобразие с некоторым прозекторско-энтомологическим интересом, а потом и говорит: «А чего ты мучаешься? Вон возьми лучше да и застрелись!» И вынимает из выдвижного ящика секретера самый настоящий автомат Калашникова, чуть ли не в масле. Я, конечно, несколько опешил и пилиться перестал. А Шнур не унимается: «Я, если хочешь, тебе его подарю! Из офиса автомат, конечно, выносить тебе не полагается, но всегда знай — он твой!» После этого разговор перешел в какие-то совсем уж конкретные дебри, но о том, что у меня теперь есть АК-47, я никогда не забываю. А Шнур после этого начал буквально заваливать меня подарками — у меня теперь целая коллекция. Из наиболее примечательного могу выделить майку с надписью «Онанизм — не преступление», гипсовую копию петергофского льва и нереальную немецкую зажигалку. В последний раз вообще пальто подарил — прямо как в «Курьере».

Борис Хлебников

Шнуров обладает абсолютно счастливым сознанием. Он — человек, живущий до Толстого и Достоевского, и вообще всех людей, которые придумали проблемы смерти и жизни. У него счастливое сознание цельного человека. И от того, что он делает, у меня всегда приток абсолютного счастья и дикой радости. Я обожаю его слушать с утра, когда у меня нервное состояние или надо куда-то идти, куда не хочется, договариваться о чем-то. Первое дело — включить «Дачников», и дальше уже все по хую, можно идти все делать.

Сергей Шнуров

Музыка — это пустота, а вокруг пустоты ничего невозможно, только ходить вокруг да около: вот, блядь, пустота. Это не оттого, что я такой, а оттого, что мир такой и все такие. Остается бодрость, пьяность и задор!

Глеб Владиславлев

Непонятно, откуда столько драйва. Вот ты живешь себе тихой размеренной жизнью. И вдруг — концерт «Ленинграда», и ты на несколько дней из этой размеренной жизни выпадешь. А люди этой безумной жизнью постоянно живут.

Александр «Пузо» Попов

Я в «Ленинграде» вышел на пенсию. Ничего не делаешь, а бабки платят. «Ленинград» — это дело, которое всем нравится. Что-то в нем меняется, но основная мысль та же. Я, когда выпью, до сих пор многие песни бабам под гитару исполняю. Им нравится. Микшер как-то сел ко мне в машину, открыл бардачок и увидел три диска: Глен Миллер, Prodigy и Аркадий Северный. Примерно так я и думаю. Музыка бывает двух сортов: пиздатая и хуевая. Вот «Ленинград» — пиздатая.

Глеб Владиславлев

Я иногда думаю — господи, сколько ж Серега наплодил нахлебников. До херища. И всю эту шайку-лейку надо кормить. Сереге же все вокруг должны, по деньгам.

Сергей Шнуров

Хуевые люди в нашей компании не выживают.

Алина Крупнова

«Ленинград» — это аккомпанирующий состав. И по большому счету никому нет дела до того, в каком состоянии находится тот или иной из участников. Разумеется, все музыканты так устроены, что они готовы врать до последнего и кричать: «Мы — группа». Меня и ненавидели за то, что я всю жизнь им говорила: не притворяйтесь, пожалуйста, что вы братья. Будьте реалистами, вы аккомпанирующий состав. Кого Сережа собрал, те и «Ленинград». И Сережа это прекрасно всегда понимал. Он никогда ни во что не вмешивался, никогда не кидался никого искать, когда мальчики пропадали, — а я, например, кидалась. Он прекрасно понимал: взрослые люди, вырулят.

Александр «Пузо» Попов

Я просто точно знаю, где будет стоп-тайм в той песне, которую Серега еще не сочинил. Поэтому я здесь до сих пор и играю.

Михаил Ефремов

Я один раз выступал с группой «Ленинград». Ну как выступал? Вышел матом ругнуться на сцену. У меня был спор. Три раза крикнул со сцены «хуй!». На пари.

Василий Уткин

Я купил «Бабье лето», а накануне расстался с девушкой. Не могу сказать, что песня про баб меня окончательно наставила на путь истинный, но вдруг я подумал, что в принципе ничего страшного не произошло. Ну, таковы бабы, таковы мы. Куда деваться.

Денис «Вейч» Вейко

Однажды была такая корпоративка — крошечное помещение, стоит длинный стол, за ним сидят разные важные люди, а в трех метрах от стола стоят парни и играют. Люди оказались нормальными чуваками, быстро вскочили из-за стола и пустились в пляс. Вообще, я не помню ни одной совсем уж унылой корпоративки. Все-таки «Ленинград» обязывает оторвать задницу от стула.

Сергей Шнуров

Молодежь стала рафинированная. Интересны углы, а она вся какая-то круглая. Все приходится самому делать. Вот я недавно в Москве в «Б2» пришел пьяный. Пошел в туалет, а там такие коридоры длинные, мне идти надоело, я болт вытащил и давай ссать прямо на сцену. Причем я этого не помню. Набежала охрана, а я как начал на них орать: «А ну пошли все на хуй! Какое звание?! Все уволены!» Ну а что такое, в самом деле? Это вообще клуб или это что?

Михаил Ефремов

«Ленинграду» бояться не хера, они могут идти на все четыре стороны, в том смысле что они совершенно свободны в своем выборе. Они по-любому будут правы, потому что такую платформу себе заготовили! И названием, и музыкой, и матерком, и всеми этими бытовыми философскими слоями, которые они так или иначе снимали один за другим. А если они, как The Beatles, хотят разбежаться, тогда пускай выдают своего «Сержанта Пеппера». Но тогда уж пусть стараются по полной, причем именно по звуковому ряду.

Сергей Шнуров

Чем меньше делаешь, тем больше тебя узнают на улицах. Вот меня GQ опять назначил человеком года. Никто нихуя в этом году

не сделал, включая меня, а кому тогда, спрашивается, давать премию? Мне, разумеется.

Всеволод «Севыч» Антонов

Мне до сих пор снятся сны, что мы выходим играть, а никого в зале нет.

Глава седьмая: мужик для музыки

Поутру в холодильнике обнаруживается шикарная линия продуктов — полупустая бутылка бюджетного виски White Horse без крышки, два пива «Крушовице», какая-то старорежимная сельдь в винном соусе, икра минтая и кетчуп. Рядом с плитой валяется недоеденная закоченевшая пицца из ночного магазина, похожая на обкусанное глиняное блюдо. У раковины стоит закрытая консервная банка с питьевой водой. На обеденном столе — початые до двадцатой страницы «Братья Карамазовы», летовский альбом «Зачем снятся сны», пособие по григорианскому пению и запиленный до наждачного состояния DVD с надписью «Сними трусики, пропусти стаканчик». На полке стоят фотопортреты Сталина и Высоцкого. Лето. Квартира большая, светлая, радостно неухоженная, как молодая девка. Здесь живет Шнур. А вон и он сам. Шнуров спит на диване в одежде и без одеяла. Подушкой ему служит свитер. На нем даже написано, что это Шнуров, поскольку он спит в майке с собственным изображением. У него нет татуировок, зато на груди болтаются сразу три креста. «Если б я делал себе татуировку, — однажды признался он, — то, конечно, „Мишек в лесу“. Во всю спину». Рядом валяется выключенный телефон Mobiado. На часах полдень, но Шнуров еще долго не проснется, поскольку угомонились мы в девять. В квартире мертвая тишина, слышно только, как кошка перегрызает телефонный провод. Собак Шнуров не любит.

Я бы не стал преувеличивать масштабы шнуровского пьянства, однако и принижать его способности в этом плане не стоит. Пьет он порядочно. Хмелеет сравнительно быстро, но держится дольше всех — будет пить до утра, до полного изнеможения, до агонизирующей бравады. Так было и вчера. После 500–700 граммов Шнуров, нагуляв опасный темный огонек в глазах, любит устроить кому-нибудь капитальный разнос — особенно страдают от него люди творческих профессий, имевшие неосторожность вступить с ним в спор. Пребывая в режиме «walk on the wild side», Шнур не лезет в карман ни за словом, ни за кулаком — споры иногда кончаются дракой, но вчера обошлось. Вчера ночью Шнуров выдвинул тезис «„Спитфайр“ — самая хуевая группа в мире». «Спитфайр», напомню, вот уже пять лет как составляет костяк группы «Ленинград», и ключевые фигуры ансамбля как раз присутствовали. Шнур полночи проводил методичную работу по уничтожению собственных музыкантов. Когда трубач Рома Парыгин попытался что-то возразить, Шнуров

сказал: «Я — гений, а ты — нет». Я подумал, что в свете подобных разбирательств группа «Ленинград» недолго просуществует в нынешнем составе, но оказалось, что такие проработки не редкость и на них никто давно не обижается.

Шнуров на самом деле очень серьезно относился к музыке, в том числе и к собственной. Подолгу слушал Рахманинова, купил даже абонемент на вечера органной музыки, пытался меня туда загнать. Несмотря на перманентные автохарактеристики «мы играем говно-музыку», за мало-мальский наезд на «Ленинград» он бил в морду не раздумывая, оперируя при этом стивенсоновским словечком «пес». Он вообще ершистый — в четвертом классе ему перебили лопатой ногу за то, что он не хотел стоять в строю.

Обычно люди, напиваясь, говорят на повышенных тонах. Шнур, наоборот, начинает говорить тише, глуше, со сдавленной хрипотцой.

Шнуров легко может обидеть, ударить, но при этом человек он все-таки не опасный, не гадкий. В нем нет этой подлой кабацкой есенинщины, столь распространенной среди музыкальной богемы, — сзади бутылкой по голове и т. п. Хотя драться со Шнуровым непросто. Я видел его пару раз в деле — у него четкий отработанный удар, и он очень быстро двигается. Однажды я в образовательных целях предложил ему спарринг, но уже через несколько секунд пропустил такой удар в челюсть, что у меня отпала всякая охота продолжать тренировку. Поэтому, когда опьянение поневоле приводит к состязаниям, я предпочитаю более безопасный армрестлинг. Шнур традиционно валит меня правой, я его — левой.

Как-то мы встречали с ним Новый год — это было в «Б2» в 2002-м. Шнур играл сольник. После концерта все перепились, и одна моя знакомая зачем-то похвасталась: «А мой муж, кстати, каратист». Мужем был человек по имени Эрик Янсма, милейший тишайший голландец в очках, ростом чуть не на голову меньше Шнура и в тот момент практически не говоривший по-русски. Шнуров обрадовался: «Давно мечтал подраться с каратистом!» Прежде чем кто-либо (и в первую очередь Эрик) успел что-либо сообразить, Шнур молниеносно надавал ему тумаков, еле оттащили. Потирая ушибы, Эрик признал: «He moves pretty fast».

Про Шнурова можно сказать словами Бунина о Катаеве: «Был в нем определенный бандитский шик». Он дитя спортивных лагерей — в свое время мог подтянуться сорок раз. Шнуров любит вставлять в речь словечки типа «фраер», порассуждать о чужих семизарядных помповиках и вспомнить о своих пневматических пистолетах. В юности он шастал в Money Honey в белой майке, клетчатых брюках и танцевал в два раза медленнее, чем играла

музыка. Имел даже ножевое ранение — по малолетке.

Что пьет Шнуров? Ну, водку. «Царскую» и «Русский стандарт». Однажды ему померещилось, что на этикетке написано не «Русский стандарт», а «Мария Стюарт», с тех пор он так ее и называет. Также он питает слабость к Remy Martin, Moet&Chandon, клубничной «Маргарите», сакэ и сидру. И обожает мохито. Один раз ему в баре на Таганке перелили сразу порций десять в пластиковую лохань, он приперся с ней на какую-то рублевскую корпоративку, издали было полное ощущение, что это банка рассола.

Надо сказать, что деньги (довольно большие) имеют для Шнурова символическое значение. Символическое в буквальном смысле слова. Они для него что-то вроде Прекрасной дамы, в том смысле, что он не наслаждается ими в полной грубой хозяйской мере. Будучи состоятельным человеком, он совершенно не оброс соответствующими привычками. Никаких тосканских вин, никаких single malt никаких гастрономических излишеств, никаких курортов или ботинок Prada. Он как варил свой фирменный суп из красной фасоли с тушенкой, так и продолжает его варить. Весь его вид говорит: «Мы можем позволить себе все, но выбираем именно это». Как объяснил однажды Шнур фотографу Васе Кудрявцеву, наличие у себя телефона Vertu — это не для того, чтоб отбиваться, это чтоб не нападали.

Однажды в Лондоне я привел его в Selfridges, пробыли мы там минут десять. Выйдя, он проворчал: «Не знаю, кем надо быть, чтобы покупать ботинки за триста фунтов». То же самое и с путешествиями — больше всего ему нравилось воинствующее захолустье. На правах телеведущего НТВ он объездил полмира, однако единственной точкой, о которой он мне распространялся взахлеб, оказался Таджикистан. Ни Мексика, ни Америка, ни Гондурас, ни Вьетнам, ни даже Эфиопия не произвели на него такого сокрушительного впечатления, как Душанбе. К машинам Шнур относился практически как Генсбур. Не умеющий водить Генсбур использовал свой «роллс-ройс» как пепельницу, не умеющий водить Шнуров зачем-то собрал антикварную коллекцию ходовой рухляди — «чайка», «волга», «победа».

Деньги ему нужны для самосознания ну и для разнообразных перформансов — например, взять и купить по пьяни белый Mini с зеленой крышей (самую дорогую модель). Или, гуляя с подругой по Питеру, в эротическом помешательстве снять номер в «Астории» на пару часов — дотерпеть до дома он не мог. Не думаю, чтобы в этом была какая-то специальная игра или поза. В конце концов, он сделал имя на вполне определенных вещах и понятиях, с большими деньгами никак не связанных. Поэтому, с

одной стороны, Шнур просто остался им элементарно благодарен, а с другой — он слишком хорошо чувствует собственный стиль. Однажды мы шли на день рождения, не озаботившись подарком. Спохватились мы слишком поздно, до адреса оставались считанные сотни метров, подарок было взять негде. Шнур гениально выкрутился. Он закупил в обычной пивной палатке по экземпляру каждого наименования — бутылки, зажигалки, презервативы, мороженое, шоколад, календарики etc. Получился огромный мешок какой-то дряни, который, однако, выглядел вполне завораживающе.

Я думаю, что всю свою интеллектуальную базу он наработал лет до двадцати пяти. В нем не было этой нахватанности, начитанности. Небольшой, но действенный запас знаний плюс острота ума — вот Шнур. Он, в сущности, человек с глубоко традиционным сознанием (не зря же он никогда не ел наркотиков, это сознание расширяющих). Научился читать, научился драться, воспринял энное количество книг и пластинок — а дальше сам. Он всегда с некоторым недоумением смотрел, как я скупаю пачками пластинки. Я думаю, что он относился к бесконечному поглощению культурной информации, которому я был подвержен, как к затянувшейся репетиции. Сам-то он практически не репетировал.

Из всех обязанностей, которые неизбежно налагает на музыканта такого уровня шоу-бизнес, лучше всего он умел делать две вещи: играть концерты и давать интервью. Все большие концерты он играет, как правило, совершенно трезвый. Перед сольными стадионными выступлениями он заметно нервничает, хотя неудач у него до сих пор не случалось. Третьим источником самовыражения, помимо песен и слов, служили наряды. И хотя времена, когда он ходил по Тверской в женском платье (как выражался в таких случаях Игги Поп — «Чувак, это мужское платье!»), давно прошли, ему по сей день удивительным образом идет любая чепуха. Майки-алкоголички, пиджаки, котелки, берлинские бушлаты, фески, пробковые шлемы, ковбойские рубахи, какие-то невообразимые меховые туфли, клоунские башмаки с загнутыми носами, привезенные из Риги. Он любит повторять, что лучшие модельеры — это бомжи. В какой-то момент он пристрастился к ношению разномастных кроссовок — утверждал, что так начинаешь по-другому мыслить.

Мыслит он действительно своеобразно. Вообще, наши с ним разговоры зачастую напоминают отношения между пелевинскими Петром Пустотой и Чапаевым.

Шнурову очень нравится этот роман, как выяснилось, мы оба читали его еще в «Знамени». Его практически невозможно

переспорить, он всегда выигрывает, даже когда я знаю, что я абсолютно прав. Помню, однажды он завел свои обычные речи про то, что путешествуют только дураки, а шмотки и креветки можно и в Москве купить. Я разозлился: «Шнуров, а тебе не приходит в голову, что креветки там как минимум свежее?» Шнуров удивленно посмотрел на меня: «С чего ты это взял? Ну вот с чего ты это взял?»

Тьфу.

У Цветаевой было хорошее определение для людей типа Шнурова — умный безумный.

При всей своей доподлинности он высоко ценит самую забубенную постмодернистскую игру — не случайно он с таким пиететом относится к Сорокину. Шнуров — человек одновременно честный и хитрый, редкое сочетание.

Я полагаю, что ключевое качество Шнурова — это все-таки остроумие. Остроумие не в плане перманентного зубоскальства, а глубже — как некое жизненное начало, как его понимал Бальтазар Грасиан. Подобно логике, остроумие пользуется понятиями, которые вырабатываются разумом, но, подобно искусству, остроумие пользуется сближением далеких понятий без всякого логического обоснования, таким образом открывая истину — вот готовый рецепт «Ленинграда». В нем определенно было что-то от Ленни Брюса. Шнуров сближал далекие понятия без всякого логического обоснования на любом подручном материале. Мне запомнилось письмо, которое он написал на лаваше — бумаги под рукой не оказалось. Письмо было адресовано Алексею Герману-младшему, с которым Шнур накануне крепко повздорил. (Кстати говоря, у старшего Германа он снимался — в массовке «Мой друг Иван Лапшин». А в детстве Шнуров с мамой ходили на творческий вечер Александра Володина. Володин дал Шнурову автограф. Написал: «Сергею, творческих успехов». Так, в общем-то, и вышло.)

Шнуров никогда не пользуется услугами смс. В своей жизни я получил от него только одну эсэмзску, и то подозреваю, что он ее продиктовал. Она гласила: «Генерал вызывает полковника. Вспомни авган».

Вряд ли ему на самом деле нужны какие-то советы или важны чьи-то мнения, но он всегда обожал делиться своими свежими записями. «Семель, ну как тебе?» — непременно спрашивал он про новую песню, подругу или квартиру. Однажды я видел, как он плясал вприсядку под песню собственного сочинения — кажется, это был «Ремонт».

Шнурову, безусловно, льстит популярность, однако он равным образом никогда не искал встреч со знаменитостями и не

стремился обрасти адъютантами. Я никогда не слышал от него длинных восторженных рассказов о величинах, с которыми ему довелось общаться, — будь то Башмет, Соловьев или Сорокин. Ну Соловьев и Соловьев. С куда большим и продолжительным пиететом он рассказывал о своем старом друге Демыче, который работает церковным сторожем. По большому счету Шнурову не нужен ни свет, ни свита. Свет ему вообще не очень подходил, поскольку он любил с незавидной регулярностью погружаться на дно. Он одиночка, и, в общем, если он в каком обществе и нуждался, так это в женском.

Не было у него этого комплекса полноценности, дикого барства по типу «все в кабак, и я плачу!». У него и кумиров-то, по большому счету, не было. Взял как-то автограф у Мамонова — но это по случаю. Высоцкий ему нравится — Шнур в свое время любил петь «На братских могилах», но тоже не до одури. Песни The Beatles он на гитаре не играл никогда, даже в школе. Я думаю, что из всей русской рок-музыки он по-настоящему завидовал только Цою как мелодисту (особенно ему нравилась «Музыка волн, музыка ветра»), а из западной — Led Zeppelin. Однажды ночью у него в гостях мы слушали их концертник на такой громкости, когда собственно музыка уже исчезала, поскольку децибелы давно затмили всякую ноту. Шнуров в каком-то трансе внимательно вслушивался в оглушительный гитарный рокот. Потом тряхнул головой, задумчиво высказался: «А я мог бы играть в Led Zeppelin. Ну не гитаре, так хоть на маракасах». Как ни странно, но имя Чарльза Айвза я впервые услышал от Шнурова.

В больших компаниях Шнуров, несомненно, упивался собой — ну а почему бы нет, с другой стороны? У него большой член, сильный удар и плотный шарм.

Я не думаю, что Шнуров гений. Для гения он все-таки слишком от мира сего, к тому же у него явный перебор положительных черт характера. Он скорее звезда, причем универсального толка. Как у того же Пелевина — могу стихи писать, могу эскадроном командовать.

У него очень живые беспокойные глаза. Я никогда не видел в них выражения покоя. Хотя вру — иногда такое бывало. Человека нельзя понять, пока не увидишь его в раздрае либо в идиллии. И хотя по роду деятельности раздрай у Шнурова случается не в пример чаще, я все-таки заставал его и в идиллическом состоянии, когда черные глаза подергивались добрым туманом. Новотоксово, дача, теплое бабье лето. Часа в два Шнур спускается со второго этажа, совершенно голый, весь залитый какой-то красно-бурой дрянью, не то вареньем, не то кетчупом. Шнур

смеется, тыча в заляпанный пах: «Семель, гляди, я ее убил. Наконец заживем как люди!»

Шаркая тапками, мы движемся в сельпо за водой. Нам навстречу идут две сонных девочки лет тринадцати. Я слышу, как одна лениво шепчет другой: «Смотри, вон, кажется, мужик из этой группы — как, блядь, она называется?» Ее подружка равнодушно зевает: «Да хуй с ним». Мы возвращаемся с пакетами. На даче пусто и тихо, только оглушительно тикают часы, которые Шнурову подарили родители на тридцатилетие. За окном шукшинским самоцветом краснеет калина. На участке в двадцать соток растут грибы, стоит джип Defender и несобранная юрта. Юрту Шнур привез из Монголии. Догорает костер, ветер доносит шашлычный дух — мы уже неделю питаемся одними шашлыками. Я сижу на веранде и стучу по клавишам. Шнур в куртке с надписью «Хоккей» высовывается из окна: «Семель! Иди „Ералаш“ смотреть. Я диск нашел, двести выпусков. Иди же скорей смотреть».

Вместо эпилога

Кинорежиссер Сергей Александрович Соловьев вздохнул и показал мне свой толстый тяжелый язык. И этот вздох, и этот жест символизировали искреннюю усталость кинорежиссера от всего происходящего, в частности — от шума, производимого в этот момент группой «Ленинград».

Происходило вот что — в Зеленом театре в сгущавшихся осенних сумерках снималось продолжение «Ассы». На той самой сцене, где двадцать лет назад Виктор Цой застолбил свою требовательную песню, теперь настраивался коллектив под управлением Сергея Шнурова. Они отрабатывали специально написанную по этому случаю композицию «Мы уже не ждем перемен».

Соловьев нарисовался на орбите группы в конце 2006 года. Он ходил на все концерты, подолгу сидел в гримерках, активно выпивал. За кулисами «Ленинграда» я повидал много восторженных до помешательства людей, но таких отчаянных комплиментов, какие отпускал группе Сергей Соловьев, мне не доводилось слышать еще никогда. Соловей вопил духовикам: «Блядь, если я завтра окочурюсь, сыграйте, пожалуйста, концерт на моих похоронах!» Он утверждал, что «Ленинград» — это наш сегодняшний Серебряный век. Он говорил: «Самый страшный грех — это уныние, а коль скоро Шнуров с ним борется, то он и есть главный праведник». Однажды после концерта он признался: «Блядь, я сейчас пойду и от избытка чувств кого-нибудь задушу, честное слово».

Короче говоря, САС позвал Шнура и «Ленинград» сниматься и петь в «Ассе-2».

Помимо грубости, лихости, свойскости и затрапезности в «Ленинграде» всю дорогу пульсировало это предательское ломкое очарование, и такой матерый собиратель сезонных нежностей, как Сергей Александрович, должен был рано или поздно его прочувствовать.

И вот мы все сидели в гримерке Зеленого театра. По коридорам, завешанным портретами Заппы и группы «Парк Горького», бродил печальный Стас Намин. «Ленинграду» на все про все выкатили два литра водки — я еще подумал, что райдер у Соловьева, очевидно, не изменился со времен съемок квартета «Кино». Двадцать с лишним человек покончили с водкой мгновенно. Непьющий Микшер заиграл на гитаре что-то колумбийское. Севыч тоже расчехлил гитару, захрипел «Сокольнички». Пузо заголосил в унисон. Все как-то резко и

обреченно развеселились. Если где на двери и следовало намалевать ядовитое летовское «в планетарном вытрезвителе последние берсерки», так это здесь. Шнур в увеселениях не участвовал — он блевал в туалете после предыдущих возлияний и в перерывах давал интервью.

Наконец Соловьев дал отмашку на выход. Севыч с лицом человека, делящегося табельным оружием, сунул мне в руку бубен, и наш потешный полк вывалился на сцену. Народу в Зеленом театре было очень немного. Дул пронизывающий ветер. Все это странным образом напоминало зимнюю Ялту из первого фильма. На сцене было неожиданно просторно. За дюжину концертов в обществе «Ленинграда» я успел привыкнуть к обязательной тесноте на подмостках: резкий шаг назад — и налетаешь на басиста, неловкий шаг в сторону — и путаешься в каких-то принципиальных для процесса проводах. Такая толчея давала почти животный эффект сплочения. Здесь же все было наоборот — мы стояли, рассеявшись, как шахматные фигуры в эндшпиле. Плейлист утверждал лично Соловьев, и песни исполнялись какие-то странные, типа «Меня зовут Шнур». Сам певец вышел наструнившийся, хмурый. На песне «Шоу-бизнес» он даже не стал представлять музыкантов. «Мы вас любим, — сообщил он залу, — но не очень». В тот вечер с «Ленинградом» играл еще и Башмет, тоже снимавшийся в «Ассе-2». Он встал за клавиши.

Если бы двадцать лет назад мне, смотрящему «Ассу» в орехово-борисовском кинозале «Авангард», сообщили, что во второй серии я сам окажусь на сцене Зеленого театра… ну понятно. Но сейчас я не испытывал ровным счетом никакого удивления. Все происходящее было так логично. Чем же еще закрывать эпоху, как не «Ленинградом», в самом-то деле? «Ленинград» был классической поколенческой историей, и если, например, Егор Летов оказался кем-то вроде нашего учителя, то Шнуров, певец кратчайших расстояний, был просто первый среди нас. В отличие оттого же Егора, Шнур не открывал горизонты, он подводил черту. Он определенно расставил все точки над «i». И не наша вина в том, что они оказались над «и» в слове «хуй».

История любой уважающей себя рок-группы по-хорошему должна заканчиваться крахом. Но в случае «Ленинграда» никакого краха не наблюдалось. Молодость обычно кончается в тот момент, когда ты становишься старше любимого певца. Но мы со Шнуровым почти погодки, поэтому всегда сохраняется надежда — может, эти штуки все-таки навсегда? Все здесь. Прошло десять прекрасных, несносных, совершенно световых лет. Появившийся только что альбом «Аврора» — определенно лучшее, что записал

«Ленинград» если не за эти десять, то уж за пять последних лет точно. В сущности, все обошлось. В нашем случае прошлое — это то, что сошло с рук. Высший и биологически ненаказуемый смысл «Ленинграда» состоит в том, чтобы перевернуться на машине, вылезти из болота и дать автограф. Потому что «Ленинград» — это доказательство жизни. Жизни, которая обязана заканчиваться просто и сносно, как хороший шукшинский рассказ: «Но праздник-то был? Был. Ну и все».

Раньше мне сгоряча казалось, что Шнуров называет вещи своими именами, сочиняет без музыкальных и лексических эвфемизмов, только тем якобы и хорош. На самом же деле весь его мат вкупе с отчаянной простотой игры на инструментах — это еще больший эвфемизм. Эвфемизм в высшем смысле. Своей крикливой бранью он затмевает огромное количество вещей, проблем, слов, рифм и неврозов. Сила «Ленинграда» — не в нарушении условностей, а в доведении этого нарушения до абсурда, уже самого граничащего с условностью, с утопией, с надеждой. В заветной сказке Сергея Шнурова с ее устоявшимися мотивами огненной воды и медных труб все невсерьез, но надолго, и грош души ведет себя как золотой запас целой страны. Вопрос ведь, собственно, не в том, из какого сора растут стихи, а в том, до таких высот они на этом соре вырастают.

Наверное, когда-нибудь нас всех за это накажут — и за эти песни, и за эти восторги, и за эти точки над «и». Но это будет уже потом.

А пока что на сцену повалил густой эстрадный дым. Странно, «Ленинград» обычно не пользовался спецэффектами. Мы застыли в этом дыму, как какие-то проштрафившиеся атланты из предбанника преисподней. Прямо передо мной огромным бильярдным шаром блестела лысина Барецкого. Справа кочевряжился Севыч. Слева жал на клавиши Башмет. Я усмехнулся и покрепче сжал в руке бубен.

Тут-то Шнур и запел «Мне бы в небо».